

Агеносов Г. Г.

РУССКИЙ ИСПАНЕЦ — СПАНИЕЛЬ

Памяти Валова Н. А.,
председателя секции московских спаниелистов
в годы ее процветания
посвящаю

Пятидесятилетний опыт работы с охотничьими собаками разных пород и, особенно, – со спаниелями позволяет мне написать эту книгу. Именно спаниель остается пока «собакой в себе», мало кому понятной даже из числа приверженцев этой породы. В определениях со стороны спаниель многолик. «Утятница» – услышите вы в провинции уважительно произнесенное обозначение спаниеля. Что ж, определение бесспорное. Будучи когда-то «злым утятником», не мысля себя без результативной утиной охоты, я завел себе в пятидесятых годах первого спаниеля. Он не был удачен. Через 10 лет я повторил опыт, и, когда мои спаниели лучших в то время в стране кровей заработали, я бросил утиную охоту, ибо они показали мне охоту более тонкую.

«Птичья гончая», – так решительно был аттестован спаниель одним солидным в охотничьих публикациях авторитетом. Эта аттестация прижилась. Но позвольте, разве легавая – плохая птичья гончая в неумелых руках?! Ах, как страстно гонят птичку по лугам и болотам какой-нибудь белый Бим с черным ухом или красный Рекс, не обремененные полевой постановкой! Имея честь быть экспертом по легавым, я видывал такую захватывающую гоньбу. В 1978 г. на Всесоюзных состязаниях легавых из 47 собак 15 были сняты с состязаний за гон, неподготовленность и непослушание. Ссылаюсь именно на эти данные, ибо состязания проводились спустя 91 год после первых состязаний легавых в России, что особенно показательно.

Есть еще характеристика: спаниель – подспорье в охоте «самотопом». Видимо, имеется в виду, что все-таки это лучше, чем топтать по гектарам охотугодий с ружьем наперевес в надежде вытоптать что-нибудь под выстрел. Разумеется, и это верно, особенно если ваш спаниель со слабым чутьем и без поиска, что в данной характеристике даже желательно, поскольку если он вдруг с чутьем да со страстью и скоростью имеет, то самотоп ваш доставит наслаждение именно спаниелю, но только не вам, так как он разгонит все на вашем пути за пределами и глаза, и слуха, и выстрела. Так что если уж самотопом, то берите спаниеля похуже, поинертнее, а еще лучше – совсем не берите: вдруг нарветесь на хорошего.

Наконец, совсем интересное: спаниель – собака пожилого человека. Ну, что вы! Хотя, конечно, инфаркт можно получить с собакой любой породы.

Итак, спаниель. Как-то мой годовалый спаниель квартировал у хорошего, как говорится в таких случаях, человека средних лет, опытного охотника, после охоты с лайками выбирающего для себя породу для подружейной охоты. Сам я склонял его к спаниелю, с этой целью и подсунул в своей агитации наглядное пособие, пользуясь тем, что мне нужно было лечь в больницу. Результат оказался противоположным задуманному: человек отказался от предложенной породы. «Для меня это слишком сложная собака», – сказал он и взял себе дратхаара.

В книге не будет обычного набора информации об истории породы. История эта известна, хотя и темна, поскольку историки древности обошли ее вниманием. У них свои задачи. Художники-живописцы средневековья на полотнах рядом с королями и дамами изображали собачек, отдаленно похожих на спаниелей, а нам, спаниелистам, уже и приятно. Сходимся на одном: если

судить по слову «спаниель», то собаки, нас интересующие, родом из Испании, не может быть, чтобы это было пустое созвучие. Вывезенные из Испании в XV-XVI веках, спаниели распространились во многих странах, видоизменившись в течение веков, отвечая местным условиям и задачам, поставленным перед ними. В Россию спаниели попали лишь в конце XIX века, то есть много позднее, чем куда-либо, будучи уже сложившимися разновидностями, и неизбежно «обрусели» в наших руках и условиях, и сегодня не перестав быть предметом споров и – непризнания. В настоящее время спаниели – это группа пород: спрингеры, коккеры, суссексы и так далее. В широко известной и переиздаваемой книге «Легавые» 1896 года (книга I) Л. П. Сабанеев писал, говоря о пяти породах, имевшихся в Англии, что «породы спаниелей начали смешивать между собой..., так как охотничьи качества всех спаниелей почти одинаковы». Англичане, однако, сохранили чистоту пород, благодаря Спаниель-клубу, основанному в 1885 году. В России сохранять в чистоте было некого, да и до спаниель-клубов какого-либо уклона было далеко. Русский охотничий (или просто русский, если угодно) спаниель – самая молодая, «сборная» порода, во многом проблемная, она еще ждет своих исследователей. Она методом отбора и стихийно точного подбора сложилась из коккеров, суссексов, спрингеров, фильдов. Смесь этих кровей еще и сейчас приходится уживаться друг в друге, порой подавая голос «исторической родины». В породе еще не сложилась однотипность, чему способствует и растяжимый пока стандарт, но сложился свой генотип породы, а факт наличия стандарта уже защищает породу от «импортного» посягательства на нее. Стандарту еще предстоит закрепить наиболее четкий идеал, а не средний тип породы под названием «русский охотничий спаниель» с допустимым сейчас разбросом высоты в холке до 6 см при максимальном росте в 44 см (кобели) и 42 см (суки). Достояна восхищения оперативность творцов стандарта, генетически грамотных людей, верно определивших тип спаниеля-испанца, которого примет и полюбит русский охотник в своем быту и своем образе жизни, не признающий парковых охот, нуждающийся в надежной подружейной собаке нового типа, более мобильной, чем классические легавые.

Не будет в книге и общих рекомендаций по выращиванию щенков, цифровых выкладок рационов кормления, азбуки общей дрессировки и тому подобного. Все это есть в книгах о собаках в изобилии. В этой книге предлагается опыт работы со спаниелем, причем под словом «работа» надо понимать все, что целесообразно делать со спаниелем с первых месяцев его жизни и далее для успешной последующей работы самого спаниеля в поле, на охотах. Опыт этот не противоречит общим и описанным положениям, хотя не всегда уместается в них и некоторые частности опровергает.

Будущий спаниелист (не говорю уж о тех, кто считает себя таковым, то есть имеет спаниеля) должен четко представлять себе предстоящую поэтапную программу деятельности своей собаки в поле, если берет спаниеля для охоты, причем в любом поле, по любой дичи. Будем считать эту программу оптимальной, классической и представим ее себе в полном виде в такой

последовательности. Пущенный в поиск, спаниель идет перед вами не бессистемно, а челноком против ветра. Скорость хода такова, что он успевает отходить от вас в стороны (слева и справа) не менее, чем на 30 метров (дистанция для верного выстрела в момент взлета дичи) в то время, когда вы идете по прямой своим обычным шагом.

Если спаниель прихватил длинный след и начинает в потяжке по линии следа отрываться от вас, вы должны без лишнего шума замедлить его ход или задержать с тем, чтобы, приблизившись или даже, возможно, подбежав к нему, вновь послать его в поиск, держась за ним в пределах надежного выстрела. И это во всем комплексе рабочих контактов с подружейной собакой – один из самых необходимых и трудно достигаемых моментов, в этом максимально проявляется рабочий контакт между двумя охотниками: вами и спаниелем. По поведению его вы увидите приближение возможного момента взлета дичи под выстрел. Если спаниель достаточно верен в чутье, то он точно выйдет на птицу, она не поднимется в стороне, будет сразу на ваших глазах, что и важно для верного выстрела. После подъема птицы на крыло ваш помощник остается на месте, не гонит птицу, но следит за ее полетом и падением, если вас можно поздравить с хорошей стрельбой. По команде спаниель приносит вам ваш общий с ним трофей. Все! Так просто.

Почему челноком? Потому что доказано не одним поколением мастеров постановки подружейных собак, что это самый рациональный рисунок организованного поиска даже в лесу (почему-то многие считают, что только на открытых местах). Почему против ветра – понятно: ветер – носитель информации для чутья. Почему, наконец, нельзя собаке гнаться за дичью (нельзя даже вопреки утверждениям «специалистов» в «птичьей гончей»!)? Ну, представьте себе на крайний случай: ваша собака подняла с пола (если сказать не по-охотничьи – с земли) молодого глухаря, который низко потянул над покосом или вырубом, а ваш длинноухий вундеркинд – вприпрыжку и с лаем – за ним... Кого вы будете в этом случае стрелять: птицу или мелькающую в своих счастливых прыжках собаку, находящуюся на одной прицельной линии с улетающим глухарем? Или то же – полет осеннего дупеля, прямо и низко летящего для удобной по нему стрельбы в угон вместе с пристроившейся к нему сзади гонящей собакой...

Во всяком случае, только правильно поставленный спаниель рационален и имеет смысл на охоте, точно так же, как имеет смысл только правильно поставленная легавая, в отличие от всех остальных пород охотничьих собак, ибо только от подружейных (каковыми и являются легавые, спаниели) правильная охота требует неестественных для них действий. В конце концов, все охотничьи собаки от природы имеют для себя одну задачу: найти, догнать в преследовании, схватить. Когда гончая по следу зверя на гону отдает голос или лайка облаивает найденную белку, это естественно для их инстинкта и эмоций, не противоречит охотничьей страсти собаки. Когда же подружейная собака при взлете птицы ложится или садится вместо того, чтобы страстно преследовать ее – это не естественно, этому надо учить, мягко говоря. Для всех зверей, в том числе и для собаки, естественно ходить так или иначе по кругу

или по кривой (на этом и построена в принципе охота с гончими), а от подружейных требуется челнок, что тоже неестественно, и челнок, даже врожденный, нужно собаке ставить. Одним словом, прежде чем возьмешь подружейную, особенно спаниеля, у которого нет или почти нет врожденного челнока, нет или почти нет врожденной остановки при подъеме птицы на крыло, – следует хорошо подумать: справишься ли с дрессировкой и постановкой собаки, поскольку этакий полуфабрикат от природы с культурой охоты несовместим. Разумеется, речь тут не идет об ограниченных функциях спаниеля, которыми многие удовлетворяются: только вышугнуть дичь или только подать из воды. Речь идет о классической программе работы спаниеля. Конечно, различны люди, и различен у них подход к охоте. Я, например, с удовольствием пойду в лес или болото без ружья с хорошей собакой и буду полон ее работой, но только по нужде пойду без собаки с ружьем.

Правда, работающих, грамотно, правильно работающих спаниелей встретишь не так уж много, особенно в глубокой провинции, но виновна ли собака при всей своей породной одаренности, что находится в неумелых руках человека, чьи представления о возможностях «спанэля» не идут дальше подачи уток из «калужины»? VIII Всероссийская выставка 1997 года на основании каталога дает тревожную информацию к размышлению по рингу русских охотничьих спаниелей. Всего в каталоге 55 спаниелей, из них 20 имеют полевые дипломы не выше III степени, 17 – только по утке. Диплом III степени для породного спаниеля в достаточно грамотных руках – это же минимальная норма кинологической культуры! Но спасибо великое и за нее. Это не роняет породу в глазах ее сторонников, особенно тех, кто по личному опыту знает, сколь нелегок путь к диплому, будь ты хоть трижды кинологически грамотен. И все-таки для дальнейшего размышления – еще данные с двух выставок.

V Всероссийская выставка 1972 года имеет в каталоге 94 спаниеля, из них у 11 дипломы лишь III степени, не выше того. Но зато какой богатый букет дипломов I и II степеней! Каталог XLIX московской выставки 1977 года содержит 166 (!) спаниелей, 66 из них – третьедипломники, но среди них много молодых, что естественно для городской выставки. Диплом начальной степени, конечно, характеризует в определенной степени собаку, но чтобы судить о ее «профессиональных» и врожденных возможностях, надо видеть расценку, полученную на испытаниях и желательнее не на одних. Есть собаки, имеющие по 5-6 дипломов III степени и ни одного – более высокого, но зато какие они стабильно надежные в своей работе!

И вот ваш выбор – спаниель

Итак, в доме появился щенок. Он высокопороден, от классных родителей или, по крайней мере, от собак, имеющих чутыстых рабочих предков во второй и третьей генерациях. Гены – вещь упрямая: подобное с подобным дает подобное, таков закон генетики. Специфические качества той или иной породы собак наследственны, а у заводских охотничьих пород – особенно. Не надо думать, что если родители охотничьего спаниеля не знают работы в поле, то дело охотничье для него погибшее; важно, чтобы в этих родителях была сильна кровь их предков – полевиков, ибо нередко качества дедов и прадедов передаются более устойчиво, чем качества предков первого поколения. Конечно, идеальный вариант один: охотничьи качества, проявлявшиеся на высоком уровне, закрепились в каждом из предков из поколения в поколение хотя бы в пределах четырехколенной родословной, и вы можете по документам представить качества чутья, быстроты поиска, стиля, настойчивости и подач, оцененных в баллах на испытаниях. Эти качества врожденные, хотя, увы, не гарантированные, ибо гены не только упрямые, но и капризные. И все же опытная рука может указать вам безошибочно на помет, из которого надо взять щенка, а из этого помета почти без ошибки возьмет того, который – ваш. Ах, бывают пометы, из которых и выбирать не надо: все хороши! В этом случае пусть ваш вкус выберет цвет и расцветку, а разум или какие-либо расчеты – пол. Говорят матерые охотники: до сорока лет бери кобеля, позже – суку. Возможно, это разумно. Но сам вот я достаточно матерый, а все как-то так получается, что беру кобеля и только в 69 лет взял суку: очень уж хороша была щенком – не устоял. Зато ко дню семидесятилетия она и преподнесла подарок бесценный: полевой диплом третьей степени. На кобеля надо больше силы, над ним приходится больше работать, прежде чем в деле дойдет он до нужной кондиции, но тут уж многое зависит от таинств вашей личности, от свойств природы и характера. Ибо по законам неведомой мне и вам сверхгенетики ваши качества перейдут в собаку (и хорошо, если хоть немногие ее качества – в вас). Являясь экспертом высоких категорий по нескольким породам охотничьих собак, я перевидел их тысячи и могу сказать: покажи мне твою собаку и я скажу тебе, кто ты. Впрочем, эта истина известна.

С появлением щенка вы уже знаете, что в него вложить, что получить в итоге. Исходя из этого, предъявляйте требования и к себе, и к нему. И если спаниель взят для охоты, школа его должна начаться почти сразу. Программа и система «образования» щенка не менее важна для охотничьего спаниеля, чем его физическое выращивание и развитие. Эта азбучность как раз и упускается чаще всего. Вот щенок уже подросток, он сильный, упрямый, а все еще не имеет даже начального образования; с ним управы нет, а все кажется, что успеется с послушанием и прочими разными «обязательностями». Свою леность и несобранность, свою неметодичность мы выдаем за убеждение, что собака не дура, сама поймет, что нужно, не надо ее принуждать, она

«закрепостится» – и тому подобное, не менее демократичное. Есть у меня знакомый, далеко не первопольный спаниелист, носитель и активный проповедник именно таких убеждений, но классической охоты со спаниелем он не знает, не видел и внутренне встревожился на шестом десятке лет, когда на областных состязаниях по болотной дичи его сука, имеющая диплом по боровой, в которой он был абсолютно уверен, с визгом и восторгом погнала бекаса. Да, сука его многое умела: она не только азартно подавала из воды утку или битого на тяге вальдшнепа, но и прыгала выше стола, когда за столом гости, а на столе вкусная еда. Родословная суки хорошая, «московская».

С самого начала нужно определить для себя набор тех команд и слов, какими вы будете пользоваться и которые станут совершенно обязательными для вашего спаниеля. Список команд и слов этих не должен быть велик. Вот он:

1. Место!
2. Ко мне!
3. Нельзя! (Фу! Тубо!)
4. Взять!
5. Сидеть!
6. Лежать! (Даун!)
7. Подай! (Апорт!)
8. Дай!
9. Ищи!
10. Гуляй.
11. Рядом!
12. Стоять!
13. Назад!
14. Вперед!
15. Тише (Тихо!)

Перечень команд-слов дан приблизительно в той последовательности, в какой имеет смысл осваивать их со щенком. Кличка собаки – не команда. Это обращение, возбуждающее внимание. Разумеется, слова-команды могут быть любыми другими, не должен быть другим их смысл в действии. То есть вы можете приучить своего воспитанника ложиться и по слову, к примеру, «пляши», если вы такой уж шутник – лишь бы собака легла, когда надо, чтобы она легла.

Команды и разговорная речь с собакой – далеко не одно и то же. Речь – в быту, в общении; чем дольше будет жить с вами ваша собака, тем длиннее могут быть ваши монологи в ее адрес. Она привыкнет к вашим манерам, настроениям, интонациям и – «поймет», можете ей хоть стихи читать, если уж захочется, но вся мировая поэзия не заменит ей и вам четкого «подай!» (апорт!), обязательного для исполнения в нужный момент. Эти команды и составляют курс дрессировки (не натаски!) спаниеля.

Команда «Место!» в комментариях не нуждается. Заметим только, что нужна она далеко не для того лишь, чтобы щенок не обитал, где попало, но знал свой угол и свою постель и уходил бы туда по приказанию. По этой

команде собака должна занять ту часть квадратного метра площади, на которую ей указали: возле рюкзака, в поезде, в машине, палатке, да мало ли где, – и оставалась бы на этом месте.

Свое постоянное в квартире, в доме место собака должна любить, неприятных ассоциаций с ним у щенка с первых дней нового местожительства (после отъема от суки) быть не должно. Желательно, чтобы ваш выбор места совпадал с выбором места щенком, если б тому было позволено выбрать, а ему, конечно, захочется поближе к вам. Методика приучения к месту проста и, вероятно, всем известна: где бы щенок ни заснул, проснуться он должен на «месте», то есть перенесите туда его, спящего. Полезно, чтобы на месте, определенном щенку, в первые часы его появления там был запах его родного гнезда, запах его матери. Есть много способов перенесения этого запаха.

Команда «Ко мне!». Важнейшая в жизни собаки и в вашем общении с ней команда. Вначале эта команда должна быть очень для щенка желательна и любима им, но позже – совершенно обязательна. Кажется, все очевидно, однако немного вам удастся увидеть в жизни собак, сразу по команде подбегающих к хозяину, чем бы они ни были заняты и на момент поступления команды на каком бы расстоянии в пределах слышимости ни находились.

Разумеется, вначале команда должна звучать для щенка по-доброму, ласково и в тот миг, когда он и без команды бежит к вам. Желание подбежать к вам вызывайте у щенка в игре, при угощении, кормлении, лаской. И каждый раз подбежавшего, подошедшего малыша поблагодарите, погладьте, угостите. Никогда не подзывайте щенка (и собаку) командой для внушения, наказания. Есть другие способы вступления в контакт с объектом вашего недовольства для выражения этого недовольства. Сразу вынужден оговориться: я не принадлежу к числу тех, кто считает, что собакой нужно управлять лишь путем ласки и нежной любви. Ох, если бы так! Пусть уж не очень покоробит вашу гуманность мое следующее ужасное заявление, если вы очень уж впечатлительны и даже вдруг член общества защиты животных: для работы с собакой надо иметь и плетку. Конечно, педагогические порывы не должны воплощаться в плетке. Надеюсь, вы умнее вашей собаки не только потому, что вы – человек, и плетка поднимается в вашей руке как раз тогда, когда без этого не обойтись. Остается пожелать, чтобы такая необходимость возникла раз или два в течение всей жизни собаки, не больше. Простите, но эти раз или два должны собаке запомниться. Кстати, в дрессировке плетка действительно не нужна в умелых руках, но в полевой натаске необходима. Пришейте повыше нагрудного кармана к куртке кольцо или петлю, сюда пристегните плетку, конец ее или свободно висит, или убран в боковой карман. Для собаки в натаске это важный атрибут, она не оставит без внимания сие украшение вашей куртки, а что это такое, она и с одного раза могла запомнить. Отсюда еще один вывод: ваша одежда для полевой работы с собакой должна быть постоянной, куртки, штормовки меняйте лишь в зависимости от погоды, и пусть пониже плеча висит плетка, даже если вы уже и забыли, как она отстегивается: забыли вы, но не собака.

И вот если по команде «Ко мне!» ваш спаниель к вам не подойдет, значит, вы где-то промахнулись с этой командой, упустили тот переходный период, когда из игровой и желательной она не стала обязательной. Что ж, как-то остановите, поймите ослушника уже без команды и – снимите плетку. Может быть через минуту-другую (а если собака еще не может погасить конфликт со своей стороны – то чуть позже), не спуская собаку с поводка или чок-корды, но дав собаке отдалиться или самому отстав от нее, повторите команду «Ко мне!». Исполнение этой команды всегда должно быть поощрено. Погладить подошедшую собаку, сказать «хорошо!» – на это не уйдет ни расходов, ни времени, нужно только заставить сделать это, даже если вы очень не в духе после болезненного срыва в послушании: много еще будет нелегкого и для вас, и для вашего ученика.

«Нельзя!» («Фу!» на языке служебного собаководства, «Тубо!» на староохотничьем лексиконе). Назначение команды прямое: предупредить и пресечь нежелательные или недопустимые действия собаки. Лучше всего внедрять команду, как это советуют некоторые мудрые авторы, при кормлении щенка. Поставьте перед малышом чашку с едой и, приговаривая несколько раз строгим голосом «нельзя!», придержите рукой над чашкой вначале секунды, затем – минуту, две и так далее. Отпуская щенка к чашке, произносите словокоманду «Взять!». Без разрешения словом «взять» еду не давайте щенку никогда. Так просто, над чашкой с едой малыш усвоит сразу две команды. Но в дальнейшем не над чашкой с едой всякий раз произнесенное «Нельзя!» должно вами доводиться до конца, если собака не очень внимает ему. Будьте уж, пожалуйста, и логичны, и последовательны, да и достоинство имейте: если нельзя, то пусть не значит, что когда очень хочется, то можно. «Нельзя» – одна из самых категоричных команда. Команда же «Взять!» пригодится в дальнейшем при отработке подачи, если с ней будут трудности, возникающие чаще, чем можно было бы предположить.

«Сидеть!». Кажется, этой команде специально и учить не надо: подзовите щенка, поднимите над его головой лакомство, произнося слово «сидеть», – и готово: щенок поднимет голову и, изнемогая от желания получить вкусное, непременно сядет сам, а вы ему – лакомство за это. Но если серьезно, с этой командой нужно определиться для себя заранее совершенно особо, и вот почему. В натаске, на испытаниях и на охоте придется запрещать спаниелю гнаться за взлетевшей из-под него птицей, о чем уже и говорилось. Это будет очень непросто: остановить разгоряченного запахом и видом дичи азартного пса. Нужно усадить или уложить его по команде тотчас, как только птица взлетит. Команда должна быть железной, совершенно бескомпромиссной, должна на первых порах звучать, как выстрел, ее приходится не произносить, а обрушивать на собаку всей мощью воли и власти своей. Только это действительно тотчас остановит разогнавшегося в броске к дичи спаниеля.

Так вот, что вы выберете: будете ли собаку укладывать или заставите ее сесть? Обычно рекомендуют остановиться на команде «Сидеть!» или того хуже – «Стоять!», мотивируя выбор тем, что спаниель – собака небольшого роста, и если ее уложить, она не увидит, куда упадет битая дичь, Совершенно

логично, только она этого и в положении «сидеть», «стоять» не увидит, если трава, осока, колосья так высоки для низкорослой собаки, как это обычно бывает в болотах и полях. Ваш выбор определит самую главную, все тормозящую в собаке команду на всю ее жизнь. Выбирал и я, согласно литературе, команду «сидеть!» и даже добивался успеха, пока не понял, что лечь собаке всегда естественнее и легче, чем сесть. Понаблюдайте за собаками. Часто ли они сидят в естественном своем состоянии? Они или двигаются, или стоят, или лежат. В игре перед броском щенок или собака ложатся. То же они делают, прося пощады, «сдаваясь» (только поза иная, чем перед броском); они ложатся, когда очень виноваты, ложатся, когда обижены, ложатся в состоянии крайне положительного возбуждения, ложатся в спокойном состоянии. Одним словом, в качестве останавливающей команды я выбираю команду «Лежать». Но если вы предпочли команду «Сидеть», то уж эксплуатируйте эту команду без устали. Выработывая рефлекс на команду, действуйте последовательно. Вначале – игра. Затем – ни одного случая задержки с выполнением команды. Тут придется усаживать собаку общеизвестным приемом, усаживать обязательно в той точке, где застала собаку команда. Создавайте для этого соответствующие ситуации. Во всяком случае, шестимесячный щенок должен садиться на любом от вас в пределах рабочего контакта расстоянии, если вы приказали ему сесть. Чтобы этого добиться, надо начинать с того, что щенок не медлит с исполнением команды, находясь возле вас. Удержите его в положении «сидеть» вначале секунды, затем – минуты. Выдержка пригодится и щенку, и вам. Когда щенок будет прочно сидеть, находясь возле вас, отойдите от него на шаг назад, глядя пристально на щенка и повторяя команду. При малейшей попытке щенка вскочить шагните к нему и вновь усадите. Так вот, пятясь от щенка и возвращаясь к нему с поощрением, если он сидит, от урока к уроку увеличивайте расстояние (в пределах разумного, конечно). Разумеется, весь этот курс может быть пройден ускоренно, все зависит от прилежания щенка и вашей точности в действиях. Если щенок для исполнения команды подбежит к вам, возьмите его, отнесите к той точке, где застала его команда, и усадите там, повторяя команду. Это должно повторяться всегда, даже и со взрослой собакой. После того, как щенок будет уверенно и сразу садиться в спокойной для него обстановке, заставляйте его сидеть в самые неожиданные и даже нежелательные для него моменты: он заигрался, а ему «Сидеть!», побежал – «Сидеть!», погнался за кошкой, голубем – «Сидеть!». «Сидеть! Сидеть!» – самая властная, выключающая мгновенно собаку из любого состояния, обязывающая команда.

По тому же принципу все происходит с командой «Лежать!». А лучше даже – «Даун!». Это ударнее, сильнее звучит при сильном произношении. И в «сидеть», и в «лежать» главное – постоянные, все усложняемые тренировки. Слово «дрессировка» тут даже не очень подходит. Тренируя собаку, тренируете себя. Пока я не совершенно уверен в надежности команды «Лежать», я укладываю собаку перед любым действием, желательным для нее: перед чашкой с едой, перед тем, как спустить с поводка. Мои собаки команду «Лежать!» любят и исполняют мгновенно, хотя звучит она в моем исполнении

сокрушительно, если требуют того обстоятельства. Я могу разогнать молодого спаниеля командой «Вперед!» и тут же скомандовать «Лежать!». Он развернется в воздухе, в прыжке и ляжет ко мне головой, счастливый. Ну, разумеется, это в том случае, если без дичи. При дичи он тоже ляжет мгновенно, с прыжка, но – носом на птицу! Какие уж там угонки! Проскок по инерции в два метра мы считаем постыдным для себя. И те, кто прочтет эти строки из числа видевших моих собак в работе, вспомнят, как удивлялись столь мгновенному их торможению. Особенно отличался в этом чемпион Гервиг-Минор 3295/91. В возрасте еще до двух лет на Свердловских областных состязаниях он на чистом, без растительности месте с заходом накоротке броском поднял дупеля и по команде, не проскочив ни метра, лег, следя за улетающим. Эксперты заопасались, что он идет на высокий диплом, и решили усложнить ему подачу, для чего председатель экспертной комиссии собственноручно закинул тушку птицы в куст, где она жалко повисла. Действия председателя, что было понятно каждому присутствующему при этом, совершенно противоречили правилам испытаний, но я вдруг вызывающе захотел проверить до конца собаку и стерпел тот факт, что увлекшийся властью эксперт собственноручно и дал команду «Подай». Гервиг-Минор пошел (шагом!), разыскал висящую в кустах тушку, понюхал ее, вернулся ко мне и забастовал. Никаких подач из чужих рук по чужой команде!

Но вернемся, однако, к «Сидеть» – «Лежать». Со временем одна из этих выбранных вами команд станет в жизни вашей собаки обычной рабочей командой и в то же время будет доминирующей или, если все было правильно сделано, – сверхкомандой. Был такой факт в моей практике. Я пригласил на охоту по болотной дичи своего товарища, охотника и стендовика, чтобы угостить его красивой работой моего чемпиона Ажик-Минора 1329/с, имеющего к тому времени два диплома первой степени и работающего четвертое поле. Естественно, в качестве гостя мой товарищ получил право первоочередной стрельбы, я же шел с ружьем на плече, полагаясь на стендовое мастерство приглашенного. Ажик работал чисто, при взлете птиц садился (тогда доминирующей была у меня еще команда «сидеть»). А мой стендовик так же чисто, как чисто работал Ажик, промахнулся по трем птицам подряд. Четвертого бекаса недоумевающий Ажик-Минор яростно погнал. И что же? Я понимал состояние спаниеля, но – есть вещи, которые требуют педантичной неотвратимости. С трудом остановив собаку метров за 15 от места взлета птицы, я отстегнул плетку, подошел к собаке, взял ее на поводок и – пришлось пренебречь титулованностью чемпионской – резко ударил. В охоте же взял тайм-аут. Через 30 минут я вновь пустил Ажика в поиск, попросив товарища идти за мной без стрельбы. Почти тотчас на полном галопе верхним чутьем спаниель прихватил на ветер через плотный куст, бросился сквозь него напролом, и над кустом взметнулся высокоугонный бекас, упавший после выстрела. Не радуясь выстрелу, с чувством горечи я огибал куст, уверенный, что за кустом, скрытый от меня, Ажик, конечно же, опять погнал и сейчас ищет упавшего. Каково же было мое облегчение, удовлетворение и онемение, изумление моего незадачливого стендовика, когда мы увидели за кустом

Ажика, сидящего у самого основания куста, не шелохнувшись. Так что, увы, не лаской единой. И ни одного попустительства. Отношения же с собакой только крепче станут. И не считайте все, что тут у меня о плетке, жестокостью. Собака – животное стайное, в стае верховодит вожак, и воздействия его на стаю держатся не только на моральном авторитете.

«Подай!», «Дай!». Спаниель – подающая, апортирующая собака, что общеизвестно. Да, подающая, но известно и то, что подача – одно из самых уязвимых мест в постановке ее. Почему? Не знаю. Знаю лишь, что лайки, дратхаары обычно подают без проблем или хотя бы стремятся активно схватить птицу или мелкого зверя. Бывает, и спаниель оказывается таким же, и школа обучения подаче отпадает сама собой. Но так бывает далеко не всегда. Спаниель может подавать вам в руки тапочки, крылышки, мячик, палки, но способен наотрез отказаться взять в зубы реальную тушку птицы. Повторяю: далеко не каждый спаниель бойкотирует подачу дичи, но и немало спаниелей бойкотирующих. Быть может, это заложено или не заложено в крови? Но почему тогда и однопометники нередко ведут себя в подаче совершенно различно? Видимо, дело в том, что спаниель в истоках своих не был подающей собакой, и в нем выработывался запрет на прикосновение к дичи, подобно островным легавым. Во всяком случае, мясо пернатой, особенно болотной, дичи большинство спаниелей есть отказывается, как и большинство островных легавых.

Стремление побежать за брошенным предметом, схватить его, играя подойти с ним к человеку, бросившему этот предмет, – это мы с удовольствием. Вот отдать вам в руки то, что держим в зубах, значительно труднее, а порой и совсем невозможно. Щенок со своей добычей может к вам даже и совсем не подойти, а наоборот – будет стараться отбежать подальше. Поэтому, на мой взгляд, к обучению подаче надо приступать лишь после овладения командой «Ко мне». Схема действия будет такая. Со словом «Подай!» вы бросаете, допустим, крыло птицы. Спаниель бежит и берет брошенное (идеальный вариант). Тотчас дается команда «Ко мне!». А когда щенок исполнит команду (тоже вариант идеальный), вы со словом «Дай!» протягиваете ему одной рукой лакомство, от которого он не откажется, другую руку открытой ладонью подводите снизу под морду щенка, под принесенное крыло. Чтобы получить предлагаемое угощение, малыш откроет рот, крыло выпадет вам в руку, команда «Дай!» будет исполнена. Как видите, техника проста и не мной она открыта. Таким образом, «Подай!» и «Дай!» – две совершенно разные по действиям команды одного процесса подачи в целом.

Казалось бы, зачем излишества? Принесла собака – и ладно. Обязательно уж и в руки! Ну, во-первых, в определенном смысле это уже вопрос этики и культуры: не бросать возле вас принесенное, а отдать в руки. Во-вторых, это отвечает нормам требований правил полевых испытаний. Правила же в разделе «Подача» довольно жесткие: спаниель по правилам держит в зубах принесенную дичь до тех пор, пока не подойдет с ней к ведущему и не отдаст ее «из рук в руки» по его просьбе (команде). Да и разве не приятно: принес и

в руки отдает!.. А и смысл есть: бывает, что дичь живая. Не отданная в руки, она может наделать хлопот.

Да, есть как-то сразу и легко все подающие спаниели. Но может случиться, что процесс обучения этому растянется на месяц и даже годы. Во всяком случае, не нужно упускать того возраста щенка, когда он хватает в рот обычно все и особенно то, что нельзя. В этом возрасте и надо давать ему потрепать, поиграть крылья и тушки птицы. Вас испугало слово «потрепать»? Как же? Что за совет! Мы же и «стариков» слышали, и читали, что в этом случае собака будет мять и рвать дичь. Осмелюсь утверждать, что это нестрашно: не будет. А если и будет – легко отучить. Зато уж подавать будет без смущения. Беда ведь как раз в противоположном: не находясь с пером с детства «на ты», спаниель может оказаться очень тугим на подачу. Бросать тушку для выполнения команды, быть может, вначале и не нужно: нужно, чтобы щенок охотно хватал «это» зубами, брал в рот.

И все-таки что делать, если щенок или взрослый спаниель вообще не берет перо, дичь в зубы? Условимся, что не дичь (палки, даже крылья) он все-таки подает, ибо если и этого нет, значит со щенком совсем не занимались на предмет подачи. Есть жесткие методы дрессировки, рекомендуемые приемы, мучительные для собаки. Общее кредо наших приемов обучения подаче сводится к одному: подача выполняется собакой добровольно, с желанием. Это единственный, пожалуй, «участок» дрессировки, где неприменим метод принуждения, и в этом суть проблемы для дрессировщика, натасчика. Жесткие же методы стоятся именно на принуждении, но уж в этой методике надо быть скрупулезно последовательным, выдержанным и терпеливым. Вперед продвигаться придется по миллиметру, оставаясь ровным и спокойным, иначе рискуешь вызвать в собаке отвращение к тому, чем с ней занимаешься, – и тогда совсем испортишь дело. До сих пор мы ни разу не употребили слово «рефлекс», поскольку надеемся, что всем ясно: воспитание и дрессировка собаки строятся на выработывании и закреплении нужных нам в собаке условных рефлексов и подавлении, гашении – ненужных. Просто речь шла о том, что чем более выработывание условных рефлексов опирается на безусловные, на наследственность, на инстинкт и гены, тем лучше. Жесткая методика обучения работает с рефлексом – и уж тут никакой лирики и образности типа: собачка поймет, захочет, раскроется. Думаю, даже наоборот: способности собаки постараются противоречить этим методам, противиться им. Однажды я занимался такой дрессировкой, поэтому знаю. В принципе она начинается с использования команды «Взять!», известной собаке. Собака усаживается или укладывается, ей разжимается пасть со словом «Взять!», в нее вкладывается тушка или имитация тушки птицы, вы рукой удерживаете сжатую пасть с тем, что вложено в нее. Продержав так собаку какие-то секунды, затем – минуты, вы со словом «Дай!» освобождаете челюсти собаки от давления и, подхватив выброшенную тушку, благодарите собаку. Все это делается спокойно, методично, но с волевым нажимом изо дня в день, десятки, сотни, быть может, раз, и при слове «Взять!» собака сама будет брать в рот из ваших рук предлагаемую тушку. Вы, наконец, усложняете упражнение тем,

что кладете птицу возле собаки, затем чуть на расстоянии от нее и так далее. Настанет миг, когда вы бросите тушку птицы в сторону недалеко от собаки со словами «Подай!», «Взять!», «Ко мне!», «Дай!» Система замкнулась, подача начала получаться, вы преодолели барьер, название которому надо поискать, наверное, в зоопсихологии.

Пожалуй, ни в чем так не сказывается психика собаки, как именно в подаче. С учетом особенности психики вашего спаниеля и нужно работать над элементами подачи. При немалом уж, казалось бы, опыте я, например, совершал в работе над подачей ошибки совершенно непредвиденные, и причина ошибок была в недостаточном моделировании ситуаций, требующих от спаниеля неадекватных реакций на них, особенно реакций преодоления, назовем это так, и от преодолений их психика спаниеля уходит, как уходит в себя и спаниель. Конечно, в ответ на все это иной спаниелист, не знавший особых трудностей с подачей, может усмехнуться, пожать плечами. Но что делать, не всегда у всех все просто: и собаки, и мы неоднозначны.

У меня рос интересный и трудный по характеру щенок, когда из-за длительной болезни у меня не оказалось в доме не то что тушки, а и ни крылышка, ни перышка. Добрейший человек, тогдашний председатель екатеринбургской секции спаниелистов В. Ф. Залесский спас положение тем, что дал мне несколько крыльев бекаса. Я обшил ими деревянную чурку бекасиного размера, мой спаниеленок счастливо мне это изготовление подавал, и вопрос подачи был снят. Но все сюрпризы, вынудившие меня снова и снова анализировать происходящие явления, были впереди.

Началось с того, что реальную дичь, правда, битую не из-под него, молодой спаниель брать отказался. Он подходил к ней, тщательно обнюхивал и виновато отходил. Чувство вины было очевидным: он знал, что надо подать, но не подавал, не брал тушку в зубы. Началась кропотливая с моей стороны работа с «живым» пером, продлившаяся полгода. Это были вначале «уговаривательные», затем жесткие методы. Подача пошла, но – как! Спаниель имел отвращение к тушке, брал ее за кончики, а кончиков было много: хвост, крылья, лапки. Я стал убирать эти кончики: связывать крылья, прятать голову под крыло. Но оставалось перо, и спаниель брал тушку «щипком», передними зубами. На втором году жизни он находил и мягко подавал мне в руки нелетных, но уже быстро бегающих птенцов чибисов. Хвост и крылья у них еще не выросли, пера еще мало; обнаруженные и настигнутые собакой, птенцы сжимались в комок, поневоле приходилось брать их всей пастью. Отпущенный на волю так, чтобы не видела этого собака, птенец убегал. Но реально битая полевая и болотная дичь имела «концы», которыми продолжал пользоваться спаниель при подаче. Синдром неприкосновенности к тушке оставался. Материалом в работе с подачей всегда являлась мелкая дичь, и подозревалось, что с крупной дело будет обстоять еще хуже. Первый же трофей в бору – тетерев – подтвердил опасения. Азартно бросившись на битую птицу и схватив ее всей пастью, спаниель тут же бросил тетерева и стоял над ним в затруднении: как его брать для подачи. И тут я понял одну из допущенных ошибок в процессе работы с этой

деликатничающей в подаче собакой: она подавала с самого начала только легкую и маленькую вещь. Тяжела ли под сухими крыльшками деревянная чурка величиной с бекаса! Тогда я задрапировал крыльями болотной дичи тяжелый для бекасиных размеров чугунный брусок, брать его за кончики крыльев передними зубами (только резами, как это делалось до этого) не получалось. Была сделана обитая тетеревиными крыльями тяжелая поноска соответствующей величины. И снова пришлось напомнить собаке приемы жесткой дрессировки.

Как видите, все это более трудоемко, чем можно бы подумать. Старайтесь варьировать условия подачи, забрасывайте предмет подачи в траву, в кусты, в кочки, ибо привыкший подавать с пола в квартире, с чистой поверхности щепетильный спаниель может оказаться перед непреодолимыми затруднениями. Как сунуть морду в траву и там где-то в ней учуять, нащупать и взять подачу? – поверьте, это очень реальное для некоторых спаниелей затруднение. Даже и так: попробуйте-ка положить тушку птицы на невысокий пенек, попросите подать, и иной спаниель спасует перед этим заданием. Значит, на тренировках нужно проигрывать и такие ситуации. Кладите предмет подачи на возвышения, забрасывайте в домашних условиях на диван, кресло, прячьте подачу, заставляйте ее искать.

О подаче с воды отдельно говорить не приходится, так как если собака подает с суши, то подаст и с воды, если нормально идет в воду. Исключения редки. И если столкнулись с исключением, то для начала помогите щенку взять в рот палочку или что-то (пусть очень съедобное) с поверхности воды.

И последний вопрос, обойти который очень бы хотелось, но нельзя. Как уже говорилось, из нормальных уроков подачи исключается метод принуждения, тем более – наказания. Даже в жесткой дрессировке есть принуждение, но не наказание. Но все бывает, Даже переводипломники, признанные полевики срывались на состязаниях (!) на подаче. Что же так и зависит нам с вами от настроения спаниеля, от его «хочу – не хочу», «подам – не подам»? Так вот, осмелюсь утверждать, что может наступить момент, когда спаниелю придется основательно дать понять: он подать обязан, «хочу – не хочу» отныне отменяется. Поговорите со спаниелистами, чьи собаки чутьисты, темпераментны, с характером и при этом надежны в подаче на уровне высоких баллов по шкале расценок правил полевых испытаний. Вы узнаете, что почти каждому из них пришлось хоть однажды применить силу в управлении подачей. Речь не идет о том, что однажды у спаниелиста сдают нервы, и он наказывает собаку за плохую подачу. Такой срыв возможен, но о нем остается только пожалеть. Речь идет о продуманном акте действия. Ведь ваш спаниель уже не щенок и не первопольная собака. И вы обоснованно убеждены, что подача им усвоена, остается своеволие, проявляющееся в нежелании подать, донести до вас дичь и так далее. Что ж, выберите момент и резко накажите собаку за отказ, за своеволие в подаче. Если момент выбран правильно, спаниель в подаче станет подчинять себя вам. Если момент выбран правильно! Будем считать, что неустойчивая подача дичи для спаниеля, не достигшего трех лет, – почти нормальное явление. Наконец, надо понимать, что все

проверяется охотой. Была бы надежность, подчинился бы спаниель команде «Поддай!» и принес бы вам, пусть брезгливо, холодную дичь, не первый день лежавшую в морозильнике или не первый час в полевой сумке эксперта во время полевых испытаний. Быть может, в этой брезгливости спаниель не так уж и не прав, простим ему ее. Нельзя прощать, если взрослый спаниель не взял и не подал им найденную, из-под него отстрелянную дичь. И тут уж, на горячей дичи – никакой брезгливости! Тут и в зубах, и в глазах собаки – торжество и победа!

Так в чем же, скажем в итоге, сложность внутреннего механизма действий собаки, необходимых для осуществления процесса подачи, в отличие от тех или иных других ее действий? В том, что в подаче исходным моментом является личная инициатива собаки, если позволительно так сказать, а при отсутствии инициативы и подачи нет. Этим и объясняется недопустимость давления на собаку в обучении подаче. Подчеркиваем – в обучении! Когда обучена – вопрос иной.

Когда мы дрессируем собаку на команду, например, «Лежать!», мы при слове «лежать» придаем так или иначе телу собаки лежачее положение. Возникает цепь: слово – механическое воздействие – лежачее положение тела собаки как результат этого воздействия. И каждый раз, пока не выработается рефлекс на слово «лежать», мы механически вынуждаем собаку лечь, поощряя ее за то, что легла. В подаче же собака по вашей команде должна пойти за дичью (а без вашей команды не должна, ибо важно, чтобы только по команде!), сама взять ее в зубы; на этом самостоятельность собаки может и слабеть, ибо по команде «Ко мне!» собака придет к вам (должна, ее учили) и по команде «Дай!» отдаст вам в руки принесенное, чему ее тоже учили. Итак, что заставит собаку выполнить первые этапы подачи: пойти за дичью и взять ее в зубы? Механическое вмешательство с нашей стороны тут невозможно или почти невозможно – в этом сложность, тут вот вам и психология. Поэтому так долго я в книге об этом.

Команда «Ищи!». На мой взгляд, эта команда носит локальный характер, ее назначение – направить собаку не в поиск вообще, а на обыскивание указанного ей участка местности, небольшого по площади, где находится битая дичь, – ее нужно найти и подать (как правило, подать самостоятельно). Эта команда не должна быть идентичной заданию, на которое собака уходит обычным для нее поисковым аллюром и при этом идет челноком на ветер. Команда «Ищи!» выполняется на конкретных квадратных метрах площади, к которым и привязывает спаниель все свое внимание. Вероятно, при подходящих для этого условиях ею можно пользоваться при наведении собаки на перемещенную птицу. Но есть основание сомневаться в целесообразности применения этой команды для работы по перемещенной. Лучше, если перемещенную собака ищет, оставаясь в поиске обычного рабочего рисунка.

Команда осваивается обычно в домашних условиях. Уложенному или усаженному щенку дают что-нибудь вкусное и на его глазах кладут это вкусное, например, за угол, за дверь. Затем словами «Хорошо! Ищи!» его освобождают от предыдущей команды (он лежал или сидел по команде), и он

бежит к тому, что ему хочется взять (он же видел направление, куда это унесли, где положили). Как только подбежит, найдет, вы словами «Хорошо! Взять!» поощряете его в находке. Такое усваивается быстро. Затем к команде «Ищи!» добавьте команду «Подай!». Прячете (условно, конечно, вначале, чтобы легко искалось) тушку, крыло, которые щенок привык подавать. Найденное по привычной уже команде и подается. Для знакомства с новой командой достаточно трех-четырех уроков. Затем команда проигрывается во все более сложных условиях. Кстати, пора сказать, что в лексиконе дрессировщика-натасчика должна постоянно работать группа поощрительных слов: «Хорошо!», «Молодец!» и так далее. Интонации выделяют эти слова из всего остального произнесенного. Собака не всегда возьмет у вас лакомство как заслуженную награду, ибо в поле, в состоянии возбуждения, страстности ей обычно не до лакомства, но слух ее всегда выделит и воспримет вашу словесную похвалу, и похвала эта неглупой собаке важнее лакомства.

Команда «Гуляй!». Собака должна четко различать свое свободное поведение и поведение подчиненное. «Смешивать два этих ремесла (гуляние и работу) есть тьма охотников, мы не из их числа». Каждый раз, когда вы собаку предоставляете самой себе, спуская ее с поводка на прогулке, говорите ей «Гуляй!». Даже если в городских и подобным им условиях спустить с поводка собаку нельзя, вы все равно произносите это слово, разрешающее собаке по крайней мере не идти у ноги, а на поводке заниматься своими делами, насколько позволяет это делать длина поводка. Прогулочный поводок желательно иметь длинный, метров в пять-шесть.

Эта же команда должна звучать в поле, когда рабочая программа занятий с собакой или охота закончены, и вы пускаете ее в свободное состояние. Чем выше и чище дисциплина, полнее постановка спаниеля, тем необходимее команда-разрешение «гуляй!», выключаящая собаку из рабочего контакта с ее ведущим. Из подчиненного состояния. Команда необходима для отдыха собаки, для разгрузки ее нервной системы. К сожалению, масса подружейных собак не оправдывают своего названия, не являясь подружейными в полном смысле этого слова именно потому, что не знают команды «Гуляй!». Она им ни о чем не говорит, они и без нее делают, что хотят, и на прогулке, и в поле, – а тот, кто не работает, не может знать, что такое отдых. Пока собака не отделит четко состояние рабочее при полном контакте с ведущим от состояния, не управляемого ведущим, постановка собаки не будет достигнута даже при наличии приличного общего послушания. Поставленный же спаниель в нужный момент сам перейдет из состояния гуляющего в рабочее, если вдруг во время рабочего движения в поле натечет на след, прихватит запах дичи. Он мгновенно включится в контакт с вами, не допустит работы «на себя», угонки и прочего, его не достойного.

Наконец, команда «Гуляй!» означает конец работы (домашней дрессировки, полевой натаски, охоты), команда, после которой можно не только собаке, а и вам присесть, вытереть пот со лба и расслабиться.

С багажом перечисленных и освоенных вами с собакой команд уже можно прилично жить, но еще нельзя прилично выйти в свет и в поле. Для выходов нужны команды, овладение которыми связано с поводком и, возможно, со строгим ошейником. Итак, начнем. Впрочем, давно уже и начали.

Команда «Рядом!». Ваш спаниель давно уже знает и ошейник, и поводок, любит и то, и другое, но еще более любит, когда с поводка спускают, а ошейник снимают. Кстати, заведите за правило снимать ошейник, когда собака идет в работу, особенно в лесу, в болоте, в топких местах и в камышах; не искушайте PROVIDЕНИЕ. Зацепившийся мало ли за что спаниель не всегда может быть легко освобожден.

«Рядом!» – это значит, что собака идет у левой ноги человека, не выходя вперед дальше своего плеча. Практическая необходимость этого не нуждается в пояснении. Но хождение такое требует работы со стороны дрессировщика: и тут тоже нужно вырабатывать навык. Ведение собаки на поводке требует навыка и от ведущего, не так все просто. Следите за поводком, чтобы он не попал между ног собаки. Моим собакам стоит попасть поводку под мышку – дальше они ни шагу. И они правы. Но приучить можно ко всему, даже к такому неряшеству, когда собака идет, поводок у нее по земле между ног волочится, одна нога вообще в нем запуталась, а все считается нормальным. Но это не про нас с вами.

В работе над командой в вашем распоряжении поводок, методическая требовательность к собаке и к себе, терпение. Есть собаки, очень уж не желающие идти рядом, им надо, чтобы вперед да в стороны. Для таких не будет лишним и строгий ошейник как вынужденная мера. Возможно, это психологический феномен в человеческом понимании, но нередко уже взрослая собака упорно тянет на поводке и спокойно идет рядом без поводка по команде. Хождение рядом дело повседневное, и к нему вырабатывается привычка и у ответственного человека, и у собаки. Высокая школа, культура и приятно посмотреть, когда видишь человека с поводком в руках, его собака рядом без поводка строго согласовывает скорость своего движения с шагами ведущего. В итоге все это дорогого стоит в поле, на охоте, в дороге.

Команда «Стоять!». Одна из самых спокойных и будничных команд. Вырабатывается рефлекс на «Стоять» после усвоения команды «Рядом». Делается просто: идете с собакой на поводке, «Стоять!» – встали вы, натянулся поводок, встала собака. Когда усвоится команда на этой стадии, будете останавливать на расстоянии, в чем и возникает нередко нормальная необходимость. Останавливать собаку этой командой в экстремальной для ее нервной системы ситуации, какую является для собаки подъем птицы и недопустимость угонки, – плохая идея, хотя именно она вошла в практику в последнее время. Попробуйте-ка сами разбежаться и по сигналу сразу, тот час остановиться. По-моему, легче упасть. А подводка в работе спаниеля бывает и скоростная. Допустимость же правилами испытаний угонки в 20 метров и снятие за это в графе «Постановка и послушание» всего лишь четырех баллов – это, простите, нелепость, существующая в угоду тем, кто не может достойно поставить спаниеля. 20 метров угонки! И не стыдно? Но даже и 15 метров – не

много ли? Конечно, через 10-15 метров можно разогнавшуюся собаку заставить остановиться командой «Стоять!». Она постепенно преодолет силу инерции и остановится. Но для классической, мгновенной остановки команда «Стоять!» скоростному, чутыистому спаниелю не годится, если вы, конечно, не считаете своего спаниеля «птичьей гончей». Кстати, как останавливающая собаку на гону, команда «Стоять!» используется именно в работе с гончими. Там продолжение движения собаки по инерции сантиметрами не измеряется.

Команда «Назад!». Естественно, что и такая команда практически нужна: мало ли по какой причине и в какой ситуации необходимо собаку вернуть. Отрабатывается команда на поводке. «Назад!» - и сами повернули на 180 градусов. Повернула и собака, за что ее и поощрили для закрепления рефлекса. Не надо благодушествовать, лучше помнить, что собака – дорогое вам существо из группы риска. Вовремя остановить или вернуть собаку – иногда означает спасти ей жизнь, если уж коснуться крайностей. Вот два тому примера.

Мой Ажик-Минор (о нем уже шла речь и будет еще идти) имел не совсем обычное для породы пристрастие к медведям, как имел такое пристрастие впоследствии и его праправнук Гервиг-Минор. Был я в довольно глухих местах на весенней тяге вальдшнепов с Ажиком. Тогда мы не знали, как это стало позднее, весеннего засилия лесов энцефалитными клещами за пару часов собака набирает их обильно на себя. Позднее не стал я этого делать, сохраняя здоровье собак, и не только из-за клещей. И вот факт без комментариев. Я стоял не шелхнувшись, Ажик сидел рядом. Тишина. Безветрие. Вальдшнепы тянули, но я еще не стрелял, выжидая «своего». В лесу метрах в тридцати от нас тяжело хрустнуло. Ажик рванулся с места мгновенно, я – за ним, ибо все понял. Нормальный медведь от напора собаки старается уйти: зачем ему связываться! Но это была медведица и, видимо, с медвежатами (такое время весны), так как вела себя излишне агрессивно. Остановить Ажика командой «сидеть», которая была для него превыше всего, значило его погубить. Я крикнул «Назад!», он затормозил всеми четырьмя ногами и повернул назад. Медведица была от него в восьми метрах. Я выстрелил в воздух. Все обошлось. Не оставалось ничего другого, как взять «медвежатника» на поводок, вернуться на тягу и дожидаться своего вальдшнепа.

Другой пример попроще, но с этой же собакой. Ажик не терпел посторонних кобелей в своем квартале. Местных он знал и мирился с ними. Ну, правда, я почти никогда не спускал его с поводка. А тут спустил возле самых дверей подъезда, сказав «домой!». Но в этот момент он заметил чужака и помчался за ним, а рядом выход из квартала, там проезжая часть, интенсивное движение. – «Назад!», – рывкнул я. На краю дороги Ажик резко повернулся, визг тормозов и собаки, и изгоняемая им собака влетела под машину. Не подчинись мне тот час этот агрессор, был бы под машиной и он. После этого случая Гервиг-Минора, появившегося у меня через 20 лет, во многом повторившего своего знаменитого предка, я вообще никогда не спускал с поводка, кроме как в поле.

Команда «Вперед!». Благословенная команда. Ее ждешь долгие зимние месяцы, имея взрослую собаку, и предвкушаешь ее с того дня, когда в доме появился щенок. «Вперед!» – и ваша собака, ваша гордость и надежда, сорвалась с места, пошла челноком в поиск. Эту команду и надо ставить, отрабатывать в поле, во время натаски. Впоследствии каждый напуск собаки будет начинаться этой командой и в полевой учебе, и в работе. Это строго рабочая команда, волевая, полностью противоположная по содержанию команде «Гуляй!». Собака ее быстро поймет и полюбит, так как содержание команды и врожденные рабочие качества собаки на этот раз полностью совпадают: это стартовая команда поиска.

Команда «Тише!», то есть медленнее, сбавь скорость, – говорите вы спаниелю этой командой. Вырабатывается положительная реакция на такую команду трудновато. С собакой на поводке придется набирать скорость то бегом, то быстрым шагом, и после слова «тише!» замедлять движение. Делать так придется довольно длительное время, так как выполнение команды собакой без поводка, на каком-то расстоянии от ведущего – психологически сложное для нее задание, особенно в крайне возбужденном состоянии, как оно чаще и будет. Надобность в замедлении хода собаки в ее работе не так уж редка. Представьте, ваш спаниель в крайней от вас точке линии челнока пошел по следу быстро убегающей птицы. Если не замедлить продвижение, птица взлетит за пределами надежного выстрела. Лучше сдержать собаку, чем подбегать самому, особенно если под ногами кочки, болото. А в охоте по выводкам куриных в бору, дающим, как правило, длинный жировочный след, да прибавьте к этому расстояние, на которое боровая обычно убегает от опасности, предпочитая не взлетать, – вам немало придется бегать за удаляющимся по следу спаниелем. В итоге, если трудно бегаєте, а сдерживающей команды собака не знает, взлет птицы будет видеть она, а не вы. Вот тут-то и вспомнишь, что спаниель работает без стойки.

У меня были случаи, когда спаниели, оставаясь в пределах короткого выстрела, вели по следу тетеревов или глухаря до трехсот метров и поднимали птиц под ружье, являясь действительно подружейными. Благодаря полной постановке. Такое не забывается. Но это и критерий того, что должно быть, что возможно.

Это скучное слово – натаска...

Вашему спаниелю не менее шести месяцев. Он усвоил основные команды, хорошо управляем в квартире, доме и на прогулках, в общих чертах знает челнок. Настала пора натаски.

В натаске первое ваше орудие производства – корда (чок-корда), то есть не тонкий шнур длиной около двадцати пяти метров. Шнур нужно пропитать хорошей горячей олифой, пусть он полежит в ней, чтобы не намокал в полевых, болотных условиях. На один его конец монтируется мягкий кожаный поводок метровой длины с крутящимся карабином, на другом конце, как и по всей длине корды, – никаких узлов и утолщений. Если крепить шнур через карабин прямо к ошейнику, без мягкого поводка, он будет травмировать собаку, попадая ей под мышки, в пах. На руках у натасчика обязательно – рукавицы, иначе, пропуская быстро скользящую корду в руках, моментально «сожжете» ладони. Управляться со шнуром такой длины – надо выработать сноровку. В конечном счете, все просто: Собака на корде, корда в руках, свободный ее конец волочится по земле (траве, осоке, кочкам). Главное, не запутаться в этом орудии производства, не допускать свободного провисания шнура между вами и собакой, выбирая лишнее и оставляя его позади себя. Собака постоянно на слегка натянутом шнуре, натяжение происходит за счет травы, осоки, поверх которых идет корда. И это натяжение вы можете мгновенно использовать для остановки собаки, для рывка. Пишу об этом так подробно, ибо много видел, как люди путаются в корде и руками, и ногами, запутывая в ней и собаку.

Первые уроки челнока на корде надо проводить в местах, где нет дичи, используя для этого ровные площади, вплоть до стадионов. Как это делается, сказано во многих пособиях. И не забудьте, обязательно против ветра. Вам повезло, если на уроках не будет в корде нужды, – встречаются такие собаки. Бегайте челноком сами, каждый поворот обозначая предварительно свистом и движением вытянутой руки в сторону поворота. Собака будет копировать линию вашего движения. Вскоре надобность в беготне отпадет, достаточно будет быстро ходить, делая неполный рисунок челнока. Собака усвоит полный рисунок. Не в полевых условиях такими уроками не злоупотребляйте, мерой занятий должен быть интерес ученика к ним.

Основным условием первых выходов в поле для натаски должно быть отсутствие дичи в нем, как это ни парадоксально. Хорошо, если юный ваш спаниель до этого выхода уже знал свободу, простор, гонялся за птичками, бабочками (кому из нас не хотелось в детстве рассмотреть бабочку?!). В открытом поле ваш умирительно послушный в домашних условиях спаниельчик становится порой неумняемым. Дайте ему побыть самим собой, если он еще хоть сколько-нибудь помнит себя. Умняемость вернется. Лишь бы вы не потеряли друг друга, пока ее не было.

А затем возьмите перерыв, устройте короткий привал, дайте спаниелю отдохнуть и – затем урок на корде. Сейчас нужно, чтобы все было точно. Уложите (усадите) собаку командой, отойдите в сторону на 5-6 шагов вправо или влево и чуть вперед. Дайте выдержку в несколько секунд, затем шагните резко в сторону первой параллели челнока, показав туда же вытянутой рукой, скомандуйте: «Вперед!». Лучше, чтобы всегда было вправо или всегда влево, как лично вам удобнее, если позволяют условия. А если во время всего этого подготовительного процесса спаниель сорвется с места, верните его и начните все с начала. Дайте спаниелю сделать 4-5 параллелей челнока, Остановите, подойдите к нему, похвалите и пустите снова. Свист поворота всегда должен быть один и тот же по звучанию. Иногда при этом пересыхают губы, не свистится. Заведите свисток. Знаю чудака, совершенно невозмутимого внешне человека, чьи спаниели поворачивали по словам «Туда», «Сюда». Ему виднее (сам эксперт первой категории по спаниелям), его собакам так, наверное, понятнее. Я судил его собак: челнок вполне приличный.

Но вот и у вашего ученика челнок вырисовывается даже без корды, а полной чистоты в нем нам требовать сразу и нельзя. Пора туда, где дичь. И пора опять на корду. Нужны уголья с дичью, легко проходимые и открытые. Дичь – дупель, бекас.

Известно, что вся литература по подружейным собакам рекомендует вначале натаску по болотной. Опыт подтверждает рекомендацию. Это классическая натаска, постараемся ее не нарушать. Для чутья спаниеля, способного точно вычислить бекаса, ни утка, ни вальдшнеп, ни тетерев не составят проблемы. Если же знакомство с дичью начать с уток, как это чаще в простоте и бывает, или с выводка тетеревов, то всякую там мелочь, в старину именуемую «красной дичью», спаниель даже если и вытопчет где попутно, то в лучшем случае обратит внимание на звук взлета, не более того.

Итак, мы за классику, а значит идем туда, где дупель, бекас и даже коростель нежелателен, его время еще настанет. Спаниель, ведомый вами на корде в нужных местах, где-нибудь наткнется на птицу, поднимет ее, хотя и не причует до взлета. Это момент истины! Ваше дело точно заметить место взлета, быстро подвести туда собаку, запах птицы там остался. Ознакомить целенаправленно с ним собаку, заинтересовать им ее – вот что сейчас важно. Покажите рукой место взлета, не прикасаясь к нему. Собака любопытна, проверит, что там такое, что-то уловит чутьем в это месте, ее нервы дрогнут. Вы похвалите ее, что угодно приговаривая. Запах отложился в памяти. Память чутья – вопрос из мира, нам не ведомого, очень точная, стабильная память. Второй взлет – и тот же запах. Опять вы неизвестно чему радуетесь за собаку. Бывает, что две-три таких наводки – и чутье проснулось адресно, ваш спаниель начинает этот адрес искать. Взлет птицы с этим запахом волнует, надо ее догнать – и цепь замкнулась! Тут вступают в силу останавливающая команда и корда, если нужна ее помощь.

Натаскать вчерне таким образом собаку можно за пару дней при наличии трех-четырех птиц весной или одного выводка в начале июля. Метод натаски по подсадному перепелу я не могу рекомендовать, хотя он классически

описан. Он хорош для легавых, я им пользовался и за несколько дней готовил собак (ирландских сеттеров, курцхааров) на надежный диплом. Но спаниелю этот метод не годится: я пробовал и отказался от него.

Когда-то и я был начинающим и не имел поблизости ни одного хоть сколько-нибудь опытного в работе со спаниелем человека. Моим учителем счастливо для меня стал удивительнейший человек, впоследствии мой необычный друг Николай Александрович Валов. Но он – в Москве, я – на Урале. Общение по телефону и письмами. Все произошло благодаря журналу «Охота и охотничье хозяйство», где в 1968 году в № 9 Н. А. Валов опубликовал статью «Спаниель». Содержание, а главное стиль статьи привели меня в восторг. Почувствовалось настоящее, отличающееся от стандартного стиля в те годы. Я написал на адрес журнала письмо автору статьи, представился и сделал заявку на щенка, рассчитывая в лучшем случае на щенка от классных московских собак, находившихся тогда на хорошем уровне. Помню фразу из своего письма: «Готов ждать год, могу выехать за щенком хоть завтра». Что-то остановило уже тогда знаменитого Валова в моем письме, он ответил, стали переписываться. Вскоре у меня появилась месячная дочка его многократной полевой чемпионки Норы-1020/с – впоследствии чемпионка Лада-1236/с.

За успехи Лады через два года я получил телеграмму: «Встречай подарок». Далее – номер поезда, номер вагона. Проводница вагона подала мне щенка. Оставалось взять и поскорее придти в себя. Так сюрпризом приехал на Урал Ажик-Минор. Я пишу об этом здесь, сейчас из великой благодарности Николаю Валову не только моей, но и по крайней мере благодарности двух поколений лучших спаниелистов Екатеринбургa и Свердловской области. Ажик-Минор стал основателем мощной линии, давшей победителей всероссийских выставок, лучших представителей породы, полевых чемпионов. Не только уральские спаниелисты знают и сейчас слово «Ажиковцы».

Я вел записи натаски этих первых своих спаниелей, столь необычно полученных от лучших в стране производителей. Этим записям сейчас 34 и 31 год. Осмелюсь публиковать их почти без правки. В них есть кое-что полезное из области натаски и, пожалуй, не только. Писалось это все для себя, без расчета на обнаружение.

Натаска Лады

Первая дичь, первые впечатления

31 мая 1970 года

Торфоразработки в районе реки Тагил. Куда идти: на поля или на торфоразработки? На последних осенью был, не понравилось. Решил походить по кромке торфоразработок. Направо, налево? Стайка крупных куликов указала путь – направо. Пускаю Ладу в челнок. Через минуту останавливаю: «Гуляй!». Куликов нашел, разглядел быстро: что за картина! На

кромке мокрых торфяных грязей ходят штук 15-20 куликов разных пород, каждый с вальдшнепа. Да с ними и взаправду вальдшнеп! Есть кулики-сороки. Ладка попала в сферу запахов, заметалась, хвост – миллион колебаний. Челнок сбился, разумеется. До стайки птиц метров 35. Они замерли. Воздух умер: ни малейшего ветерка, нельзя Ладу поставить под движение воздуха. Так и взлетели птицы без Ладки, она их не заметила.

Я ввел ее в район сидки. Господи, что стало с нею! Какой-то взрыв неистовства. Подвернулась в этой гуще запаха синичка, Ладка бросилась за ней, еле усадил ее метров за 50 от себя. Подозвал к себе, пошли за куликами, по их полету. Мокрая торфяная вязкая почва, идти трудновато, Лада движется неправильным челноком: запахи сбивают ее ежесекундно. Ведь же пахнет жизнью, прелью, весной! Подошли к лужице, поросшей травой, с кочками: торфяная лужица, на кромке которой наша стайка. «Вперед!» Ох, и медленно она продвигается к воде, все сбивает Ладку, каждая кочка привлекает. Понимаю: ошалела от запахов. Но вот она у воды. Кулики почему-то не улетают, я от них и то на хороший выстрел. При приближении Лады они пошли перебежками по кочкам. И вдруг madame их разглядела, бросилась в воду – жидкую грязь, вязнет, плывет! Остается метров 7 ! Кулики взлетели и мимо Лады, часть из них почти над ее головой. Лада подпрыгнула в воде, развернулась и, наверное, пожалела в этот миг, что у нее нет крыльев. Но главное произошло: Лада видела дичь и увиденное связала с запахом. На берег вышла она комком грязи с четырьмя ногами. Обошли мы с ней лужу, понюхала она место сидки и ...не учуяла кулика, сидевшего от нее метрах в семи метрах. Почему? Нет опыта? Нет чутья? Безветрие виновато? Я расстроился (не знал еще, что куликов таких и нежелательно чуют).

Некоторое время шли бесцельно, наугад, по пустым не грязным местам. В чистой болотинке Лада обмылась, сплавав за «апортом», и теперь беспечно выписывала челнок с моей помощью. Интуиция ли, случай ли, но мы попали в царство чибисов. Двух я разглядел издали, пришли, они куда-то запропастились. Дальше пошли и так подошли почти к реке Тагил. Отличное место: заросший мелкой травой старый массив болотных лугов, наверное, когда-то бывших торфоразработками, ибо разделен ровными канавами и завалами выкорчеванных пней и корней. Канавы образуют правильные продольные участки болотных лугов с небольшими окнами воды местами. Почва мягкая, иногда топкая. Раздолье! «Вперед!» Ладка пошла, занюхала носом, заволновалась. Впереди взлетел чибис и с криком, гудя крыльями, нервируя, закружил, захлопотал над Ладой. Она бросилась, забыв обо всем на свете, за чибисом. Через несколько мгновений моя послушная аккуратистка Лада, обезумев, неслась за чибисом, а на нее вылетел другой, третий, пятый – целая стая с криками, играя в раненых, кувыркалась, кружилась, издевалась над Ладкой. Мои крики, вопли не остановили ее. Она скрылась из виду. Спустя не так уж малое для моих нервов время на бешеном галопе она вылетела на луг, чибисы все еще «вели» ее. На этот раз удалось остановить. Села. Подошел. Вид был такой уничтоженный, ошеломленный, что у меня не поднялась рука

на провинившуюся. Гонять нельзя! Но теперь мы оба знаем, что такое гонять. Это беда!

Пошли по лугу. Через 3 минуты вновь погнала чибиса. По команде не села. Остановил – наказал. Пустил челноком. Вновь чибис! – «Сидеть!» Села!! Укрощена. Через несколько минут накоротке, но все же чутьем поняла трех дупелей, сидящих вместе. Села по команде без угонки.

На сегодня хватит. Обратный путь был посвящен игнорированию чибисов. На этом закончилась весенняя натаска. Возраст Лады 1 год и 8 месяцев.

Лето 1970 года

В июне Николай Валов прислал перепелов (5 штук). Радужные надежды. Первый выход в поле тщательно подготовлен. Подготовка классическая, по А. Чумакову. И вдруг крах! Перепела не взлетают. Лада к ним равнодушна. Почему? Наверное, подсадные птицы пахнут домашним уютом

Вскоре на перепелах Ладка завяла. Исчез челнок. Дело встало. Я понял, что продолжать по перепелам нельзя.

Одновременно раз от разу лучше по перепелам работал курцхаар Тим Игоря Шевченко, молодая собака прекрасных кровей и способностей. Тима на перепелах я поставил за 5 уроков. На пятом уроке после перепела, пущенный по вольной птице (бекас!), Тим сделал целый ряд очень неплохих работ. Считаю, что он готов к испытаниям.

18 июля на областной выставке в Свердловске Ладе оценка «отлично», первая в ринге. Я уже кое-что понимал, и если бы было не так, то ушел бы с ринга до описания по тогдашней своей горячности. К сожалению, наслышен был о предвзятости экспертов. Позже убедился, что чаще всего это не так, если речь идет о рингах подружейных на Свердловской областной выставке, имеющей статус республиканской.

22 июля вечером в поля в район торфяника, найденного нами весной. Задача – возродить челнок. Перепелов не взял. Очень жарко и душно. Перед грозой. Ладе трудно. Но челнок получается, идет. Сходить ли мне туда, где в мае были чибисы и бекасы? Гроза крутит по горизонту. Сходить или не сходить? Сходить или не сходить?.. А что мне делать? Я иду, куда хочу. В таких раздумьях и колебаниях я все шел и шел к «чибисам».

И пришел! Скопление дичи: дупель, бекас, утки! И, конечно, чибисы. Вначале я работы Лады не понял, да и не была она очевидной. Но был момент, когда она сторожко и напряженно пошла прямо на озерко воды, в угол его, нос вперед – и оттуда выплыли утки, затем взлетели бекасы, Лада метнулась и – села по команде! Были и еще работы, но почему-то сейчас ни одной не вспомню четко: столько впечатлений за эти дни с натаской.

Что же это такое? Заработала моя умница? И есть азарт, и челнок, и чутье, послушание! Решено: не мешкая, скорее, тут (!) проводить полевые испытания. И пусть одну Ладу (других хоть сколько-нибудь подготовленных среди спаниелей нет), но пустить на диплом. Решение дерзкое, но единственное: 1 августа! Остается 8 дней. Разбиться в лепешку, в блин, но приготовиться! Испытаний добьюсь. Вперед!!

24 июля. 5 часов, 40 минут утра. На электричке едем «туда»! Ладе не даю бегать, держу ее у ноги: пусть подкопит азарту. Спущу прямо по дичи. Пришли, спустил. Что это было за утро! По моему убеждению, мы сегодня сработали на диплом второй степени. Три работы были отличные. В кочках, высокой траве Ладка на галопе точно вышла на грязь, на двух бекасов, которые взлетели прямо из-под нее, она села по окрику! Прекрасно. Вышла на перемещенного бекаса и точно подняла его и села! Чисто разобрала след дупеля и подняла птицу! Последнее все протекало у меня на глазах. Дупеля я увидел метров за восемнадцать. Ладка была в поиске; дупель, видимо наследил и продолжал перебегать потихоньку. Ветра нет – штиль. И все же Лада метров за 10-15 от него забеспокоилась, обошла (обыскала) плотный грязевой кочкарник, медленно но верно продвигаясь к дупелю; он замер. Лада ткнулась в его сторону. Взлет! «Сидеть!!» Села. Уф!.. Хорошо.

Подняла уток, очень возбуждвшись.

Домой шли счастливые.

25 июля

С утра натаскивали Тима И. Шевченко вначале по перепелу. После четырех работ решили спустить с чок-корды. Прошло благополучно. Потом бекасы. Массовый взлет, ибо жаркий сухой день согнал птиц на один пяточок к воде. Тим среагировал на эту массу самым дурашливым образом. Вернее сказать, бекасов он игнорирует. Спустя несколько минут, после удачной наводки на бекаса, понял, в чем суть, и заработал эффективно. Одна стойка по месту, буквально заполненному бекасами (4-5 штук), мне очень понравилась. У Игоря на глазах слезы: Тим почти готов к испытаниям. Но будем работать еще. Рад за Игоря. Он же меня благодарит. Эта благодарность у него вышла очень трогательной и по-особенному хорошей. Решили, что нас Бог послал друг другу.

26 июля

Уехал с Ладой в 1 час 30 минут ночи с последней электричкой. Кажется, я сумасшедший. Ноги еще не перестали гудеть от работы с Тимом. Но хочу проверить Ладу в работе на рассвете, когда птица кормится и более рассредоточена. Иных поездов для этого времени (рассвет) нет. Ночевали в стогу, провели 2 часа. Лада вела себя не робко, но хлопотала, изучала ночь. Бродила вокруг стога, мучилась от комаров. Это измотало ее, и вначале она вяло шла в поиск. Туман, тишина. 4 часа, 30 минут утра. Начали. Прошли продольную мочажину, подняли четырех бекасов, но Лада работала только по следам, а не по птице. Птица взлетала вне ее внимания. Плохо. В поиск идет неохотно.

Прошли вторую делянку, дупелиную. Ни одной четкой работы. Плохо. На следах работает, птицу не чует. Неужели виноваты туман и полное безветрие? Обильная роса к тому же. Вышли к озерку. Два чирка плавают, кормятся. Лада учуяла (или увидела?), на хорошей потяжке, крадучись подошла, встала метров в шести от кромки воды, как в стойке. – «Вперед!» Бросилась, подняла,

влетела в воду, добралась до места, где сидели чирки и – проснулась! Странная собака. Видимо, до этого момента она действовала вяло, без интереса, утомление ночи сказалось. Но вот страсть проснулась, и Лада проснулась. И сколько сила, огня!

Перешли на следующую делянку, последнюю. Челнок, горячая подводка, рывок – взлетел бекас из-под носа Лады. Превосходная работа!

Рвется дальше. Осока, вода; бросок! Взлетел чибис, кричу «Сидеть!» Она мечется. «Сидеть!!!» Села, повернувшись ко мне (!), и за ее спиной взлетели два бекаса. Весь вид Ладки задает один вопрос: «Что же ты?!». Ну, надо же понимать собаку! Она шла по бекасам, а я – чибис! Для меня страшнее чибиса уж и зверя нет. Да, я сейчас ей помешал. Она и послушаться не могла, и команду выполнять было нелепостью. Вот и пыталась тем, что металась, меня убедить в неуместности моего требования, а я разорался: «Сидеть!». Надо помнить, что здесь, в болоте она в своей стихии, а не я с моим прямолинейным мышлением, лишенным аппарата чутья. Но продолжаем: «Вперед!». Пошла. Горячо, быстро (кругом наброды) обыскивает местность. Рывок в сторону! – Бекас!! Еще рывок – еще бекас. Н-да... Это эффектно! Стреляю из стартового пистолета. Реакция почти нормальная. И не гонит, сидит.

Возвращаемся назад. Проходим одно не обысканное место, поднимаем дупеля, бекаса, какого-то большого кулика типа кроншнепа. Наверное, кроншнеп. Он переместился на чистое место Пускаю Ладу. Челнок. Сработала бекаса. Челнок дальше. Взяла след кроншнепа. Кроншнепа вижу: он бежит метрах в тридцати от нас. Лада уверенно (не по ниточке, но все-таки довольно точно) дошла до него по линии его пробежки и подняла. Наглядная следовая работа. Молодец! Это вторая следовая работа за день. За несколько минут до этого Лада шла по следу бекаса, убегающего от нее, которого я тоже долго наблюдал на выкошенном лугу. Шла точно, ярко, но итог получился обидный. Бекас взлетел, когда Ладка в трех метрах от него, повернувшись к нему хвостом, страстно обнюхивала травинку, которой только что коснулся беглец. Взлета она не видела, то есть не видела итога своей работы. Будь ружье – был бы итог и в этом случае.

Богатое утро! Мокрые (я по пояс, Лада насквозь вся) уходим из болота. Как мало я знал о природе и о собаке без натаски...

Завтра утром опять сюда.

27 июля

Электричкой ранней приехали. Весь выход в поле прошел вяло. Лада не отдохнула от вчерашнего. Работает без энергии, только удовлетворительно. Но все же не пропустила ничего, что было на ее пути в пределах чутья.

Сдвиги: стала лучше обыскивать характерные для дичи места, топи, осоку – поняла, где искать дичь. Это повысит баллы за настойчивость на испытании и при охоте необходимо. Работала только по следам, набродам, по самой птице не работала. Опять нет ветра.

29 июля

Прошла отличным челноком весь крайний луг. Ах, как она шла!! Сработала дупеля и бекаса. Одного дупеля прошла, не заметив, оставила сзади. Ветер, ветер, где ты?? Полное безветрие. Когда появляются малейшие потоки воздуха, дело идет лучше. Сработала дважды молодого бекаса, причем показала работу по перемещенному. Хорошо! Дала две законченные следовые работы. Вообще птицы подняла много, в том числе болотную курочку, буквально ткнувшись в нее. Почему-то не среагировала на чирка, как надо, хотя в конце концов и пошла за ним в воду, разобравшись в его набродах на берегу. Настойчивость есть, но к озеркам сего дня равнодушна. Почему?

30 июля

Есть разрешение на отстрел трех бекасов. Поехал на мотоцикле без Лады. Убил двух бекасов и чибиса.

31 июля

С Ладой на полях. Жарко. Челнок вялый. Дичь подает брезгливо, под нажимом. Не то... Кажется, переборщил, наказав за отказ подать с суши. Стала подавать, но с отвращением к дичи.

1 августа

Полевые испытания. Присутствуют пять человек зрителей, возможно, будущие спаниелисты, плюс три эксперта. Всем интересно предстоящее. Здесь же Игорь Шевченко со своим Тимом, который достаточно готов для того, чтобы его выставить на испытания.

Сухо, нет росы. Довольно сильный порывистый ветер. Ладе все это затруднит работу. Однако, она справилась. Шесть чистых работ на верном чутье без угонок. Нормально. Хотя на тренировках Лада показывала иногда работу гораздо эффективнее. Неплохо подала с суши, а с воды – на полные баллы.

Экспертная комиссия была пестрая, что для «глубинки» в те годы за неимением категорированных специалистов по всем видам породных полевых испытаний разрешалось. Председатель нашей комиссии – эксперт по гончим, он солиден, молчалив и важничает. Члены комиссии – эксперты-лаечники. Все, в том числе и наши гости-зрители, видели работу поставленного спаниеля впервые. Расценка производилась куда как забавно. Первое мнение комиссии, высказанное, как и полагается, председателем: «Ну, на диплом третьей степени ваша собачка сработала». В ответ я предложил другой подход, а именно сесть поудобнее у стога сена. Я достану правила полевых испытаний спаниелей, неведомые судьям, буду читать, как что должно быть и за что сколько баллов сбрасывается по шкале расценок. Работу все видели, вот и сбрасывайте, исходя из того, что было. Согласились, что, конечно, делает честь экспертам: нелегко пришлось их самолюбию. Шумно обсуждали увиденное не без участия зрителей, которых было не удержать, записывали, подсчитывали – и вышел диплом первой степени. Народ доволен, эксперты смущены. Сразу уж и диплом первой степени! Я предложил сбросить два

балла за чутье, и при девятнадцати баллах за чутье получился диплом второй степени, что всех и успокоило.

Курцхаар Тим вышел на диплом третьей степени. Господи, радости-то! И все-таки какой-то тупой осадок, как после тяжелого наконец-то сданного экзамена. Как-то не по себе... Выпили коньяк.

3 августа

Первая охота. Уехали ранней утренней электричкой. Нужна же нам реальность, раз экзамен сдан. Первая же работа – дупель. И убит. Удачно! За сорок минут охоты (а, может быть, меньше) Лада подала мне на выстрел и принесла двух дупелей, двух бекасов и одного турухтана. Но выстрелы подавили ее, и мы прекратили охоту. Настоящую охоту с подружейной собакой.

Вечером – прекраснейший суп. Это тебе не утки! Да и вся охота удивительно мила, не как все другие. Итак. Есть диплом и есть первая Ладкина дичь.

8 августа

Поехали без ружья. Вначале все вяло, неохотно, но потом, после поднятого случайно дупеля картина изменилась. Лада заработала вдохновенно, четко, дала две хороших следовых работы по дупелю, подтвердила свою «десятку» за настойчивость и в финале выдала две чистейших работы по одиночному дупелю и группе перемещенных бекасов. От этого утра получил большое удовольствие. Уж не помеха ли в этой охоте ружье? Оно мешает все видеть и оценивать. Вот сегодня без ружья (и именно потому что без ружья) полнейшее удовлетворение и чистота впечатлений!

12 августа

С ружьем. Утро было впечатляющим. Убили дупеля, двух бекасов и утку-шилохвость. Дичь падала в непроходимую крапиву (защитные валы на делянках торфяника). Ладе невыносимо работать, но подала всех. Брать дичь не хочет, жеманится, но – приходится подавать. Вышел насыщенный урок в подаче подранков (только одна шилохвость чисто бита!). Собственно, подает Лада безотказно, но брать в рот дичь не любит, брезгливая.

19 августа

Охота под дождем: три часа сплошного дождя. Убил из-под Лады одного чирка, двух дупелей, одного бекаса. Вначале стрелял чисто, без промаха, но потом окоченевшие (и болевшие) мокрые руки подвели, И я смазал три четких и энергичных работы Лады по дупелям. Ох, какие были смачные промахи! А Ладушка уже считает, что после выстрела должна быть дичь. И как великолепно подавала дупелей на выстрел. Но я устал...

Весна (май) 1971 года

Лада. Подготовка к выступлению в г. Свердловске. (ныне – Екатеринбург).

По просьбе Калашникова дал согласие приехать в конце мая в Свердловск и показать работу Лады тамошним спаниелистам. Калашников Роберт Геннадьевич впоследствии эксперт всероссийской категории, основатель клуба «Дратхаар», известного не только в России. К слову, собакам обязан я еще и тем, что они дали мне в друзья по-своему выдающихся людей. Среди немногих их – Роберт Калашников. Итак, мое согласие получено, выступление назначено на 30 мая. А надо бы пораньше.

1 мая

После ночного дежурства в здании института (для преподавателей это почетная праздничная вахта) утром вместо демонстрации дернул с Ладой «к бекасам». Хорошее утро, легкий, тепло, но утренник сковал лужи пленкой льда. Лада сработала пять бекасов. Ярких работ не было. Но на диплом третьей степени тянет.

Через три дня поехали вновь. Холодно, резкий ветер Ни птицы, ни работы. Не идет Лада. Зачем поехал? Метод проб и ошибок?

Следующая поездка через неделю. Было шесть интересных работ. Одна – прекрасная. Лада шла у ноги. Только что сошли с поезда, идем кромкой торфяника. Вдруг она резко потянула в сторону и подняла бекаса. Села по окрику. Чистая работа. Бекас переместился через дренажную канаву (глубокий торфяной ров метра четыре шириной, на дне его ржавая вода). Посланная мною, Лада спустилась в ров, выбралась из него. Пущенная в поиск за рвом, пошла челноком и – вторично сработала этого бекаса. Села, я выстрелил из стартового пистолета, все хорошо. Есть, что оценить: ведь она ушла вперед одна, я оставался по эту сторону канавы! Интересно, что назад через этот же самый ров Ладка далеко не храбро сунулась. Искала брод, металась, мне пришлось сделать вид, что ухожу, тогда лишь она его форсировала.

Запомнилась еще одна работа. В казалось бы, в нехарактерном для бекаса месте, пущенная свободно, Лада тщательно разобралась и в упор подняла птицу. Села впритык! Мгновенно. Я произвел выстрел из стартового пистолета и разрешил Ладе движение. Она ушла в направлении полета бекаса и долго обыскивала кочки и воду. Думал, ковыряется, Много позже спустя до меня дошло: она же искала убитого бекаса, раз я стрелял!! Вот так мы не понимаем собак. Понятно, что стартовый пистолет, как пустышка, отныне отменяется.

Возвращаясь домой, почти в сумерках, Лада долго разбирала убегающий след, увлеклась и, разгоряченная, подняла, да еще трижды сработала перемещенного бекаса. Богатый был выход.

Решил заняться челноком, без дичи. Сделали три выезда. На чистом месте челнок значительно улучшился. Вернулась скорость. На такой поиск можно будет смотреть в Свердловске самым придирчивым людям, придраться будет не к чему. Специально без Лады съездил и убил чибиса. Подает.

В предпоследний перед Свердловском выезд, в холодный порывистый ветер на поле подняли перепелку, новую для нас дичь.

Итак, с Ладой сделали все, что позволяли время и силы. Готовы ехать в Свердловск. Последний легкий выезд с челноком – 28 мая.

29 мая

В Свердловске в пойме реки Пышма. Шесть часов вечера. Большие высокие кочки, ржавая вода, сквернейшее место. И нет бекаса. Вначале лада вообще не шла. Она же никогда не видела таких страшных кочек! Потом что-то в ней заговорило, и более часа мы с ней по указанию Калашникова искали бекаса. Лада идет небыстрым, но довольно правильным челноком. Калашников решил, что поиск смотрится хорошо. На реке Пышме стоит пальба (!?). Это весной-то! Охота запрещена. Бекаса так и нет, за вечер не подняли ни одного.

Что же будем делать завтра? И где показать челнок?? И о чем думали свердловские спаниелисты? Допустим, они не могли подумать о челноке по причине своего неведения, но о наличии птицы они должны бы были подумать.

30 мая

Утром Калашников, председатель свердловской городской секции спаниелистов, ушел встречать свою секцию, а я – в болото. Надо что-то найти! Роберт нарисовал план другой стороны болота. Там должно быть два-три покосных лужка. Без подъема в себе я шел в болото. Интересное это чувство: решимость, которой не на что опереться. Но не может быть, чтобы, ничего не оказалось подходящего.

И нашли! На самом виду у «цивилизации», рядом с железной дорогой лужок метров семьдесят на сто, сырой, на нем пара чибисов. Рассчитываю: Лада устала. Лужок чистый. Чибисы вдохнут в нее жизнь. Челнок покажем, тем более что лужок небольшой! Прошли лужок – так и есть: Лада оживилась. За лужком еще одно мокрое, даже очень, но не топкое место, отгороженное невысоким земляным валом. Там вода и мелкая осока. Поднялся турухтан. Есть! В этот лужок № 2 Ладу не пустил. Кто знает, быть может, этот турухтан тут не одинок. Но как же – по турухтану? Не та дичь. По правилам испытаний легавых работа по турухтану не учитывается. В правилах испытаний спаниелей турухтан не оговаривается никак. И куда деваться к тому же?

Решение принято: выступаем! Господи, разве смелость – или что? – одни города берет?

Зрителей собралось около сорока человек, пытался считать по головам, но сбился. Много собак. Какая ответственность! Все ждут эталонного выступления. А Лада смертельно устала. И дичи нет. Но это разве кому объяснишь? И Калашников просит не называть уголья эти чертовы «трудными», ибо других нет инее надо «пугать товарищей».

Калашников управляет массой отлично. С высокого берега произнес речь, представил меня. Интересно, какими глазами люди разных возрастов и профессий смотрели на этого нахала из Нижнего Тагила в брезентовой куртке

металлурга и с мокрой собачкой у ног? Я сделал вступление, объяснил по просьбе собравшихся принцип правильной работы спаниеля, сказал, что они должны увидеть, сказал, и это была хорошая мысль, что в работе спаниеля ничего броского и эффектного нет, надо смотреть внимательно, Лада работает просто.

В общем, я вел себя почему-то уверенно. Приступили. Эксперты несколько нерешительны. Председатель комиссии Ермаков Аркадий, эксперт по гончим и легавым. Члены комиссии Калашников и Лузгин, владелец прекрасного ирландского сеттера. Пошли по моей просьбе (в общем-то просьба походила на команду) на облюбованный лужок.

Встали зрители. Посадил я Ладу. Ну, «вперед!». Пошла. Поднялись чибисы. Челнок. Все по плану... Прошла лужок в четыре зигзага. Я допустил две ошибки. Лада сунулась во что-то носом, задержалась. Я посадил ее (это правильно), но, подойдя, пустил в поиск «в рабочем порядке». Она рванулась почти под прямым углом от меня и сломала геометрию поиска. Надо было отойти, как всегда в начале пуска, и рукой послать влево. Мы бы выиграли в чистоте. – «Что там, гнездо? Гнездо!» Это Ермаков подошел, посмотрел, куда ткнулась носом собака. Гнезда на самом-то деле не было. Вторая ошибка: отошел к исходной точке, откуда начинал, и вторично пустил Ладу, желая показать что-то лучшее. Вышло хуже. Вывод: никогда не надо повторять с собакой что-то в ее сознательной работе. Это не автомат. Лада же знала, что этот участок она уже прошла и тут ничего нет.

Перешли на второй лужок. Мне дали ружье и стрелка-стендовика. Симпатичный юноша, но в кедах, под ногами мокро. Я поблагодарил его, взял предложенный «ИЖ-12» и пустил Ладу. Шла неплохо. Место мокрое, местами очень. Она прихватила, перешла на потяжку, начала подводку. Ермаков кричит: «Вот!» (в смысле вот птица). Я не видел, как впереди поднялась пара турухтанов, но они поднялись, и Ладе засчитали работу. А она сидит, не шелохнувшись. Потом пошла и отметила сидку.

Вышел с Ладой из лужка, и тут Калашников, Лузгин еще кто-то увидели вернувшихся и севших турухтанов, показали их мне. Торчат из травы головки. Интересно! Что получится? Зашел я с подветренной стороны, усадил и пустил Ладу. Турухтаны от меня оказались за бугром, который возвышался среди мокрого места. Я прячусь за ним, Лада, вышла на птиц, они взлетели. Как она их там подняла, что делала, я не видел из-за бугра. Говорят судьи и зрители, что все хорошо. Я же промахнулся в этих самых турухтанов, едва мелькнувших над бугром. Спасибо им, выручили. Ладе засчитана вторая работа по перемещенным. Впечатление у большинства неплохое. Ну, теперь, судьи, я в вашем распоряжении. Вы знаете болото, ведите, куда хотите. Пошли к реке. По дороге люди спрашивали меня, как я работал над Ладой, – челнок и прочее. Да, очень важно: после Лады в этом лужке пытались проверить челнок у двух-трех собак, и ни малейшего намека на правильный поиск.

Третий заход. Мокрое, типичное для бекаса место. Только вот бекаса нет. Ружье взял Ермаков. «Вперед!» Лада идет плохо. Устала. Однако идет. Слева вода, осока. Выстрел! – «Посылай, есть чирок!». Счастливая рука у Ермакова.

Сзади нас из осоки выплыл чирковый селезень, Аркадий его заметил. Но Ладка же не видела его и не видит. Послал, поплыла, нашла, взяла – бросила. Я допустил ошибку, с молодой собакой и при наличии толпы людей (толпа же продолжает ходить за нами) непростительную: едва Лада коснулась чирка, как я повернулся и стал удаляться на более сухое место. Это, во-первых, побудило ее следовать за мной, и во-вторых, я не видел, что она бросила птицу и упустил миг, она отплыла от чирка. Что бросила, понял по реакции народа. – «Подать!». Она заискала, ищет что угодно, но к чирку не возвращается. И бросить нечего в воду туда, где чирок, чтобы обозначить место его нахождения. В кармане оказался один патрон. Все – на карте этого момента: Ладу надо вернуть к утке, ибо если не подаст, – все насмарку. Бросаю патрон. Удачно, за чирка. Ладка развернулась на «бульк!» – и доплыла до утки. – «Хорошо! Подать!». Взяла, плывет. Я отошел метров на восемь от берега, не поворачиваясь к ней спиной. Она вышла, положила, отряхнулась и направилась ко мне. Пришлось вернуть, повторив команду. Одним словом, команд и интонаций было много, На глазах у зрителей это не способствовало успеху. Но принесла в итоге так, как надо: подошла, без команды села. Чирок в зубах! Не зря я столько работал над этим. Правда, не все оказалось еще стабильным на сегодня: стоило усложнить ситуацию – и прокол. Но есть еще необходимость в подаче с суши и возможность реабилитироваться, что мы и сделали без повторных команд.

На этом следовало и поставить точку, но Ермаков повел нас и всю толпу по другому краю плеса: все хотелось найти бекаса. Нашли турухтанов, и судья, как и я, промахнулся. По моей просьбе прекратили эту показуху. Диплом третьей степени. «Только из-за подачи! Тугая подача. Неохотно подает». Он в этом неправ. При нормальной подаче с суши подача в сумме тянула и на вторую степень. Но в целом верно: больше, чем на третью степень, Лада сегодня не смотрелась. Да и то сказать: какая уж красота работы по турухтанам? Однако диплом этот крайне важен и имеет принципиальное значение. Единственная дипломированная в области собака этой породы подтвердила свою квалификацию и тем самым пресекла к своему предыдущему диплому недоверие Мы с Ладой утвердились в областном масштабе при куче ревностных свидетелей.

После нас пустили шесть свердловских спаниелей (всего их было семнадцать) и ни одна не сработала, хотя дошли и до бекасов. Ладкин диплом сразу потяжелел и посолиднел. Я прочел с большого камня-валуна лекцию о дрессировке и натаске спаниеля. Часа на полтора завернул. Слушали хорошо, благодарили. В целом – победа!

Ажик-Минор. Первая натаска. 1971 год

Характер Ажика – неистощимая активность, возбудимость, злобность, упрямство, самостоятельность, настойчивость, смелость. Гордый, крутой и

ласковый пес. Редкостная любознательность. Все его интересует. Весь – энергия.

Первый выход в поле где-то в конце апреля. Что было-о! Более часу этот сумасшедший Ажик мне не принадлежал, на команды – ни малейшей реакции. Ни разу не подошел ко мне. Аллюр – красивейший легкий галоп. Неутомимость.

Убегавшегося, взял на чок-корду. Трудно. Если бы не уверенность, что главное еще впереди, – опустились бы руки. Как я буду его останавливать при подъеме птицы?! При работе с кордой приходится быть жестким. На Ажика нужна сила и логика. Пущенный без корды, опять погнал жаворонков совершенно необузданно; я жалким кричащим придатком бегал где-то далеко от него, хрипло и неприлично вопя «нельзя», «сидеть» и так далее. Ужас! Ни малейшей победы.

2 мая

Ходил с Ладой и Ажиком на реку Тагил через поля и по лесной дороге. Решил сегодня Ажику ни одного урока не давать, никакой школы. Пусть дышит и бегаёт, может быть, хоть чуточку уравновесится. Расчет оправдался. Сходили очень хорошо, и под конец прогулки Ажик был совсем мил.

Дня через три после этого еду с ним на поля, где нет вероятности наткнуться на дичь. Цель – работать на корде. Ни на секунду не спустил с поводка за всю поездку. Челнок на чок-корде. Опять жесткость. На отдельные моменты больно смотреть. Ажик летит через голову, разогнавшись. Корда рвет шею, ноги. Но иначе нельзя. Часто сажаю. За каждого жаворонка – рывок. Дала ли что эта жесткая поездка?

Затем недели две перерыв. После перерыва – выход на стадион, работа на корде. Садится не хочет.

И опять перерыв две недели. С Ажиком не работаю – занят подготовкой Лады к Свердловску.

1 июня

На стадионе без корды бегаем челноком. Есть повороты. Садится, но туго.

3 июня

То же самое. Появляется послушание. Корда не понадобилась.

5 июня

День рождения моего героя – 9 месяцев. Едем туда, где начинал натаску Лады. Спущен в свободный полет. Взяли в оборот чибисы. И повторилась история с Ладой: чибисы ведут обезумевшего Ажика, мотают его, он маленькой точкой мелькает по полям, я стараюсь лишь его не потерять. На этот раз я спокойнее и действую трезво. Гоняйся, милый! Так его, братцы! Надо, чтобы Ажик почувствовал какой-то позор своего безумия, чтобы был оплеван, осмеян чибисами. Надо, чтобы была задета его гордость... Наконец, я его остановил... Да уж, вид у моего героя был жалкий.

Взял на поводок и добавил по его гордости плеткой. Спустил с поводка и пошел, скомандовав «рядом!». И Ажик, всегдашний метеор Ажик, задыхающийся на любом поводке у ноги, даже на строгом ошейнике, пошел рядом. Пять шагов. «Сидеть!». «Хорошо!». Рядом. Сидеть, хорошо! Взял на поводок (нельзя злоупотреблять). Ловит глазами ворон, чибисов. «Нельзя!» Понял.

Ушли на длинные поля. Челнок без корды. Идет!! М с ним «схватили» челнок! Не пропал даром ни один урок в предыдущие выезды и выходы, в сумме это сказалось сейчас. Ажик управляем! Слушает повороты, по свистку поворачивает. Нет чистоты, но это не беда. Он уже профессор по сравнению с «челноком» свердловских собак, виденных мною 30 мая сего года. Садится без повторных команд. Идет рядом!! Правда, для страховки пристегнута плетка вместо поводка, она волочится по земле. Какая хитрость, однако! Но он понял команду. Он все понял!!

Пошли на луговые делянки. Взлет ворона. Бросок. – «Сидеть!» Сел... Ура! «Вперед!»... И Ажик пошел по болоту чел-но-ком! Конечно, полностью управляемым, без самостоятельности. А каков ход! Каков аллюр!!.. Жаворонок. Сидеть! – Сел! Еще жаворонок – Сидеть! Сел. Вот это сдвиг!

Ажик вошел в русло дисциплины, имеет контакт со мной, понял, что если нет команды «гуляй», он должен держать себя в моих руках, он разделит свободное состояние и школу. Если так дальше пойдет и все будет нормально, в августе мы будем готовы к диплому.

13 июня

Опять полный развал: плохо садится, плохо идет челноком, необуздан, гонит чибисов без ума (дважды сорвался до неистовства). А потом я лег в больницу! Все на этот год.

1973 год

Ажик уже имеет диплом первой степени по болотной дичи, ринговый победитель выставок, но еще сырой в работе. Нам с ним не везет: с февраля по май я болен, в больницах. Болит и душа за Ажика.

18 мая вышел из больницы. Состояние глубокого заболевания надоело. К черту! 19 мая – челнок на стадионе. 21 мая едем в поля, в болото. Есть челнок. Управляем. Но нет дичи. Прошли все – и нет ничего. Больше нельзя допустить ни одного выхода в поле без дичи! Можно вконец сорвать Ажика: он стремится найти, рвется вперед, уходит далеко – и не находит.

Даю в Свердловск Р. Калашникову телеграмму: «Нужна дичь!» Ответ положительный, и 26 мая на машине едем с Ажиком к Роберту.

26 мая

Вечером на Калиновских разрезах реки Пышмы, там, где испытывалась Лада без четырех дней два года назад. Ажик идет хорошим челноком, очень послушен, как-то трогательно внимателен к командам и ко мне, опытный глаз

отметил бы хороший контакт между нами. Болото нелегкое. Ажик хорош во всем. Но дичи нет.

Но вот удача: слетели с зеркала воды два чирка, выйдя на нее из прибрежной осоки. Навожу на это место Ажика. Причуял, оживился. Тут же отметил сидку спугнутого турухтана. Вновь пустил возле заросшей хвощем воды и кочкарника. Ажик хорошо пошел, прихватил, потянул и – поднял чирка. – Сидеть! Сел. Стреляю из стартового пистолета. Рванулся. – Сидеть! Сел вновь!! А чирок-утка отводит от гнезда, припадает на глазах собаки, взлетает и вновь садится. Пускаю вперед Ажика, он вновь сел по команде, найдя и подняв утку, опять находит, поднимает и не гонит, и – так я расстрелял почти всю обойму Прекрасная работа! Ажик выдерживает громадный соблазн и в руках себя держит, не допускает угонок. К этому нужно добавить, что он весь вечер работает под чибисами (!) и не гоняет их, хотя они и изводят нас с ним, как всегда. А что писал Валов? «Чибисы погубят собаку!» верно, Николай, погубят. Но мы оказались сильнее, и чибисы не страшны больше нам. Удивительная способность Ажика мобилизовать себя, когда нужно!! И в дальнейшем эта непосильная нашим понятиям о собаке способность будет проявляться в нем. Роберт потрясен. Но достаточно: надо же оставить птицу в покое! Уходим. Победа, братцы! Решено завтра официально провести испытания.

27 мая

5 часов 30 минут утра. Заезжаем за экспертами и с тремя добавившимися собаками-участницами едем в район аэропорта Кольцово. Хорошее болото. Прохладно. Пасмурно. Ветерок. Ажик пущен первым. Идет красивым челноком. Но мне идти трудно, отстаю. Это портит его работу и эффект. Комиссия движется сзади, внимательна и, похоже, компетентна. Минут через семь после пуска Ажик резко и четко верхним чутьем прихватил вполветра, развернулся, эффектно потянул и в броске чисто, по мнению комиссии, блестяще поднял на крыло дупеля. По команде сел, проскочив не более двух метров. Стреляю. Рванулся и сел по окрику. Да, есть от чего задохнуться. Работа такая чистая и мгновенная, что судьи мои ее даже и не разглядели как следует. Но какое это имеет значение? Важно то, что видел я, что было. Ажик без годичной тренировки (вернее, с годичным перерывом в тренировке), после вчерашней утки так захватывающе точно подал на крыло болотную дичь! Какая разница, что было после этого?! Мы с ним сделали что-то более главное!

Назад, домой ехали медленно, долго. Все-таки нельзя мне пока в такие поездки. Но мы победили, Ажик! Эксперты расценили работу на диплом второй степени. Правильно. Было бы наглостью хотеть более высокого диплома после больниц и без тренировок. Осенью, однако, ждал сюрприз. Посмотрев весной и летом какое-то количество спаниелей на полевых испытаниях и сравнив увиденное с работой Ажика, которая им запомнилась, эксперты изменили его расценку на диплом первой степени. Председателем комиссии был, конечно, Калашников. Зная его, можно догадаться, насколько необычно для себя он поступил. Об изменении степени диплома он открыто

объявил членам свердловской секции спаниелистов; его авторитет от того не умалился. Вот так мы начинали, и я думаю, что опыт наш может представлять интерес.

Спаниель на охоте с ним

Спаниель, господа, все-таки прежде всего охотничья собака, и это приходится специально оговорить. Нетрудно понять, почему приходится это сделать. Спаниели благодаря своему приятному своеобразно уютному в домашней обстановке внешнему виду, шерсти, удобной для ее поглаживания ласковой рукой, своей коммуникабельности и относительной малогабаритности обречены в основной своей массе быть не в охотничьих руках. В противоположность этому, вряд ли найдется такой типичный случай, когда, например, гончую кто-то будет держать не для охоты, а как сторожевую или комнатную, «для души». Гончие – в руках охотников, хотя и мало это спасает их от утраты породных экстерьерных и рабочих качеств, теряемых в условиях городского содержания, примитивной зачастую племенной работы и не очень грамотной эксплуатации, имеющейся сплошь и рядом.

Если вы охотник и спаниель у вас есть или будет для охоты с ним, то я надеюсь быть понятным в том, чем хочу поделиться в этой главе, хотя, разумеется, оппоненты не заставят себя долго ждать.

Первое же мое утверждение может быть встречено несогласием. Я не считаю спаниеля очень-то уж универсальной собакой. Все собаки – звери в своем происхождении (от волка), и по отношению к теплокровным способны вести себя агрессивно. Мне, например, в молодости приходилось убивать медведя из-под гончей, причем она его не гнала, как зайца (она и зайца бы не гнала, если бы он от нее не убежал, но схватила бы его), а остановила. Вернее, остановился он сам, а гончая на него яростно лаяла, что и вынудило меня спешить на лай. Пришлось стрелять «на поражение», не надеясь мирно разнять этих зверей и сохраняя собаку. В последующие годы я себе уже таких лихостей не позволял, хотя не однажды мои спаниели вступали в конфронтацию с медведями, о чем уже и шла речь.

Любая универсальность относительна. Зверовой охотник не станет держать лайку, которая в охоте на зверя позволит себе облаять белку. Имея в свое время островных легавых, я никогда не требовал от них подачи дичи, не унижал их до этого. Они и не подавали у меня никогда. Но знаю легавых, подающих все, что угодно, и не ведающих стойки. Знаю также спаниелей, предпочитающих утиную охоту всему остальному, и спаниелей предпочтительно «сухопутных».

Конечно, спаниель не настолько специализирован в работе, как собаки ряда других охотничьих пород, и в том его своеобразное преимущество. Но и охотнику, владельцу спаниеля, не надо бы культивировать в себе всеядность, радуясь тьяканию своего универсала, погнавшего зайца. Много ли он погоняет его? Не заблудился бы, отбежав за зайцем и потеряв и зайца, и охотника. Не надо бы радоваться и тому, что ваш спаниель (обычно еще в юности)

раскапывает барсучью нору: все равно же он не справится ни с норой, ни с барсуком.

Есть, конечно, в спаниеле приятная и полезная многопрофильность, не противоречащая его возможностям, но об этом – ниже.

Второе «утверждение». Позвольте не согласиться с заявлениями о раннеспелости спаниеля как его преимуществе. «Спаниель рано пригоден к охоте в отличие от других пород охотничьих собак. Восьмимесячный спаниель на охоте – явление обыкновенное среди любителей охоты со спаниелем» (Ф. С. Акишин, «Охота со спаниэлем»).

Ну, и что хорошего, если восьмимесячный – уже оружие охоты? Вам что дороже: качественная собака и классическая с ней охота или полуфабрикат того и другого? Конечно, каждый волен во всем, никому ничего не навязываю, да это и бесполезно, но думаю, что один из первых авторов отечественной литературы о спаниеле и охоте с ним Ф. С. Акишин прав лишь в том, что «спаниель рано пригоден к охоте». Пригоден, не более!

Если заняться натаской и постановкой спаниеля, то с охотой торопиться не следует. А в лес и на уток я раньше двухлетнего возраста спаниеля вообще не пошел бы на охоту как таковую. И не хожу. Зато уж потом спаниель себя проявит полноценно. Поверьте, за многие годы активной охоты со спаниелями я всегда был с добычей и не потерял ни одного трофея.

«Охота портит постановку спаниеля», – услышал я мнение удачливого и довольно известного спаниелиста, высказанное им возле ринга спаниелей восьмой всероссийской выставки. Верно, портит, если думать на охоте о стрельбе и добыче больше, чем о собаке. Стреляйте только ту дичь, которую собака сработала правильно и сама, то есть не нарушайте рефлекторную связь между собакой, ее правильной (как учили!) работой и добычей дичи; не стреляйте случайно налетевшую или недоработанную дичь, отпускайте без выстрела все, на чем собака как-то сорвалась – и вы не испортите ее охотой. Но многие ли могут сказать о себе, что они поступают именно так, то есть контролируют на охоте себя как ведущего и верность работы собаки?

Охота с собакой дело более ответственное, чем без нее, вы ответственны за результат и перед собакой.

В лугах и болотах за красной дичью

В силу того, что охота на болотную дичь – это начальная школа для спаниеля и одновременно школа высшая, которая дает базовое образование, – начнем с нее.

Хорошо тем спаниелистам, кому по местожительству доступны травянистые сырые луга возле рек и озер, пойменные, низинные и торфяные болота. Таких мест становится все меньше и меньше. В погоне за участками подходящей для пользования земли болота осушаются, заливные луга обезвоживаются, заброшенные торфяники зарастают плотным

березняком и осинником. У болотной дичи цивилизация отнимает среду обитания, редкими становятся чистые болота – жемчужина земли.

Охота на дупеля

Дупеля поставим на первое место по всем показателям охоты на болотную дичь. Это относительно стабильная в своем образе жизни птица, но очень уязвимая по отношению к среде обитания. Дупель выбирает влажные и потные, но не мокрые места, не любит ни топких, ни моховых болот. Там, где водянисто и высокие травы, его нет. Дупель остановится скорее там, где трава редкая и невысокая, чем там, где она высокая и плотная. Он может быть, например, в пойме реки, представляющей собою большой массив больших «косматых» кочек, обильно поросших свисающей с них и защищающей дупеля травой, но между кочками сухо и почва плотная. Вся пойма представляет собою ограниченный высокими берегами выпас скота, что особенно хорошо для дупеля.

Часто с заболоченными, водяными и богатыми осокой местами соседствует сухая площадь, поросшая белоусом, – это излюбленные укрытия для дневки дупеля. Жесткая поросль белоуса своей умеренной высотой, а главное цветом отлично защищает птицу. На мягком, чуть мшистом полу дупелю удобно и спокойно. А если рядом с такими местами ему есть где кормиться, то и совсем хорошо. Характерные для дупеля места можно найти среди сухих площадей, где есть небольшие участки с ямками и углублениями, а там стоит сочащаяся подпочвенная вода. Эти участки видны по черной перегнойной земле, по кочкам с редкой полевой травой между ними. Одним словом, по отношению к местопребыванию дупель строг и разборчив.

Если нашли дупеля, надо обыскать, обойти местность вокруг: не найдется ли еще. Он часто размещается не в одиночку, поблизости могут быть еще. Бывает, что одновременно взлетают два-три, находившихся близко друг к другу, а собака работает, как по одному. Но бывает красивая для работы собаки рассредоточенность, когда каждый дупель из числа скопившихся взлетает отдельно от остальных по мере того, как собака каждого из них отдельно срабатывает. Мой Гервиг-Минор, обладавший очень верным чутьем, однажды на тренировке (я был без ружья, и это пошло на пользу наблюдению) сработал на четырех квадратных метрах пятерых дупелей, по отдельности вычислив подняв на крыло каждого из пятерых последовательно. Это надо было видеть! Это надо было пережить! Подняв пятого, Гервиг без команды лег торжественно и проводил глазами улетающего! Ах, как он переходил из одной мгновенной подводки в другую! Как поворачивался, веером раскрываясь! Невероятно, не может того быть, - скажут многие. Тем не менее, так все и было. Гервиг отличался редкой тщательностью в работе при всей своей страстной настойчивости и избирательности по отношению к поиску. Второго такого ювелира я больше не видел, не встречал.

В сухой год, когда типичные дупелиные уголья пересыхают, и дупель сбивается в крепи, которым и в сушь не просохнуть, на охоту за дупелями надо выходить с рассвета, пока сильная роса, и птица выходит на нее. Но и в не сухой год охотиться лучше с рассвета.

Собака по дупелю обычно работает более горячо, часто на длинных потяжках, хотя по какой болотной дичи работает в данный момент спаниель, не всегда поймешь. Подводка по дупелю часто более короткая, а бывает и совсем накоротке. Взлетает птица молча, в отличие от бекаса, с характерным «выпуклым» (В. Е. Герман) хлопаньем крыльев, к которому невозможно, по моему, привыкнуть человеку впечатлительному. Летит дупель относительно медленно, низко и первые мгновения прямо, затем описывает небольшую дугу и опускается на расстоянии, так что по перемещенному можно навести собаку. Собаку, конечно же, надо по возможности вести против ветра. Стрельба дупелей входит в их характеристику: она не трудна, но не следует этим обольщаться, ибо тем более досаден промах и перед собакой нехорошо.

Время охоты – август, его первая половина и середина. Небольшой намек в погоде на приближение осени – и дупеля улетают. Вот вчера они еще были тут, а сегодня – ни одного. В отлете своем они дружны.

Охота на бекасов

В охоте на бекасов нужен выносливый, чуткий спаниель, совершенно не гоняющий поднятую на крыло дичь (по дупелю это необходимо еще больше) и безотказно подающий битую. Бекас селится почти на любом болоте с не отравленной и не застойной водой, но предпочитает травяной покров с грязями между травами, по которым не всегда пройдешь, не увязнув. Любит он и отдельные участки травы с кочками в мокрых местах. Он населяет водяные места с растущей осокой на кочках, между которыми есть грязевые просветы, и сырые заливные луга с полевыми и болотными травами. Любит затянувшиеся, покрывшиеся хвощом и мелкой осокой торфяные болота с окнами воды, окаймленными перегноенными грязями. Охотясь на бекаса с собакой, надо не забывать смотреть под ноги, так как бекас нередко привлекает в места, трудно проходимые.

В засушливое лето, когда пересыхают грязи и в болоте сушь, бекасы держатся по берегам рек и водоемов, ютятся иногда на совсем крохотных участках сырых берегов с травой и осокой. Они чутко относятся ко всяким изменениям в угольях, где держатся, особенно к уровню воды. Прекрасный летун, бекас внимателен к качеству места и отлетает на немалые расстояния от мест дневки к кормовым местам, на ночные кормежки. Засушливые и чрезмерно дождливые погоды резко уменьшают количество бекаса в местах его обычного обитания.

В отличие от дупеля, бекас взлетает, как правило, с коротким звонким криком и, бывает, кричит, пока не скроется из виду. Он много держится в воздухе. Кто из нас, бывая весной в бекасиных местах, не бывал взволнован

тем, как высоко в небе он токует, блеет, гудит, срываясь вниз и вновь взмывая. Полет его быстр и причудлив на взлете и вообще характерен, состоит из ломанной линии и нескольких зигзагов, начертив в воздухе которые, бекас переходит на прямой полет, тоже очень быстрый. Этот неправильной линии полет составляет камень преткновения в стрельбе по нему. Промахи часты, они расстраивают стрелка и впустую горячат собаку. Но какое удовлетворение приносит результат, если он есть! И спаниель работает по бекасу быстро и красиво, и вы на высоте.

Мне памятно как счастье бекасины охоты на еще тогда не заросших лесом заброшенных торфяниках поселка Басьяновский Свердловской области, где живут мои друзья, и я был у них желанным гостем. Я ездил туда с Ажик-Минором, казалось, рожденным для тех нелегких для поиска мест Правильный быстрый челнок и хорошее чутье позволяли Ажику не пропускать практически ни одной птицы. В первый выход мы отправились с проводником, местным охотником по боровой и с гончими. Бекас для него, естественно, птичка, не более того. Однако он взял ружье, получил от меня патроны с мелкой дробью, я объяснил, что его ждет. Спаниель работал безошибочно. Мой проводник при взлете бекаса не успевал поймать его стволами и, сказав: «Не наша охота», – пошел сзади, удивляясь. А дивиться было чему.

Представьте такое. Ажик на быстром своем аллюре прихватил верхним чутьем, перешел на потяжку, в потяжке резко на мгновение повернул высоко поднятую голову влево, прошел еще метра четыре вперед и броском поднял бекаса, который и упал после выстрела. Ажик не сел, как бы ему полагалось при взлете птицы, и не бросился за упавшим, а совсем уж неожиданно вернулся туда, где повернул на потяжке голову в сторону, уточнил обстановку, понятную лишь ему, вновь бросок на этот раз направо по отношению к линии обратного пути – и взлетает бекас! Я доволен до сих пор тем, что не промахнулся и на этот раз. Что же Ажик? Потрясающе, но он самостоятельно, как будто понимая, что тут правит бал он, вначале вернулся к первому упавшему, нашел его, подал, потом пошел и подал второго. Мне было не до того, чтобы как-то влиять на состоявшееся; оставалось лишь принимать подачи. Уже не удивлявшийся, казалось бы, мастерству Ажика, я был изумлен и благодарен небу, жизни, Ажику за все, что произошло. Ничего не сказал мой спутник, кроме непереводаемого на литературный язык восклицания, достал сигареты и закурил. Да, уж! Промахнись я хотя в одной из этих работ, и не было бы столь последовательной и логичной двойной подачи, не было бы завершенной общей картины, о которой долго потом говорили мужики в довольно суровом поселке, поскольку картине был свидетель. А в этот поселок попросили щенка от Ажика.

Охота на бекаса, как правило, не бывает особенно добычливой и не количеством трофеев ценится. Но когда возвращаешься из болота хотя бы с пятью бекасами, то не променяешь их на пару кряковых уток, а предлагающие уток (такие случаи были) с уважением смотрят на рядом идущего спаниеля, как на главного героя этой охоты.

В качестве примечания заметим, что охота в болоте не всегда безопасна для человека, сопряжена с возможными осложнениями и для собаки. Для человека – понятно: поверхностный слой болота не всегда легко проходим, встречаются «окна», вязкие трясины. Надо уметь их видеть и знать меру их плотности по цвету и характеру травы, по моховому покрытию, по водорослям и особенностям грязи. Бывают случаи, когда спешащий за собакой горячий охотник вынужден моментально остыть, оказавшись по пояс (в лучшем случае!) а «окне» между кочками, в милой с виду, покрытой светло-зеленой свженькой порослью лишайника трясине.

Уже говорилось, что собака должна быть в работе без ошейника – и это основа техники безопасности для нее. Мало ли за что можно зацепиться, сколько предметов металлических с прутьями, штырями и прочим торчащим нашло приют в болотах среди обжитых людьми местами, мало ли какие бывают выступающие на поверхность, чуть скрытые травой и осокой коряги и корни естественного происхождения. И как вы будете добираться до зацепившейся ошейником за что-нибудь из этого всего собаки, если между вами и ею болотно-водное пространство не из лучших по проходимости?

Особенно будьте внимательны на торфяниках с дренажными канавами, края которых не осыпались, вертикально уходят вниз вода, в ней находящаяся, далеко от поверхности, а ширина – не перепрыгнешь. Было такое у меня с Ажик-Минором. Только что вот он был тут, работал на карте торфяника, обрамленной такими именно канавами, и исчез. Случай всегда подстерегает нас с математически высчитанной точностью мгновения. Я засмотрелся на низко пролетавших надо мной лебедей, их было девять. Почему нечетное число? – успел подумать я, глядя на эту красоту. И Ажик за эти мгновения исчез с поверхности торфяника. Причина исчезновения подсказалась сразу: канавы! Кинулся я к одной дренажной канаве – пусто, к другой. А надо же еще добежать, под ногой не беговая дорожка! В противоположном конце второй канавы на ее дне барахтался Ажик. Помчался туда. «Держись! Хорошо, молодец!» Но что делать? Ширина канавы не менее двух метров. Вода на дне на глубине полутора метров от краев канавы и дно не может обещать ничего хорошего. Допустим, прыгну туда. Насколько увязну и как выберусь? Края канавы вертикальны, как стены, они торфяные, осыпаются.

Я долго сейчас об этом пишу. Действовал быстрее. Поверхность довольно свежей торфяной карты успела лишь покрыться травой, своеобразным мхом и мелкой осокой, нет ни кустика, ни веточки. Не за что зацепиться. Я разрядил свой полуавтомат МЦ-21-12, заткнул ствол носовым платком, вогнал этот длинный ствол по рукоятку затвора в податливый грунт, привязал к образовавшемуся «колу» чок-корду (она всегда с собой!) и по ней спустился в канаву. Обратно выбирались вместе. Сей трюк не был ни забавным, ни безопасным для нас обоих. Спасибо «колу» за то, что устоял, торфяному грунту за то, что оказался податливым и достаточно вязким (ружье обратно я вытащил с трудом) и спасибо верной чок-корде.

Лучше же всего не ходить по таким местам в одиночестве, даже если и с собакой. Особенно, как видите, с собакой.

Охота на болоте многовариантна. Никогда не знаешь, кто вылетит из-под собаки, если не умеешь хорошо различать дичь по времени и месту ее наличия и почерк работы собаки по той или иной дичи. Характерной болотной дичью являются погоньши – болотные курочки семейства пастушковых. Обитают они по густо заросшим пойменным берегам водоемов, сырым местам лугов и в болтах с густой осокой и другой обильной болотистой растительностью. Они быстро бегают, могут плавать и нырять, летают неохотно, медленно, низко, по прямой. От опасности стараются убежать, а не подняться на крыло.

Спаниель по курочке работает, как правило низом и почти вплотную подходит к ней или, внезапно наткнувшись на нее, чуть ли не подпрыгивает от неожиданности, провожая ее глазами, взлетевшую чуть ли не из-под его морды. Почти то же представляет собой более случайный объект охоты – камышница. Образ жизни камышницы скрытный, она активна лишь в сумерках и ночью, ведет себя очень осторожно. Бегаёт она еще быстрее обычных погоньшей, взлетает легко, но летит тяжело и медленно, часто махая крыльями. Как трофей из-под собаки – редкость.

Кажется, самая популярная охота со спаниелем – по коростелю. Даже не знаю, можно ли коростеля в полном смысле слова назвать болотной дичью, хотя он из семейства пастушковых, отряд журавлинообразных. Он живет на травянистых болотах, но больше – на лугах возле речек и хлебных полей с обилием растительности и плотных кустов. Заросли густой и влажной травы с большим количеством кустов ему необходимы. В этих зарослях коростель (иначе – дергач) «протаптывает тропы», по которым быстро передвигается, при этом не шелохнет ни одного стебелька, ни одной травинки. В конце весны и первой половине лета, едва подрастет трава, коростель кричит на зорях, а в брачный период – круглые сутки. Его сдвоенный крик известен всем, отдаленно похожий на звук, издаваемый застарелым гвоздем отрываемой от забора доски, не может оставлять равнодушным к нему знающего болотную охоту. Поднять коростеля на крыло не так-то просто, и, если все же, кто бывает в полях, граничащих с ними огородах и так далее, этот крик знаком, то вряд ли один из тысяч похвалится тем, что видел коростеля. Чтобы справиться с ним, спаниелю нужны верное чутье, настойчивость, быстрая подводка. Поднимается он из-под самой собаки, настигнутый ею, летит медленно, по прямой, низко, не поджимая длинных ног. Стрелять его легко, но – мне вот не хочется. Коростель для меня особая, глубоко волнующая, даже, пожалуй, ритуальная птица. Я готов ставить палатку и ночевать в коростелиных местах, чтобы всю ночь за стенкой палатки слышать коростеля. А стрелять его не могу. За жизнь свою охотничью убил когда-то одного.

Закрывает сезон охоты на болотную дичь гаршнеп, птица семейства бекасовых отряд ржанкообразных. Клюв длинный, но короче, чем у бекаса, тонкий. Спина черная с металлическим блеском, верх головки черный с крапинками, по бокам головы светлые полосы, брюшко светловатое. Гаршнеп всюду малочислен. Он любит топкие, трясиновые болотные почвы, плотно заросшие тростником, хвощем и осокой. На пролетах останавливается в травянистых местах по заболоченным берегам рек и озер. Улетают на юг

гаршнепы последними из крылатых обитателей болот. И когда на болоте уже ничего не ждешь и выйдешь на него перед последними заморозками проститься с ним до следующего сезона, – можно встретить гаршнепа. Эта птица не строгая, подпускает собаку, оказываясь почти под ее мордой. Взлетает гаршнеп с тихим побряхтыванием и летит медленно, плавно покачиваясь, «напоминая своим полетом порхающую бабочку» (Ю. Герман).

По редкости своей как добыча – это самая-самая из красной болотной дичи. Гаршнепом и завершим разговор об охоте на болотную дичь.

За утками с «утятницей»

Уже говорилось во вступлении, что одним из массовых представлений о спаниеле является представление о нем как о собаке-утятнице. Да и утиная охота – самая массовая из всех охот по перу. Знал я одну такую специалистку по уткам. Ее владелец, уже очень не молодой человек и в любых увлечениях максималист, бродил обычно по прибрежным осокам, камышам и рогозу в воде по колено и выше. И собака за ним вплавь по пробитой им дорожке в плотной водной растительности. И так по несколько часов спаниелька была на плаву, не доставая дна. Ее совершенно не прихотливый ни в чем владелец стрелял все, что взлетало или пролетало над ним, иногда попадал, и собака уплывала искать упавшую птицу. И – находила всегда! И – приносила. Такова была Яна-3093/с Рачева Игоря Николаевича. Выйдет Яна после такой эксплуатации, наконец, на сушу худая, изможденная, маленькая, в чем душа держится; упадет без сил и не шелохнется. – Ты бы, – говорю, – иногда хоть на руки ее брал, Игорь, особенно там, где камыш выше крыши и вода тебе сам знаешь, до куда.

Яна у него напоминала мне своей судьбой и положением Валетку у Ермолая, описанную Тургеневым в «Записках охотника», да и сам ее владелец с Ермолаем много общего имел, если дело касалось охоты на уток, особенно как вспомнишь тургеневский шедевр – рассказ «Льгов». Та же безалаберная и непотопляемая статья.

Спаниель для утиной охоты, конечно, хорош: его расположенность к воде, способность легко плавать, чутье, поиск и страсть к подаче (если она у данной собаки есть в индивидуальном проявлении) позволяют ему быть и добычливым, и спортивным.

Последнее время вошли в практику ряда обществ охотников и кинологовических клубов различных названий межпородные состязания по водоплавающей дичи, то есть по утке (да еще по подсадной, что и вообще запрещено действующими правилами испытаний). Любые состязания предполагают изначальное равенство возможностей. Так, к примеру, в тяжелой атлетике и борьбе тщательно отслеживается равенство весовых категорий. Но дратхаары, лабрадоры, лайки и спаниели – в разных весовых категориях по возможности, что уж говорить. Усложненная программа таких межпородных состязаний исходит из возможностей дратхааров и ретриверов,

в которых больше силы хотя бы за счет их массы. И каким бы мастером в утиной охоте ни был даже максимально крупный по стандарту и тренированный спаниель, он по этой программе проиграет, что и подтвердилось на Уральских состязаниях по утке 2003 и 2004 годов в Екатеринбурге, на областных состязаниях такого же характера 2004 года в Перми. Любая универсальность относительна по отношению ко всем породам. Пустите лабрадора или лайку против хорошо поставленного спаниеля по болотной или даже боровой дичи и увидите, что получится. Так что если уж вы остановили свой выбор все-таки на спаниеле как породе, не считайте его ни ломовой лошадкой, ни норной собакой. Хотя какие-то правила испытаний спаниелей по барсуку уже измышляются. А что? Используются же таксы на утиной охоте.

Но если серьезно, то спаниель хорош в ходовой охоте на уток, но только когда позволяют угодья и птица доступна собаке. Не будет эффекта от спаниеля в тяжело проходимых топких зыбунах и плавающих островах с вязкой засасывающей основой или там, где можно лишь проталкивать лодку, опираясь одной ногой о кочку, тут же уходящую под давлением ноги в воду, а другую оставляя в лодке и ею же протаскивая лодку по десятку сантиметров вперед. Спаниель здесь быстро выбьется из сил, его бы нужно беречь и щадить. Ему не по силам плотный рогоз, сплошной камыш с топкой жидкой грязью, где ни плыть, ни идти. Тут-то и уместны дратхаары, ретриверы, крупные лайки.

Утиная охота со спаниелем эффектна по берегам рек, озер, прудов с заросшими прибрежной, в воде растущей травой, осокой, ряской, камышом, проходимыми и проплываемыми для собаки. Нередко это и типичные места утиных дневков. Находясь в поиске, спаниель находит уток и преследует до их взлета или выгоняет на чистую воду под выстрел. Дело в том, что утки на дневке при опасности предпочитают затаиваться или отплывают, а взлетают, когда уж иного выхода нет или им пришло время лететь по «расписанию» их образа жизни. Вот и идите берегом по таким местам, иногда даже мелководьем, если достаточно твердое дно, а спаниель (а еще лучше – два) занят своим делом: контролирует прибрежное пространство, заплывая в типичные для уток участки, проверяя наброды, перехватывая запах птицы. И если места пустые, а опытный спаниель знает это лучше вас, – то зачем ему зря купаться и продирается сквозь живописную водную растительность ради вашего спортивного интереса – он идет берегом. Кстати, отдыхающие на дневке утки часто выходят на берег, используют прибрежные ямки, поросшие травой, рогозом и заполненные водой; вы пройдете мимо, а они не взлетят. Спаниель мимо не пройдет. Прячутся утки и под берегом, особенно в торфяных карьерах. При неплохом чутье спаниель не минует и их.

Многие охотники берут спаниеля в лодку, охотясь на «проходимой» в осоке воде с подъезда. Взлетела, убил, спаниель сплавал, принес. Не знаю, я так не делал никогда, хотя на уток охотился изрядно. Мне жалко собаку, когда она, сплавав, мокрая сидит без движения в лодке, над ее головой или в метре от нее грохочут выстрелы, и в случае удачной стрельбы ее, дрожащую, опять

опустят в воду, придется плыть, искать, нести. Стреляя из лодки, я и сам найду упавшую и доберусь до нее. Важно лишь чисто стрелять, не делая подранков, не стрелять над гиблым участком зоны обстрела, куда ни пойдешь, ни протолкаешься и куда уток лучше не ронять, даже если вы со спаниелем. И еще важно точно запоминать место падения утки. Не беру с собой спаниеля в лодку и при охоте из закрадки на перелетах и в местах дневок. Место каждой упавшей утки в этих случаях точно не запомнишь и каждый раз выплывать из закрадки за очередной упавшей тоже не годится: некогда. Я, признаться, записываю (в кармане бумага, карандаш) места падения. Например, справа, 35 градусов, 16 м (метров); за кормой, чуть левее, двадцать и так далее. Ну, а потом по такой шпаргалке ищешь, собираешь выполненную норму отстрела.

Другое дело, охота из закрадки в месте дневки и пролетов с берега без лодки. Тут спаниель очень к делу. Но он ведь в этом случае на берегу и чувствует себя увереннее, чем в лодке, подвигаться может. Вот тут подача нужна от спаниеля, и он поможет вам, если место падения уток ему посилено. Я все время, как видите, это подчеркиваю, чтобы мы не обольщались мнимой беспредельностью спаниеля как универсальной по возможностям собаки, не считали в частности его вездеходом.

Часто кичатся тем, что спаниель, мол, на утиной охоте соберет всех не найденных убитых уток и всех подранков, оставленных другими стрелками. Хорошо, конечно, если вы окажете помощь со своим спаниелем другим охотникам в розыске их трофеев, но особенно специализироваться на этом не стоит: хороший спаниель не «всеяден» на подачу, ему нужен результат из-под вашего ружья.

Со спаниелем по перепелам и куропаткам

Можно посочувствовать тем спаниелистам, кто живет в отдалении от мест охоты на луговую дичь и не имеет возможности уезжать туда, где такая дичь есть. Открытая местность, легкая ходьба по лугам, интересная дичь, работа собаки, проходящая вся на виду у охотника, отличают эту охоту и выделяют ее из ряда других. Все куриные – птицы со своими правилами жизни, очень разными, но в принципе однотипными. Все они более пешеходные, чем летающие, оседлые, при необходимости откочевывающие, но не перелетные, за исключением перепела.

На пути к зимовкам, останавливаясь на побережьях Черного Каспийского морей перепел скапливается настолько кучно, что его бьют только что не палками. К нам прилетает в конце апреля – начале мая. Сразу по прилету в места гнездования перепела – петушки начинают «бить» свои позывные, похожее на скороговорку «спать-пора, спать-пора» или «пиль – пиливить, пиль-пиливить». Эти звонкие голоса перепелов в тишине слышны в полях за километр и более вначале на утренних зорях, в последующие дни чуть ли не полные сутки. Это кричат, как уже сказано, самцы. Самки отвечают двухсложным, хриплым свистом, заслышав который самцы на него спешат.

Птица эта полигамная. В хлебных полях и травянистых лугах возле рек, болот, водоемов они повсюду, вплоть до огородов, если в принципе перепела есть в этих местах.

Ко времени охоты выводки перепелов держатся в хлебах, в степных ложбинах, по некошенным местам лугов и окраин болот, прилегающих к полям. Им необходима высокая трава (некось), высокое жнивье с сорными травами. Находят они себе укромные места под копнами сжатого, но еще остающегося на полях ярового хлеба и проса. Просо и гречиха – прекрасная пища для перепела, и пока они не убраны, – перепел там.

Перепел ведет ночной образ жизни и кормится по вечерам, ночью и утром, а днем лежит в уютном для него месте и если покидает его, то вынужденно. И когда покидает, то не взлетает, а прежде бежит довольно быстро и маневренно. Взлетев, летит по прямой быстро, но недалеко. Поднятый два-три раза, в дальнейшем старается затаиться, не взлетает. Стрельба его, на первый взгляд, не сложна, но не настолько, как может показаться, так как перепел, подпуская близко собаку и взлетая почти из-под нее, горячит не только собаку, но и охотника. Не нужно спешить с выстрелом.

На этой охоте спаниелю нужно быть надежным в следовой работе, быть вежливым, управляемым в поиске под ружьем и послушным при подъеме птицы, работать без угинок. Выходить на охоту надо с раннего утра, стремясь застать перепелов на кормежке. Все остальное легко можно себе представить. Но нетрудно представить и человека на охоте за перепелами с не поставленным спаниелем, да еще и чуткостым, горячим. Может быть, этот человек и добудет пару перепелов, но набегаются за собакой, а собака – за поднятыми ею перепелами.

Ближайший родственник перепела – серая куропатка, птица оседлая, напольная. Она не нуждается в площадях леса, особенно высокоствольном. Но там, где поля чередуются с лесом, она пользуется им при возникшей опасности. Лес – не ее среда, и, успокаиваясь, она выбегает на опушку и летит на чистое место. Куропатка нуждается в травах среди хлебов и межах, бороздах, канавах, углублениях. Трава не должна быть густой и высокой, не спутанной, ровно стоящей. Куропаткам приходится раздвигать траву, приземисто бегая. Надо, чтобы это не требовало с их стороны усилий. Трава дает птицам корм и безопасность. Однообразной большой площади куропатки не любят, для них лучше, если ее разделяют канавы, межи, полосы разных хлебных посевов, когда пустыри перемежаются небольшими участками высокой травы. Слегка пересеченную местность они предпочтут плоской поверхности, последняя принимается только если она покрыта травой и имеет кустарники. В основе обитания серой куропатки все-таки лежат поля.

Помню первую свою встречу с куропатками, оказавшуюся знаковой. Был я двадцатилетним и попал на коллективную охоту с гончими. Гончих разноногая, разночутая и несгоненная стая, охотников больше десятка, зайца много, почти несмолкаемый гон, стрельба, крик «готов». Впоследствии я буду авторитетным знатоком гончих, экспертом высокой категории по породам и

испытаниям их, а тогда не понравился мне весь этот суматошный гомон и рваный гон, поскольку по шумовым стреляли чаще, чем по гонным зайцам. И ушел я в сторону от этого прочесывания леса и собаками, и людьми.

В середине дня вышел на край сжатого хлебного поля, пристрелся к небольшой копне соломы, поел, посидел и дальше пошел. Сделал не больше десяти шагов, и почти в упор, как мне сейчас помнится, поднял плотную стайку куропаток. Фактор внезапности и эффект очарованности были столь определяющими, что «рефлекс ружья» не сработал: я стоял и смотрел на кучно улетающих птиц, обогнувших над полем опушку леса. Значит, я не менее двадцати минут был от них в нескольких метрах и не почувствовал, что рядом дичь. Да еще какая! Вот тогда пришло решение иметь подружейную собаку. Тогда, на том поле, под впечатлением рядом со мной находящихся и с таким взрывом взлетевших, низко над полем улетающих куропаток! Так что куропаткам тем я обязан всем последующим движением своим в охоте с подружейными собаками – сеттерами и спаниелями, и, как ни странно, это не метафора.

Охота на куропаток требует своей тактики. Выводки, стайки куропаток довольно строги по отношению к приближающимся собаке и охотнику. Они взлетают иногда уже на потяжке спаниеля или легавой, если птицы вышли на открытое место и застигнуты там. Для успеха охоты рекомендуют разбить выводок или стайку, вынудить птиц рассредоточиться, тогда они, перелетев, перестают бежать, не дают следа, затаиваются. Разлетевшийся выводок не дает вам успеть заметить места посадки всех опустившихся на поле, не улетающих птиц. Собака найдет их, но не всех. Успокойтесь сами, успокойте собаку, подержите ее возле себя, отдохните. Через 20-30 минут оставшиеся птицы со своих сидок начнут подавать голоса, переговариваться и этим обеспечат вам наводку по перемещенным. Хотя, конечно, знайте меру, не посягайте на весь выводок.

Полет куропатки энергичен, по скорости он мало уступает бекасиному. Как подброшенная, куропатка поднимается вертикально, треща крыльями, и летит параллельно земле с чириканьем и дребезжанием, создавая этим все условия стрелку для промаха: нервы не у всех справляются со столькими эффектами. Птица эта крепкая, не надо стрелять ее дальше тридцати пяти – сорока шагов. Подранком она может быстро убежать и остаться не отысканной. Замечено, что затаившегося подранка собака чует плохо, как это объяснить, не знаю. Но это так.

Белая куропатка

Эта птица из отряда куриных стоит особняком и полевой дичью, пожалуй, считаться не может. У нее иной образ жизни, иные условия жизни, иные места обитания. Белая куропатка единственная из наших птиц, кто на зиму

становится действительно белой, мало того, – белоснежной, белее зайца-беляка за счет некоторой глянцевидности пера.

Зимой в поисках пищи эта птица откочевывает туда, где можно прокормиться: это поля с незначительной порослью кустарника. Летом в таких местах она не живет. Оседлой ее можно считать с весны, когда стаи куропаток разбиваются на пары, до прихода зимы. Летними, а значит интересующими охотника с собакой местами, являются моховые болота, влажные клюквенные и более сухие с брусникой и гонобобелем. Эти болота обычно покрыты негустыми низкорослыми сосняками. Гнездовья белой куропатки бывают и в травянисто-мшистых низинах с редколесьем ельников, смешанных лиственных лесов с негустым подлеском ивовых и можжевелевых кустов. Выбирает она и моховые равнины с нечастым кустарником, но обязательно с кочками, покрытыми низкорослыми ягодниками. Цвет таких мхов от красно-темного и рыжего до розовато-зеленого прячет птицу в своих тонах даже при отсутствии кустарниковых укрытий не хуже, чем белый цвет зимой сливает ее со снегом так, что иногда только черные бусинки глаз на поле белизны выдают это чудо.

К местам обитания белая куропатка особенно требовательна. Ей нужен в первую очередь влажный мшистый и травянисто мшистый участок. Низкорослые деревья и кустарники играют роль второстепенную. Из деревьев предпочитается сосна, под которой и старается куропатка быть летом. Зимой ей более нужны тальники и поросли ивы. Она постоянна по отношению к подходящему месту, и живет как в глухих непроходимых моховых топях, так и среди густого лесного массива с влажной почвой и на хлебных полях, которые возле лесов. В отличие от серой куропатки эта принимает различные агротехнические и мелиоративные вмешательства человека минимально и тот час уходит при осушении болот или изменении поверхностного слоя земли, ее нуждам не отвечающего. В не распавшемся выводке белых куропаток вместе со старкой находится и петух. Он бдителен в поведении и первый взлетает в тревожный миг, извещая семью об опасности довольно громким гоготанием, напоминающим хохот. Самец не только взлетает первым, но и старается отвести от выводка, что не редко ему и удается.

Охотясь на стайных птиц, мы сплошь и рядом обольщаемся большой площадью мишени, какую представляет собой кучно взлетевший выводок. В этом случае наш дробовой заряд, как правило, ухитряется пройти, минуя всех птиц, составляющих общую площадь мишени. Закон порядочных стрелков неприменим: стрелять, выцеливая одну птицу в стае. Уместно напомнить об этом, говоря о куропатках: весь выводок или стайка взлетают дружно, плотно, броском вверх, что является испытанием для нервов охотника. Полет белой куропатки сходен с полетом серой и рябчика, что и характерно для равноокруглых крыльев этих птиц. Они делают малозаметные взмахи и чередуют частые движения концами крыльев с полетом на неподвижных крыльях, когда птица плывет по воздуху на неподвижных крыльях, лоцит, как говорят в народе. Летят белые куропатки чуть медленнее серых.

Утром и перед вечером белых куропаток следует искать дальше от опушек и границ болот, они находятся в глубине, на ягодных местах. Днем целесообразно проверять теневые места, куда и переходят птицы.

Работа спаниеля по белой куропатке не так уж сложна, если он достаточно поставлен, имеет грамотный поиск и не допускает угонок. Но нужно учесть то, что предлагает природа и что есть непредвиденность, если нет опыта. Дело в том, что, работая на моховой подушке болот, спаниель быстро устает, поскольку он не высок на ногах. Не забывайте об этом. Впрочем, вам о том напомнит и ваша личная усталость от ходьбы по мягкой, податливой под ногами сырой поверхности моховых болот.

Фазаны – мечта спаниелиста

Фантастическая это птица и роскошный по красоте охотничий трофей – фазан из семейства фазановых, отряд куриных. Для элитных охот разводится и выращивается в вольерах и фазанариях. В диком состоянии живет в устьях Волги и на Кавказе. Основное летнее местопребывание фазанов – речные густо заросшие берега, прибрежные тальниковые и камышовые заросли. Любят они места, богатые ежевикой, облепихой, шиповником и диким виноградом. Этими ягодами фазаны питаются. И всегда держатся возле воды. В августе держатся на созревших хлебных полях. Ночуют в плотных кустах и на деревьях недалеко от пашен. Держатся выводками. Перемещаются предпочтительно ногами, бегом, летают лишь в крайнем случае и недалеко. Бегают же очень быстро, иногда даже помогая себе крыльями, отталкиваясь ими от земли. От опасности уходят так стремительно, что и собаке их настигнуть непросто, особенно в зарослях, куда они и скрываются. Старые самцы почти всегда спасаются бегством, они бегут, подняв вертикально хвост. Самка взлетает, но от выводка не отводит и улетает первая, молча. Обычно же, когда она без выводка, поднимается с тихим побряхтыванием. Самцы, взлетая, кричат, «когочут». Взлет фазанов вертикальный, с сильным хлопаньем крыльев. Затем они летят по прямой, довольно медленно.

Поскольку фазаны находятся в местах, неудобных для ходьбы и трудных для стрельбы (заросли, колючки, чаща), то охота на них не так уж проста и добычлива. На фазана нужна собака с быстрым поиском, энергичной подводкой, иначе фазан будет убегать от нее в чащу, оставляя охотника без выстрела. Спаниель для этого особенно подходит, но он должен быть хорошо одет, защищен от колючек и поставлен надежно, так как фазан очень горячит собаку, провоцирует на угонку своим убеганием на ее глазах и шумным вертикальным взлетом. Молодые фазаны, поднятые на крыло и залетевшие в чащу, поскорее садятся на деревья, которые погуще. Садятся эти птицы всегда в разбивку, поодиночке на разные деревья и сидят крепко. От собаки тут требуется работа с голосом. Если преследующий фазанов спаниель их облаивает на деревьях, создается возможность для охоты с подхода.

Признаюсь, сам я на фазанов не охотился и в фазаньих местах не бывал. Пишу же о них, пользуясь литературой и подробными рассказами в письмах моего друга, Леонида Васильевича Харченко, жившего в Новочеркасске и много охотившегося на фазанов со спаниелями, страстным приверженцем которых он был. О таких, как Харченко, нам, спаниелистам, надо знать и говорить особо. Мы познакомились благодаря очерку «Ажик-Минор», опубликованному мной в альманахе «Охотничьи просторы» в 1979 году. Прочитав очерк, он узнал в редакции альманаха адрес автора и написал мне. В общем, знакомство у него со мной произошло тем же путем, что и у меня с Н. А. Валовым. Мы стали переписываться и в переписке подружились. Не имея в Новочеркасске никакой кинологической поддержки, как и я в свое время в Нижнем Тагиле, он нашел ее во мне, как я нашел ранее мощную кинологическую и глубоко личную поддержку в Николае Валове. Ситуация и процесс повторились один к одному. Он не был знаком с Валовым, знал и ценил его лишь по публикациям и моим характеристикам, но, потрясенный его трагической гибелью, приехал в Москву, был на его похоронах. По моей рекомендации он взял валовских осиротевших собак. Ему необходимо было самому становиться экспертом по породам и испытаниям спаниелей, чтобы начать организованную и грамотную племенную работу со спаниелями в Новочеркасске. С этой целью Харченко приезжал на Урал (близко ли из Ростовской области!). Он стажировался на ринге спаниелей Свердловской областной выставки, имеющей статус республиканской, с открытым чемпионатом, стажировался у меня на полевых испытаниях. Сделав через некоторое время необходимые стажерские отчеты, он прислал их мне на рецензию. Почта в то время работала медленно, хотя это уже ничего не меняло. Обратная бандероль с его отчетами, рецензиями на них и рекомендацией пришла в Новочеркасск – в день его похорон. Полный сил, он умер, едва перешагнув за 50 лет. Как сообщила мне его мать, стажерские отчеты Леонида Васильевича, рецензии на них и рекомендацию ему для присвоения звания эксперта второй категории положили... в его гроб. Есть в мире вещи в тонких слоях, не подлежащие измерению по ясностям трехмерного пространства.

В лесу со спаниелем и ружьем

Об охоте со спаниелем в лесу особый разговор. Совершенно иная дичь, и спаниель не все время у вас на глазах, и потоки воздуха, несущие информацию для чутья, ведут себя среди леса иначе. Тьма охотников, особенно в провинции, едва подросший щенок начнет что-то сообщать, берут его в лес в надежде не остаться без дичи. Настоятельно бы советовал не делать этого до достижения спаниелем двухлетнего возраста, о чем уже и говорилось выше. Начните с общей подготовки и с натаски по болотной или хотя бы по полевой дичи, если таковая есть в пределах досягаемости. Конечно, это большой труд, требующий и системы, и программы, и своей методики, а пуще всего – упорства и воли с вашей стороны. Не проще ли сразу в лес, а там пусть

спаниель сам разбирается, на то у него и чутье, и собака он охотничья! Ну вольному воля. Пусть спешат, а мы не будем.

Спешить начинают обычно с весны там, где разрешено иметь на весенней тяге вальдшнепов собаку для осуществления подачи, розыска подранков. Есть, конечно, общие, предписанные правилами охоты нормы и рационально допустимые подстраховки. С этой точки зрения наличие апортирующей собаки на тяге рационально. Но в мокром обычно весеннем лесу, часто еще с остатками снега в период тяги, держать возле себя полтора-два часа собаку без движения – не жалко ее? Да и клещи в изобилии. В прежние годы и я брал собаку на тягу, если была без холодной мокроты весна, пока не проникся таинством своего глубоко личного пребывания на тяге. Конечно, это кому-то покажется странным, но для меня тяга вальдшнепов – дело интимное. Вечерний предзакатный лес. Концерты певчих дроздов на фоне вселенской тишины в лесу, чувство весны и таинственное, всегда таинственное ожидание сгущающихся сумерек с хорканьем над лесом налетающего вальдшнепа. Собака, даже самая любимая, здесь лишняя хотя бы тем, что на нее нужно обращать внимание, ею руководить. А найти упавшего вальдшнепа, если будет таковой, я смогу и сам. Стреляйте нормально, не делайте подранков – и впечатление о тяге не будет омрачено.

Но осенняя охота на вальдшнепа со спаниелем – это элитарно, кто понимает, это – классика!

Вальдшнеп – птица подсемейства бекасовых, подотряд куликов, отряд ржанковых. В лесах он такой единственный, и для лесов его можно было бы назвать чужестранцем, если бы они не являлись его родиной. Он перелетная птица. В России на север доходит до шестидесяти четвертого градуса северной широты, на юг – до зоны лесостепей. Держится преимущественно в сырых смешанных и лиственных лесах, избегает чисто хвойных.

Охота на вальдшнепа носит исключительно любительский характер, из всей боровой дичи он один не принадлежит к числу промысловых птиц. Вальдшнепиные выводки находятся чаще в высоких сухих лесах без травы с хвойным подлеском. Такие места встречаются и на вырубках с торчащими пнями и пучками осочной травы возле них и с уцелевшими молодыми деревьями; хвойный низкий подсад у подножья таких деревьев необходим. Специальными летними поселениями вальдшнепа бывают плотные поросли хвойного молодняка.

Позже вальдшнеп держится в кормовых лиственных смешанных влажных опушках, на сухих пригорках с лиственным молодняком и подсадом ельника с можжевелевыми кустами среди крупного леса.

Вальдшнепиные наброды коротки, умещаются на нескольких десятках квадратных метрах. От опасности он не бежит, затаивается, прижавшись к земле. Его можно бы близко увидеть, лежащего порой на открытом месте, если бы не изумительная защитная окраска, позволяющая ему слиться практически с любой поверхностью лесной почвы. Птица ночная и сумеречная, днем вальдшнеп преимущественно неподвижен, поднять его без чутливой собаки – дело редкого случая. Его взлет настолько, кажется, продуман самой

природой, что, поднятый «самотопом», он обычно уходит без выстрела. Взлет резкий, витиеватый, уже на самом взлете вальдшнеп прячется, используя все возможное и уж, конечно, ближайшие деревья, поднимается вначале вверх, как подброшенный, и потом только переходит на горизонтальный полет. Какая-то доля секунды «зависания» в момент перехода от взмывания вверх к горизонтальному полету есть удобный миг для выстрела, этот миг надо уметь поймать. Но, разумеется, не всегда все так. Уходит вальдшнеп и низом, прикрываясь низкой порослью, подлеском. Непредсказуем характер его взлета, и все-таки местность отчасти подскажет, как он может взлететь, к чему готовиться.

С первыми осенними утренниками, обычно с середины сентября вальдшнепы собираются на юг, летят ночами, днем отдыхают, в сумерках кормятся. Места отдыха избираются те, какие характерны для их обитания до отлета. В таких местах пролетный вальдшнеп порою скапливается так, что дал основание для возникновения на охотничьем языке слова «высыпка». Его как будто высыпала природа в немалом количестве на нескольких десятках квадратных метров кормовой и удобной для отдыха лесной площади. Попасть по времени и месту на высыпку – мечта охотника с подружейной собакой. Конечно, не нужно думать, что это нечто вроде утиных пролетов, когда птицы летят сотнями, тысячами. Вальдшнеп не массовая, а штучная птица. 5-6 птиц в одном месте в пределах чутья собаки – уже высыпка. Взлетают вальдшнепы тоже «штучно» не все одновременно. Мастерство спаниеля проявится на редкость, если он сумеет поднять каждую птицу отдельно, а не всех сразу разогнать, ворвавшись в высыпку и обезумев от запахов и взлетов. Охота на высыпках требует искусной собаки и искусной быстрой стрельбы. Но и вообще-то с высыпками как уж повезет, если не живешь в деревне в пору пролета вальдшнепов: как их предусмотреть, не пропустишь.

Есть особая охота со спаниелем на вальдшнепа «в капель». Вальдшнеп не любит продолжительного ненастья в лесу, когда мелкий «бус» стоит над лесом, от чего на ветвях деревьев формируются крупные нависающие капли: срываясь с ветвей, они с шумом падают на землю. Это нервирует вальдшнепов, они не любят эти капли над своей головой, срывающиеся на них, и из крепких ветвистых мест выходят на места открытые, где сверху на них не падают тяжелые холодные капли.

В таких местах намокший вальдшнеп сидит смирно, крепко, из-под собаки взлетает почти вплотную, летит медленно. Стрельба по нему легка. Охота эта коротка, и попасть в такие погодные условия да еще и в вальдшнепиные места – часто ли выдастся возможность? Мне однажды это удалось. Спаниель сработал правильно, я сделал два удачных выстрела, но больше стрелять не стал, отозвал собаку. Очень уж не вязались резкие выстрелы с абсолютной тишиной осеннего промокшего насквозь леса, с капелью и вальдшнепами, нашедшими в эту нелегкую для них пору приют под открытым небом. Я отозвал собаку и вошел в лес. Трофеи мои (два вальдшнепа «в капель»!) не стали менее дороги. Но не на все поднимается беспредельно ружье. Охотоведы как-то называли меня «экологически чистым охотником». Аттестация, пожалуй,

делает честь. Я и на весенней тяге ограничиваюсь одним-двумя точными выстрелами: мне нужна тяга, а не количество трофеев.

В лесу редко бывает запланированная целенаправленность: вот пошел на вальдшнепов, а вот – за тетеревами. В летне-осенний сезон охоты, как правило, хотя предпочтительные и характерные места обитания у каждого из видов боровой дичи все-таки свои. Эти места обычно соседствуют друг с другом, и ты переходишь из одного из них в другое. И хорошо, если по характеру леса знаешь, какую дичь в нем вероятнее найти. Только охота на рябчика с манком (с «пищиком», как говорят) планируется, если время и погода подходящие, и собаку тогда не берут. Крайне редко найдется спаниель, способный, не шелохнувшись, выдержать ваши пересвисты с рябчиком и его довольно шумное для слуха собаки приближение к вам. Не всегда же он сразу летит от точки А, где находился, когда услышал ваш свист, до точки Б, где стоите вы с собакой. К тому же рябчик нередко идет на свист пешком, при этом шуршит сухой хвоей и осенним листом. Так, что и вам слышно. Он не полетит и не пойдет к вам, слыша движения собаки, а то и поскуливания ее: она реагирует на рябчика, а надо бедной сидеть по вашему приказанию намертво.

Лес полон неожиданностей, а уж с собакой чутливой особенно. О них она и предупреждает, превращая неожиданное в возможный результат. Поздние сроки открытия охоты на боровую дичь делают исключительностью возможность найти неразбившийся выводок тетеревов или глухарей. В середине сентября молодые птицы созревают для самостоятельного образа жизни, хотя и держатся поблизости друг от друга. Они осторожны и строги по отношению ко всему, что для них представляет опасность. И все-таки тетерева еще предпочитают затаиваться на «полу», но не взлетать при первом же шуме, идущем в их сторону, а глухари убегают. Бывает, что без собаки пройдешь по довольно дичному месту, и ничего не взлетит, себя не обнаружит. Мне не однажды приходилось «поправлять» результаты учета дичи егерями. Я брал с собой охотоведа и проходил со спаниелем, знающим свое дело в лесу, по тем участкам охотхозяйства, которые были показаны в маршрутных листах учета дичи как пустые. Пустыми они не оказывались. И наоборот, там, где на бумаге значилась дичь, ее не было.

Тетерева, глухари, рябчики – все они из семейства тетеревиных, рода куриных птиц. В лесу они соседствуют, если позволяют угодья, но не общаются. Все они верны месту своего проживания, и если это рябчики, то верны ему только что не с точностью до отдельных групп деревьев, а если глухари, то – до конкретных, строго определенных участков леса. И лишь тетерева более широки в своих передвижениях.

Самый уединенный и «закрытый» из них глухарь, хотя название свое получил он вовсе не из-за пребывания преимущественно в глухих местах. Любит и он побывать на покосных елянях (полянах), в светлых сосновых борах, в кромках моховых болот на ягодниках, на дорожках и просеках. Но основная среда его обитания – это большие массивы хвойных лесов, что и

отличает его от тетерева обыкновенного, нуждающегося в березовых рощах, в смешанных лесах с преобладанием березы.

В прошлые времена была в лесу прекрасная охота с легавой по выводкам. Была и кончилась, перейдя в разряд случайных охот по принципу «если очень повезет». Легавые в лесу практически остались без работы. Причины тому три, и они должны учитываться нами при выборе собаки. Первая – значительное сокращение дичи в большинстве охотничьих угодий. Вторая – так называемый фактор беспокойства. Массовый выход населения в леса за грибами и ягодами, засилие лесов дачными и садовыми участками не оставляют дичь в покое, отчего и без того ее редкие выводки не просто распадаются, а и гибнут в немалой своей части. Третья причина – поздние сроки охоты, когда ставшая строгой боровая дичь уже не выдерживает стойки собаки и при довольно широком поиске большинства легавых взлетает за пределами надежного выстрела. В этих условиях в охоте на боровую дичь предпочтение имеет смысл отдать спаниелю. При нешироком в сравнении с легавыми поиске, хорошем чутье, энергичной потяжке и быстрой подводке спаниель если и не побалует вас неразбившимися выводками, то даст возможность поднять ружье по взлетевшим на расстоянии хорошего выстрела одиночным птицам.

Если говорить о глухарях, стрелять приходится в начале сезона обычно молодых птиц. Старые встречаются редко: линия, они забиваются в такую чашу, где и ходить-то трудно. Но там, где нет плотных ельников, глухого хвойного подлеска, густых приболотных кустарников и лесных завалов, глухарь, настигнутый и поднятый собакой, все-таки попадает под выстрел.

Очень зрелищна и эффектна работа спаниеля по глухарю в травянистых или папоротниковых светлых рощах. По опушкам вдоль покосов, в мшистых борах с наличием осины и лиственницы. Как уже говорилось, глухари любят побывать на открытых местах. Добавим лишь, что эта их любовь к полянам, просветам в лесу, где есть трава и солнце, является для глухарей потребностью. Бывает, выходят они из леса на поляны в затяжной дождь, в непогоде с колючим полудождем-полуснегом. Не доверяя шумному от пронизывающей мокроты лесу, они оказываются не на опушках, а посередине покосов, полян. Но как норма глухарю нужны большие затененность и влажность с мягким покровом земли и обязательное наличие больших площадей высокоствольного леса, преимущественно соснового. Взматеревшие глухари держатся в моховых болотах с сосновым редколесьем, с упругим ковром богульника, с наличием ягодников. Хороший обзор в таких местах делает охоту волнующей, но ходьбу нелегкой: глухарь не стремится взлететь от приближающейся собаки и быстрым ходом ведет ее не одну сотню метров. А вам надо находиться от него на расстоянии надежного выстрела, что тем более не просто, если учесть способность глухаря удивительно контролировать ваше продвижение за ним: он взлетит в самый неудачный для стрельбы миг, подаренный вами ему какой-нибудь вашей ошибкой. И миг этот выберет он обязательно с учетом местности и, разумеется, не только в моховых болотах.

Моя Лада однажды вела по убегающему глухарю почти километр. Она попала на его наброды у дороги возле порхалища, где птица купалась в мелкой песочной пыли, как это умеют только птицы, вбрасывая себе под перья им понятные и необходимые микроэлементы земной поверхности. Мы застали глухаря за этим гигиеническим занятием. Заслышав нас, он заблаговременно ушел в лес. Лада подрезала след и сразу повела. Сдерживая собаку командой «тише!», я почти бежал за спаниелем, не отпуская Ладу дальше 10-12 метров от себя. Что идем по следу глухаря, я это понял не только потому, что видел на порхалище его перо: так настойчиво уходить пешком, имея крылья, способен только глухарь. Волнение, страсть, хладнокровие в этих случаях, вероятно, и есть то, что отличает охотника от остальных людей. Миновали высокоствольный сосновый бор, неплотный ельник, пересекли визирку, еще многое. Я чувствовал, знал, что глухарь еще не взлетит, что от нас он на расстоянии недалекого выстрела, но он еще не взлетит, не то место, он хорошо владеет собой, этот глухарь.

Наконец, впереди высокоствольный, светлый березняк с неплотным папоротниковым низом. Березы мысом выходят на большую покосную поляну. Вот сейчас он взлетит! Уверенный, что глухарь, дойдя до кромки березняка полетит через поляну, я двинулся вправо, чтобы раньше глухаря оказаться на поляне и стрелять его на открытом месте. Лада осталась на следу, не сдерживаемая мною, поднажала, и я услышал взлет уходящего от меня налево через березняк глухаря. Оставшись в дураках даже в глазах Лады, я признал превосходство птицы каменного века над современным мышлением чужого для таинств леса существа, каковым я все-таки как человек и являюсь. Но отсутствие результата, как известно, тоже результат, хотя мне и очень хотелось в досаде поудариться лбом о березы. Представьте, как бы я был чист от пережитого, не будь со мной чутыистого и поставленного, управляемого согласно задаче спаниеля.

Есть особенно тонкая на мой взгляд, глухарина охота – на лиственницах и осинах. Ее знают люди, хорошо знакомые с лесом и умеющие бесшумно и собранно ходить по нему в нужных местах в нужную пору непоздней осени. Можно охотиться и без собаки, но лучше с ней и, конечно, с лайкой. Однако, можно (не удивляйтесь!) и со спаниелем. По времени эта охота, по календарю – во второй половине сентября до начала октября, когда «закисает», но еще крепко держится на дереве начинающая желтеть лиственничная хвоя и то же происходит с листвой осины. Осиновым листом глухари начинают питаться раньше, иногда в августе, причем, пример в этом показывают молодые, уже окрепшие. К ним присоединяются глухарки. Старые глухари появляются на осинах позже. Как и всякая жировка, все это происходит на зорях еще в темноте утром (глухари любят начинать жизнь в темноте), затем перерыв часов до шестнадцати и снова – до полных сумерек. Охоту эту знают в северо-восточной России, на среднем и северном Урале, в Сибири.

Я если и держал лаек, то зверовых, а охоту по глухарям на лиственнице (не осине, почему-то) очень любил, люблю и ценю ее высоко. Лаек по птице, естественно, не использовал и охотился скрадом, издали осматривая

кормовую листовку (так их называют на Урале, в Сибири) и, заметив на ней глухаря, подходил. Скрадывал. Сам процесс скрадывания – это ни с чем не сравнимое состояние нервной системы, собранное до предела состояние, контроль каждого сантиметра своих движений и безошибочное нащупывание глазами тех участков земли, куда можно бесшумно поставить ногу; это волнение сердца и полное самообладание, помноженное на терпение. Это – мастерство, если хотите, и что-то от зверя в тебе. И это совсем не то, что подход к глухарю на весеннем току. К тому же стрельба глухарей токующих – это, по моему убеждению, не совсем хорошо. За всю охотничью жизнь я убил их на току лишь трех и понял, что убивать токующего великана слишком уж легко и – не надо. А вот пережить состояние подхода к токующему глухарю – не легко: под его песню идешь, как на штык, и пойдешь, если даже знаешь, что ждет тебя гибель. Правда, пойдешь, и виной тому власть песни глухаря. Впоследствии, после первых опытов тока, когда ты под деревом, над тобой глухарь – мишень громадная, хотя в сумерках кажется удивительно небольшой – не было желания поднимать ружье. Да, при случае я не упускал возможности быть на току, подходил, испытывал всю глубину предрассветной гармонии весны, тока и леса, но – не стрелял.

Спаниель Ажик-Минор научил меня с его помощью охотиться на глухарей, вылетающих на «закисающую» листовку. В этой охоте у собаки (лайки) три функции: найти кормящегося на дереве глухаря, обляять его и отвлечь внимание на себя, давая этим охотнику возможность подойти на выстрел. Глухарь на листовке не теряет осторожности, хотя, когда идешь не за глухарем и без собаки, нередко бывает так, что он срывается с кроны того дерева, под которым ты проходишь, и всегда уходит без выстрела, прикрытый ветвями над твоей головой. Если же идешь со спаниелем, то надо верить его реакциям на лес, видеть их: хорошая собака весь лес в пределах поиска держит на чутье. Ажик-Минор, находясь в поиске и проходя под кормовым деревом, причуивал посоры глухаря, его поедь и начинал работать на этих запахах, оставаясь только под тем деревом, где сидела и кормилась птица. К тому же он ее слышал. Глухарь не неподвижен в таких случаях, он видит собаку, она мешает ему, он недоволен. Как только я понял по одному слету глухаря над головой Ажика (поскольку продолжал идти, не таясь, за собакой), чем она занимается, находясь под листовкой, поисковая цепь замкнулась. Открылся еще один способ охоты со спаниелем, никем не описанный. К тому же, этот способ не требует специальной натаски, скорее наоборот: спаниель натаскает вас. Будьте лишь внимательны и сообразительны, не поленитесь поднять голову и осмотреть дерево, под которым работает спаниель.

Охота на тетерева со спаниелем, пожалуй, особенно спортивна из всех охот по боровой. Она не требует строгого следопытства и там, где тетерев распространен, допускает обойтись легкой охотой «на околице», по опушкам недалеких светлых лесов возле полей. Известно, что одно из местных, диалектных названий тетерева: поляш – по отношению к полям, которые «поляши» почитают и как кормовую базу, и как хорошее место под солнцем.

Иметь лесные места на примете, где возможны тетерева, для борового охотника со спаниелем – первое дело. Тетеревам нужны смешанные не сплошные леса с перелесками, вырубками, травянистыми полянами с высоким покоем кипрея, с ковром цветов Иван-чая, таволги вязолистой. Мелколесье и кустарники хороши для тетеревов при наличии высокоствольных деревьев. Они для них и защита, и кормовая база (почки березы), и спокойно побыть на высоте.

Все, кто знает этих птиц, заметили, что дважды сезонно они нуждаются друг в друге массово: весной на токах и поздней осенью, когда табуняются да так и зимуют. В целом птица более коллективная, чем одиночная, хотя с появлением выводков до их распада тетерева, как все куриные, птицы семейные.

Наше время со спаниелем – когда выводки на крыле, но не распались и пока птицы не стабунились и не поднялись на березы. С выводками понятно: в принципе то же, что с глухаринными выводками, только места менее хвойные, но более светлые: кромки вырубов, окраины полей, болот не топких, смешанные леса с липовым подростом, с кустарниками, с семенной травой. Охота на зорях в кормовые часы. Днем молодые и старые тетерева укрываются в высоких травах, на захламленных вырубках с островками чистых укромных мест. От края вырубов птицы уходят на середину, находятся среди пней, корневищ, выворотней, возле сохранившихся высоких деревьев.

Линяющие тетерева забиваются в крепь, найти их без собаки можно лишь случайно, если не знаешь точно, где они, что и случается крайне редко, тем более для не местного охотника. Птицы предпочитают затаиваться, а не уходить, и если уже не в выводках, то когда и взлетают, так не на коротком выстреле.

От спаниеля требуется, конечно, чутье, уравновешенность на потяжке, но более всего на всех этапах процесса – контакт с охотником, послушание. И от охотника, и от собаки требуются крепкие ноги, умение двигаться в лесу. Слаженная работа спаниеля и охотника, точный выход собаки на птицу, стремительная подводка, сильный взлет почти вылинявшего черныша, верный выстрел по нему и – чистая подача как итог лесной сказки наяву. Почему сказки? Потому что дожили мы до парадокса: для многих охотничьих угодий тетерев стал более редок, чем глухарь. И только спаниель может сказать, что, оказывается, он еще есть там, где давно уже так не считают. Правда, от жилых мест, от деревень и интенсивно посещаемых полей и лесов он отселился. Разумеется, есть территории и районы, где тетерев не только не редок, но значительно распространен. Мне незнакомы они.

Мой первый опыт добычи тетеревов с помощью спаниеля, вернее сказать, именно благодаря спаниелю, был для меня самого открытием. Моя первая классная собака Лада-1236/с (об ее натаске и работе по болотной дичи уже шла речь) не знала боровой дичи до третьего года жизни. Я не брал ее в бор. О том, что она работница, слух распространился быстро, и вот мы с ней приглашены в неведомые мне места, где сохранились выводки тетеревов. Ехать на мотоциклах. Иному транспорту тех времен дорога туда была недоступна. В

назначенное время пригласивший меня на место встречи не явился. Сколько раз за годы охоты я упирался всей своей обескураженностью в необязательность людей, прежде чем научился не обольщаться никакими приглашениями. Прождав на окраине города с предрасветного часа до восхода солнца, я развернул свой «Урал» и поехал в места, известные мне по заячьим охотам. По крайней мере, дорога туда не тяжела. Да и места грибные, а пора грибов в разгаре. Со мной в мотоцикле, кроме собаки, жена и ее родственница. Груз ответственный. О настроении этих женщин лучше помолчим: там, куда собирались ехать с проводником, им были обещаны отменные малинники. Оставалось обещанное компенсировать отменными грибами.

Когда приехали, утро было позади. Оставив мотоцикл в деревне, направились в лес; ружье с собой взял только потому, что это ружье – оставлять его где-то не годится. Пернатой дичи, как мне было известно от местных знатоков, здесь нет.

Километра за два от деревни на покосной поляне у стога сена устроились перекусить. Лада обследовала покос, заволновалась, проигнорировала предложенную еду, бросилась в лес. Я вернул ее и, как оказалось, отозвал от следа. Вид собаки, ее состояние все-таки заставили мое тугоумие прозреть. Попросив своих дам не покидать покос, я доверился Ладе. Было ясно, что она заинтересована не заячьим следом, который будет ей впредь запрещен. Посадил собаку, одобрил и дал ключ ей в руки: команду «Вперед!». Пошла узким челноком, встала на след, повела. «Тише!». Это указание она знает. Пошла, оставаясь под ружьем на коротком выстреле. Но все-таки приходится за ней почти бежать: отстанешь, значит не увидишь, кого она преследует. Признаться, я решил, что – глухаря, так как рябчики давно бы уж вспорхнули, а тетеревов, как мне сказали, здесь нет. Глухарь же более устойчивый отшельник, и место самое его.

Вошли в высокоствольный ельник без подлеска, на краю его я посадил собаку командой почти шепотом, ее накал начинал передаваться мне, оба волнуемся и оба не знаем, что впереди. Я все-таки контролирую лес и местность, а прошли мы метров 300-350. Впереди плотный березняк, по бокам ельник. Место не прострельное. Вновь усаживаю собаку и жду около минуты, находясь рядом с ней. – «Вперед, тише!». Это совсем шепотом. По-моему, она уже все поняла. Медленно, почти под стволами ружья прошла березняк, за ним – небольшой просвет. Она бросилась туда в короткой подводке. Шумный взлет выводка тетеревов был ее триумфом. Птицы взлетели все разом, кучно, как подброшенные, поданные собакой под классический выстрел. В такое я не промахиваюсь, и, едва поднявшись «свечой» вверх, тетерев-косач упал тяжелым комом. На дуплет меня не хватило, слишком был велик эффект состоявшегося. Вот оно, оказывается, как бывает, когда с хорошей собакой в лесу.

Оставшаяся часть дня была посвящена страховке увлекшихся грибами спутниц, тем более, что такую роскошь я мог себе позволить, так как Лада была спокойна и тоже страховала их. Надо признаться, что не люблю я ходить

в лес с кем-то: все боюсь, как бы не потерять. Или, если уж пошли, то от меня – никуда. А тут попробуй удержи возле себя ошалевших от грибного моря женщин...

Вечером был дождь. Мы возвращались по покосным дорогам к деревне. Лада шла рядом. Вдруг она приподняла голову, индикатор-хвост заработал, она сошла с дорожки. «Сидеть!». Села. Снимаю грузеный грибами рюкзак, прошу дам не сходить с места и – «Вперед!». Теперь верю Ладе больше, чем себе. «Тише», скорее прошу, чем командую. Лес такой плотный, что о стрельбе влет нечего и думать, разве только что «на шум», чего я никогда не делаю. Лада ведет среди каких-то загнивающих берез, через захламленный старый выруб, ведет горячо, как будто хочет успеть все сделать, пока не стемнело. Прошли метров 200, подъема все нет. Я уже почти бегу за собакой, а под ногой совсем не беговая дорожка. Вернее, не дорожка совсем. Где север? Где юг? Не до этого. Лишь бы не отстать. Уже не командую. Развязка близка, собака знает лучше. Пересекли стеной стоящий березняк. Лада сдерживает себя, давая мне быть возле нее. Она в двух метрах и – контролирует обстановку. А ведь идет дождь, мешает. Впереди опять выруб, просвет – маленький, но просвет. Перед вырубом останавливаюсь и – вот она, вера в собаку! – готовлюсь к выстрелу. Лада пулей рванулась на чистое место и подняла из пней на вырубке трех старых тетеревов. Выстрел. Один осел и упал тут же. А ведь не будь со мной спаниеля, я, как и все местные охотники в деревне, где ждал меня мотоцикл, считал бы, что, кроме зайцев, здесь дичи нет.

В последующие свои охоты, как и в первый выход на боровую дичь, сразу столь продуктивный, Лада всегда работала без промаха и мягко. Основное правило охоты в не «парковых» лесах у нас сводилось к тому, что спаниель в плотных участках угодий должен находиться в потяжке буквально под самым ружьем – и лишь в единственно нужный момент сделать безошибочный бросок. Тетерева, особенно еще держащиеся выводком, стараются не взлетать, не обнаруживать себя, а убегают и затаиваются. А если непогода, дождь, то так же ведут себя и старые косачи.

Тетерева как трофеи всегда делают честь охотнику. Однажды я был приглашен на утиную охоту в один из северных районов на так называемые разрезы, окруженные моховыми сухими болотами среди бескрайних лесов. Оказавшись в этом царстве неведомого, я решил сразу: зачем мне утки? Тут должны быть прекрасные тетерева. Чтобы не обижать гостеприимно пригласивших меня людей, я сказал, что хочу проверить во мшистых угодьях собаку, и туда отправился. Было туманное прохладное утро, тишина. На разрезах-озерках в этой тишине стреляли особенно хлестко. Мы с Ажик-Минором не прошли и ста метров от кромки леса по затянувшейся багульником сухой поверхности обширного болота, как спаниель потянул, заставив меня сменить направление намеченного движения, и с хода поднял верхним чутьем веером разлетевшийся выводок. Три мгновенных прицельных выстрела из полуавтомата МЦ-21-12, и три косача рухнули в багульник: первый почти рядом, второй чуть подальше, третий метров за 35. Ажик тотчас

нашел всех, но не подал ни одного: он не брал в зубы ничего, что крупнее вальдшнепа, с чем я смирился, ибо сам был в том виноват.

Но такой классный триплет нелегко пережить без последствий: он переполнил меня, и больше я не хотел и не стал стрелять. Свершившееся явилось подарком, какой не забывается. Тот день был днем моего рождения (правда, в буквальном смысле).

Характеры и личности

Хочешь достойно понять собаку, пойми волка. Это касается даже карликовых пород. Метод понимания – естественный подход. Сверхъестественная наука не признает: есть не необъяснимое, а не объясненное в природе.

Человек и собака живут в разных пространственно-временных мирах. Эту разность нетрудно понять, но трудно о ней постоянно помнить. Перетащить собаку в свой мир нам все равно не удастся. Испортить, поломать психику собаки, здоровье ее удастся, если угодно, не более того. Она все равно останется собакой, даже если искалечена «перетаскиванием». Зоопсихологи могут дать нам лишь один совет: постарайтесь шагнуть в мир собаки, не травмируя его.

Все живое наделено адаптивными реакциями, и все они имеют значение для выживания. Почему именно волк? С собакой он в одном семействе псовых. Собака – производное от него. Волк обладает уникальным умением приспосабливаться, и этим защищен природой от неприроды. Мы, начитанные люди, слишком впечатлительно сохранили представление о волке из рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни». Пора бы от этих представлений освободиться. Помните, как умирающий от голода и обессилевший человек победил волка, находившегося в таком же положении. Молодец какой, если жизнь любишь! Волк лизал лицо лежащему навзничь человеку, подбираясь к его горлу, чем и привел того в чувство. Человек мобилизовался, очнувшись, и – сам вонзил свои зубы волку в горло. Горло прокусил, струйка крови волчьей полилась в гортань человеку, сила к нему вернулась, ну и любовь к жизни победила.

Это какую же, простите, пасть надо было иметь человеческому существу, с какими зубами, чтобы забрать в рот шкуру волка под его горлом (подбрудок, называется)? Горло волка как раз защищено в этом месте. Прокусить эту толщу и горло прокусить – не для челюсти и зуба человека. Д. Лондон вольно обращался с сюжетами, иногда даже покупал их, а мало ли что продадут.

Если под словом «ум» псовых понимать способность существовать в среде обитания, то каждой собаке, всегда впервые живущей среди нас, он нужен там, где нам давно не требуется. Мой спаниель Гервиг-Минор в деревенском нашем с ним доме-даче открывал изнутри толстенную и тяжеленную входную дверь, какие и бывают в столетних уральских домах, так. Он разбежался, затем в каким-то образом точно рассчитанной им точке задними конечностями отталкивался от пола, а передними всей тяжестью своего веса и силой инерции ударял в дверь. Всегда плотно притертая к дверной коробке, она открывалась наотмашь, и Гервиг в своем прыжке опускался на пол уже в сенях. Интересно, что его тело в момент толчка всегда находилось под углом в 45 градусов по отношению к полу, что позволяло ему максимально использовать силу отталкивания задними конечностями от пола. Естественно, что никто его

этому не учил. Разве не ум? Эту же дверь с трудом открывали дети и женщины. «Очень жаль, – пишет зоопсихолог Леон Ф. Уитни, – что собак выводят ради послушания и специализации, а не ради высокого интеллекта». Но, думаю, что высокий интеллект, если он в вашей собаке есть, специализации и послушанию не препятствует.

Собака живет главным образом во власти эмоций. Мыслительная же ее деятельность трактуется нами в свете лишь нашего понимания. Живя среди нас, разделяя наш образ жизни в той или иной степени и по-своему принимая нас в свой мир, она хочет проникнуть и в мир наш, участвовать в нем. И это проявляется тем более выражено, чем ближе контакт ее с человеком, с тем единственным и главным, которого она, подверженная инстинкту стаи, избрала своим вожаком. Она хочет учиться и, когда в хорошем настроении, с удовольствием демонстрирует то, чему научилась в дрессировке.

Нельзя забывать, что поведение собаки никогда не бывает немотивированным. Не всегда легко понять поступок, желание собаки. Постарайтесь понять ее мотивы и, если она вам дорога и уважаема вами, как вы ей и ею, – внемлите ей. Все определяют чувства. По количеству у нас и у собаки их от природы одинаково, но по качеству!? Все знают, что слух собаки острее. тоньше, чем ее зрение (у большинства пород), но есть мнение, что собаки менее чувствительны к звукам, чем мы, хотя гамма их слышимости шире. Не знаю, но я, например, не могу отличить из квартиры на пятом этаже работу на холостом ходу двигателя моей машины от работы двигателя машины той же марки и так же правильно отрегулированного. А собака не спутает.

Ну, а если говорить о «чутье», то наши возможности обоняния ничтожны в сравнении с возможностями собаки. У нее какие-то особые «обонятельные нервы». Запах заставляет собаку действовать, причем каждый, от природы специфический, вызывает сугубо специфические реакции собаки, что особенно характерно для охотничьих пород. Уже потому собака живет в ином мире, чем мы, что поступки, совершаемые собакой, зависят от унаследованной формы реакции на запах, которым она руководствуется инстинктивно. Разница между собаками даже одной породы в этом огромна, не говоря уж о собаках несмежных пород. Обоняние – важнейшее из чувств, начиная с подсосного периода и до конца жизни собаки. Развивать эту мысль нет необходимости. Это «ум» собаки или, если угодно, энергия ума.

Все собаки эмоциональны, но в разной степени, и это породно на уровне различного соотношения процессов возбуждения и торможения, что понятно всем, хотя проявляется не всегда азбучно. Во всяком случае, вряд ли можно утверждать как конечный факт, что все русские охотничьи спаниели более возбудимы, чем все спрингеры.

Конрад Лоренц, один из создателей этологии – науки о поведении животных, писал в книге «Человек находит друга»: «Период, когда волчья собака (то есть сильная характером, способная стать вожаком Г.А.) навеки отдает свою привязанность какому-то одному человеку, наступает у нее сравнительно рано – примерно на пятом месяце жизни. Период, во время

которого такая собака выбирает себе хозяина, может миновать бесплодно, если она будет оставаться слишком долго в питомнике или по какой-то другой причине для нее не найдется подходящего хозяином. И в том и в другом случае складывается своеобразный абсолютно независимый собачий характер».

Как я полагал, последним моим спаниелем будет абсолютный во всех своих проявлениях чемпион Гервиг-Минор-3295/91. Но вот от вязки его сына и племянницы родились щенки, среди которых оказалась рыже-пегая сука, «волчья собака» по натуре. Она раньше всех выбралась из гнезда, верховодила братьями, еще сосунком вела независимый образ жизни. Ее исключительность была очевидна. Кому быть ее владельцем? Где найти достойного ее? Щенка увезли в другой город, но вопрос о судьбе его оставался открытым. Ответственность за эту малышку лежала прежде всего на мне как в немалой степени ответственном за породу, по крайней мере в своем регионе. Пришлось еще раз сойти с ума и взять «волчицу» себе. Поехав, решил: возьму, если не найду ни одного изъяна. В почти двухмесячной я увидел стопроцентную «ажиковку» по всем статьям и поведению. А ведь Ажик-Минора нет уже 25 лет (да здравствуют неплохая племенная работа и мощные гены!). Но время наше с ней было уже несколько упущено (а ведь всего два месяца!): «абсолютно независимый собачий характер» (если по К. Лоренцу) проклюнулся. Казалось бы, чего еще лучше! Однако, легче, если собака в своем характере меньше «волк». Хотя – пожалуйста, если любить остроту ощущений.

С Гервиг-Минором я натаскал ее по болотной дичи за три-четыре выхода. Она не подражала ему, но быстро поняла задачу. Но согласиться с тем, что при подъеме птицы нужно ложиться, не могла. Она считала это противоестественным. А я почему-то на этом настаивал к яростному ее несогласию.

В 1 год, 2 месяца она заработала диплом третьей степени по болотной дичи, в полтора года – диплом второй степени по боровой, в три года еще диплом второй степени по болотной. Наверное, мы на этом остановимся, в чем ее вины нет никакой, как нет ее вины в довольно скромных для ее способностей результатах. Волчицей она осталась и оказалась великолепной матерью, о чем и пойдет еще речь. Такова Дана-4335/01.

Будь она послабее характером при своей неподдаваемости нелепым, лишним, с ее точки зрения, требованиям, в дрессировке легко было переступить порог, за которым возможны неврозы, психические срывы (по крайней мере, последние намечались у меня самого иногда от отчаяния). Пожалуй, ее нервы были крепче. Исключить из дрессировки конфликты, – значит сохранить и себя, и собаку. И уж если ты пошел на конфликт, то должен быть уверен, что сие совершенно необходимо здесь и сейчас.

Непросто все между нашим и собачьим мирами и в их взаимодействии. Мы пустили в свой мир собак и предъявили к ним свои требования, но и собаки, пришедшие в него, приняли нас, и в том наша перед ними ответственность: без человека они уже не проживут, это касается даже и бездомных собак. Ну, а уж если речь у нас идет о породных, то можно достать самого выдающегося по происхождению и потенциальным возможностям щенка, но где найти

человека, которому допустимо его доверить? Пример тому – история одной злобности, или –

С чего начинался Минор

У московской полевой чемпионки Норы-1020/с Валова Н. А., имеющей 6 дипломов первой степени, родились щенки от Мира-1029/с Бушуева А. Г. Родители оба черно-пегие, все щенки тоже, кроме одного кобелька, уродившегося даже не рыже-пегим, а желто-пегим, что указано было в справке о происхождении малыша. Этот окрас надолго определил судьбу щенка, ставшую драматической до крайности. Я знал опытного, но до абсурда упрямого в своих убеждениях спаниелиста, который считал, что только щенки окрасом в мать могут нести в себе ее качества и прежде всего – качества рабочие. А что касается отца щенков, то в лучшем случае он скажется в экстерьере. На вопрос, как быть в таком случае с линейным разведением в племенной работе, ответ был один: все это гипотетически и для выставки. Слушая его, оставалось пожалеть тех, кто занимаются породами, имеющими в стандарте лишь один цвет. Догадываетесь, щенка какого цвета выбрал бы из помета Норы Валова этот опытный спаниелист?

Вот так же выбрали себе щенков все остальные претенденты на них, гордясь тем, что их мать сама Нора, обладательница шести (с ума сойти!) дипломов первой степени. На горькую участь желто-пегого выпало попасть в дом милой молодой пары; нет сомнения, что взят он был с добрыми намерениями. Для того, чтобы знать, как ведет себя щенок, взятый из гнезда и отнятый от матери, не нужно проходить специального ликбеза. Надо бы знать, как и себя вести при этом. Они не знали. Осиротевший малыш мучился, скулил потерянно, жалобно. Это мешало спать, его взяли в постель. Согревшись под мышкой у той, от кого теперь зависела его жизнь, щенок уснул. Утром им умилялись и красиво называли: Минор (составили имя из кличек отца и матери). Лужи на полу терпели недолго: их надо было вытирать, смотреть под ноги, чтобы не встать в них. Нужно ли перечислять остальное? Понятно, что ночи превратились в мучительные часы суток. Щенка взяли в постель раз – он понял, что там хорошо. Его не взяли, он стал настаивать, снова взяли. На третью ночь он уже не просился, а требовал, выл, до тех пор выл, пока его требование не было удовлетворено. А на следующую ночь выпороли. За что? Он не понял. Было хорошо и можно, и вдруг стало больно. Но хуже всего то, что, пожалев побитого, его снова взяли в постель.

Когда вытирали его лужи на полу, ему нравилось хватать тряпку зубами. Это забавляло и хозяев. Наконец, вывело из себя вначале щенка, затем и хозяев. Постепенно у Минора утратилось представление о том, что такое хорошо, а что нет. Малыш злился, повизгивание сменялось хрипловатым не устоявшимся лаем. Вскоре он стал агрессивно реагировать на любую тряпку.

Щенок рос. В кровать его больше не брали, но стоило кому-то пошевелиться, как щенок, помня о тряпке, впивался зубами во что попало – в

одеяло, простынь. Лужи на полу увеличивались, за них били (а днем не выгуливали); не понимая, за что бьют, Минор все больше ожесточался.

На лето его отправили к родственникам в деревню, а там посадили на цепь, чтобы не убежал. Со спаниельчиком играли деревенские дети, и на беду однажды кто-то из них замахнулся на него палкой. Тотчас замахнувшаяся рука оказалась в зубах собаки. Отец пострадавшего этой же палкой и ногами жестоко избил Минора, причем, через пять часов после случившегося, то есть когда пришел с работы. А Минор к этому времени забыл о своем поступке. Ненависть его к людям росла.

Когда осенью приехали за ним горе-хозяева, он был неузнаваем. А Минор их узнал, радовался. В городской квартире он уже не оставлял луж, не спал на кровати, но память об избившей его палке сохранилась, и это не замедлило сказаться. Он мирно спал под кроватью, когда делавшая уборку хозяйка задела его половой щеткой. Пес вцепился в палку щетки, яростно принялся ее грызть. Вырывая щетку, женщина ударила собаку рукой и собака повисла на ее руке. На крик жены ворвался в комнату муж, принялся пинать Минора и отступил перед его яростными бросками. От собаки решили избавиться.

Новый хозяин уже боялся Минора, наслышанный о нем. Люди хорошо постарались, чтобы у молодого кобеля, почти еще щенка, развилась чрезвычайно активная оборонительная реакция. Он был очень хорош собой, в младшей возрастной группе занял первое место. У него сменилось уже несколько владельцев, все завершали одинаково: желанием расстаться с опасным красавцем, бескомпромиссным в недоверии к людям, все больше возрастающем. Его боялись, а это не способствует установлению контактов. Последнего своего владельца из числа претендующих на него как на охотничью собаку Минор загнал на дерево за то, что он выпорол его, запрещая гнать поднятую на крыло птицу.

Минора было решено усыпить, его привели с этой целью в ветеринарную клинику. Там случайно оказалась большая любительница спаниелей Елена Антоновна Нестарова, она увела Минора из-под шприца. Ему было у нее хорошо, но натаскать и поставить она его не могла: судьба собаки как охотничьей не находила решения. И тогда Минора решил взять Н. А. Валов. Надо было проверить, врожденное ли качество его злобность или следствие поступков и действий его бывших владельцев, а скольких владельцев сменил многострадальный Минор, не будем уж считать.

Оставив Нору у матери на даче, Валов ввел Минора в дом, ставший для него окончательным. Самые радужные планы дрессировки, – рассказывал Николай Александрович, – рассыпались сразу, натолкнувшись на дикую злобность Минора. Начинать нужно было с возвращения собаке доверия к человеку. На первой же прогулке Минор, привлеченный каким-то запахом, принялся разгребать передними конечностями сугроб. – Нельзя! – и нога загородила этот запах. Мгновенно собака злобно вцепилась в унты. Толстая кожа обуви не поддалась. На холку легла хозяйская рука. Минор, извернувшись, остервенело вцепился в толстую рукавицу. А голос повторял все строже и строже: – Нельзя... Все это из рассказа самого Николая Александровича.

Кончилось тем, что Минор заскулил, упал и стал дергаться в конвульсиях. Когда он очнулся и встал, человек стоял рядом и перебирал свалывшуюся за ухом шерсть. Это было уже что-то новое: его не били и не боялись. Но он знал по опыту, что за лаской бывали и побои, поэтому на всякий случай зарычал. В дальнейшем оказалось, что команды «сидеть», «лежать» злосчастному сыну Норы ни о чем не говорят, пришлось обучение начинать с ликбеза. Из методики были исключены все формы физического давления, из внушений тоже. Поняв характер собаки, Валов не досаждал строптивцу и излишними ласками, при малейшем ворчании прекращал оглаживание.

Работа в поле велась на длинном поводке, в борьбе с угонками использовались чок-корда и строгий ошейник: острые (не сточенные для «гуманности») шипы ошейника помогали собаке усваивать уроки: при команде «сидеть!» шипы больно впивались в шею, не давая бежать за птицей. Увлеченный полем и охотой, Минор становился ласковее и доверчивее, допуская общение с ним. Столько труда потребовавшая выработка контакта собаки с человеком состоялась. Через год Минор имел два полевых диплома первой степени и ходил первым в ринге старшей возрастной группы Московской областной выставки, этот будущий абсолютный чемпион.

На пятой Всероссийской выставке при мне было сделано портретное фото Минора. Этот портрет Н. А. Валов подарил мне с такой надписью на обороте: «Минор, ВРКОС № 1150/с. Чемпион пятой Всероссийской выставки 1972 года. Чемпион Ленинградской выставки 1970 года. Чемпион Московских областных состязаний 1970 года. 4 полевых диплома первой степени, 3 полевых диплома второй степени. На всех выставках оценка «отлично», один раз «очень хорошо» (в младшей группе). 23 классных потомка, в том числе 4 имеют дипломы первой степени и оценку «отлично». **Ажик, так держать!** Отец Минор».

Ажик «держал». Через трех своих сыновей: чемпиона Санчо-1535/с Носкова В. И., чемпиона Индуса-1606/с Зыкина А. А., Пирата-1775/с Романчука В. П. – Ажик-Минор очень плотно присутствует в крови всех спаниелей уральского разведения. И уральские спаниели в итоге стабильно представили собой те лучшие черты, что желательны и присущи породе. Так утверждать есть основания. Для «смягчения» этого заявления скажем просто: нам повезло, что «отец Минор» отправил на Урал сына со столь сильной препотенцией, какая бывает на редкость в животноводстве, а мы сумели не испортить этот полученный нами прекрасный племенной материал. Кровь Ажик-Минора несла в себе то генетически ценное, что, вероятно, и хотели получить творцы породы. Чемпионы, обладатели дипломов первой степени Минор и Нора-1020/с Валова Н. А., Мирта-1006/с Солдатова Н. А., Квита-1018/с Фролова М.Ф., Додон-1040/с Богомолова Д. Ф., Жанна-1043/с Сычева А. Г., Руслан-1065/с Сальникова И. Н. Не они ли есть основа генотипа породы? Сподвижническое горение талантливейших спаниелистов-селекционеров, натасчиков, экспертов воплотилось в страсть, красоту и силу характеров этих блистательных собак, а через них – в Ажик-Минора и в его прямых и

последующих потомков. Да, в их силу характера, в то, что на специальном языке называется устойчивостью и подвижностью рефлексов при общей высокой породности. Одно неверное движение, неловкое прикосновение к наследному принцу породной элиты – и не та реакция, которая была бы характерна для «обычного» спаниеля в данной ситуации. Так, молодой Ажик-Минор после первого в жизни выступления на испытаниях с расценкой на диплом первой степени в своем активе лежал в моей машине на заднем сидении, когда судивший его эксперт открыл переднюю дверку. Собака оставалась спокойной, она с детства знала этого человека. Эксперт взял с пола возле переднего сидения мой термос, намереваясь попить. Ажик переметнулся через спинку переднего сидения, и рука берущего оказалось в зубах столь милой с виду собаки обычно отменно джентльменского поведения. Что спаниель способен на такое, мы тогда еще не знали.

В 1992 году команда Свердловского областного ОоИР возвращалась из Санкт-Петербурга с седьмой Всероссийской выставки охотничьих собак. Ехали поездом. С моим Гервиг-Минором ездила девушка, подруга жены, сам я был болен. Возвращались с победой, колодка Гервига была поставлена в пример; с оценкой «отлично» при двух дипломах второй степени он занял первое место в первом классе средней возрастной группы. Свою ведущую (или лучше – вожатую) Гервиг оберегал от всех, за что и прозван был надолго спаниелистами Екатеринбургa Гервигом-Стервигом. На обратном пути в купе к девушке, бывшей ответственной за Гервига, как он за нее, явился поклонник. По причине, о коей нетрудно догадаться, он был босиком. Несчастный выскочил из купе с искусанными в кровь ногами.

Ваш покорный слуга, будучи Главным экспертом свердловских областных (Уральских) состязаний по болотной дичи, имел честь провести сутки в двухместной палатке с экспертом-спаниелистом первой категории, прекрасным человеком и интересным собеседником Виктором Александровичем Поддубным, председателем секции спаниелистов Екатеринбургa, ее душой и авторитетом. В палатке с нами Ярик-4332/01 Поддубного, ему выступать в состязаниях, поэтому его хозяин в них не эксперт. Уже на второй день жизни в палатке я в дневной перерыв вознамерился зайти в палатку с целью отдохнуть рядом с ее хозяином, там спящим. Входил, естественно, головой вперед. Бросок после «предупредительного выстрела» в форме короткого рычания, и клыки Ярика полоснули мою физиономию. Одним словом, собаки мы серьезные, в чем никого уже из числа любителей «спаниельчиков» и убеждать не надо. Через Минора в Свердловской области сложилась линия Ажик-Минора, эффективная продуктивность которой проявилась на межобластных состязаниях и Всероссийских выставках. Будем конкретны и сразу оговоримся, что все участники со стороны Свердловской области (Екатеринбургa) являются потомками Ажик-Минора, его праправнуками и далее с инбридингом на более близких к нему потомков.

1993 год. Состязания (матчевая встреча) между ВВО Лен ВО и секцией спаниелей екатеринбургского городского ООиР. Июль. Чудовское охотхозяйство. Новгородская область.

Результат – победа команды Екатеринбурга.

Бой-1352 (Поскребышев С. Р.) – диплом второй степени.

Дарли-1375 (Попов А. Г.) – то же.

Лада-3265 (Трофимов А. Г.) –то же.

Юста-3094 (Исаев Ю. Д.) –то же.

1994 год. Состязания между ВОО Лен ВО, Ленинградского областного ООиР и командой ООиР города Екатеринбурга.

Результат – победа команды Екатеринбурга.

Бой-3152 – диплом второй степени.

Дарли-3715 –диплом третьей степени.

Юста-3094 –диплом третьей степени.

Рута-2775 (Григорьев В. С.) – снята после великолепной работы и двойного промаха из ружья за угонку.

1995 год. Чемпионат «Спаниель Клуба РФОС». Это объединение любителей коккер-спаниелей и спрингер-спаниелей. Команду города Екатеринбурга пригласили для раскрутки своего чемпионата и придания ему статуса. Кроме того, участвует команда ВОО ЛенВО. Угодья на границе Московской и Владимирской областей (Владимирское ООиР).

Результат – победа команды Екатеринбурга.

Дарли-3715 (Попов А. Г.) – диплом второй степени.

Кэтти-3716 (Ляш А. В.г. Первоуральск) диплом второй степени.

Бой-3152 (Поскребышев С.Р.) – без диплома (одна встреча с птицей).

1996 год. Чемпионат «Спаниель Клуба РФОС», Спаниель Клуба, екатеринбургского городского ООиР, орехово-зுவевского районного ООиР.

Результат – победа команды Екатеринбурга.

Гамлет-3906 (Тихомиров М. А.) – диплом второй степени. Звание «Молодой победитель Чемпионата» (до трех лет).

Кэтти-3716 (Ляш А. В.) – диплом второй степени.

Бой-3152 (Поскребышев С. Р.) – диплом третьей степени.

Заметим, что во всех случаях отсутствуют дипломы первой степени у спаниелей Екатеринбурга. Наводит на размышление, но не обязательно – о качестве собак.

Линии /линейное разведение/

Теория линейного разведения достаточно известна, поэтому, казалось бы, можно избавиться себя от ее разьяснения, если бы не живучесть убеждения о вреде кровосмешения в собаководстве. Вот только что я пришел с общего отчетно – выборного собрания крупной секции охотничьего собаководства. Азартное обсуждение доклада, свойственное горячим гончатникам и обычно себе на уме лаечникам разделило собрание на группу приверженцев принципа:

«хозяин-барин», то есть – моя собака, и вяжу ее, с кем хочу, и на сторонников плановых вязок, немногочисленных и не очень уверенных в своей правоте. И те, и другие сходились на том, что причина утраты собаками породных качеств, особенно гончими, в родственном подборе пар. Как правило, чем «наслышаннее» люди, тем категоричнее в суждениях.

Но, господа собаководы, если хотите полностью избежать родственных «связей» в разведении, то совет видится один: вяжите гончих с таксами, спаниелей с борзыми или уж снова с волками. Но помните, что и у нас самих есть родословные, пусть даже в веках потерянные, современностью размытые, и дальше дедов обычно наша информация о родстве не тянет, а кто про прадедов знает, тот в фамильной упряжке уж и коренник. Но у собаки ли вашей в ее четырехколенной официальной родословной, у вас ли, простите – неизвестной и неписанной, – 30 прямых предков. В десятом поколении (а это всего лишь лет 300 жизни) каждый из нас имеет 1024 прямых предка. А если сосчитать тех, что «внутри», между папой-мамой (первое поколение) и теми, кто в десятом, то получается 2046 человек. И это если не учитывать несметное количество братьев, сестер, дядьев, племянников, двоюродных, внучатых, правнучатых. На 10 поколениях не кончается жизнь рода. Хотите считать дальше? В 30 поколениях у каждого из нас 1 миллиард 704 миллиона 573 тысячи 984 предка. Так что, если человек человеку не всегда друг, товарищ, то уж брат где-то там в отдаленности всегда. Не секрет же, что, как правило, в селе Бызово почти все Бызовы, в Боровинском – Боровинские.

В этой толще стихийных родственников можно хоть как-то организованно разобраться с помощью родословных «дерев», а в них – по «линиям».

Метод линейного разведения (речь идет о племенном животноводстве) заключается в накапливании «крови» удачного по своим качествам животного в его потомках и создания тем самым генетически сходных с ним животных путем инбридинга на того, чья «кровь» накапливается и тем самым создается линия его крови, основателем которой считается избранное нами исходное животное, всегда самец с сильной препотенцией, дающий количественно больше, чем самка, потомство. Выдающиеся самки создают «семьи». Удачно создать линию, «попасть» в линию непростое дело в племенной работе, даже если это результат верного прицеливания, продуманных решений с учетом законов линейного разведения, анализом причин уже имевшихся удач и неудач. Выдающееся не бывает случайным. Подорвать же линию не составит труда, что и видели мы в истории заводского разведения животных.

Наиболее подходит для развития жизнеспособной линии инбридинг умеренный. Большинство зоотехников сходятся на том, что наиболее эффективным является инбридинг типа III-IV и менее тесный. Но начинать линию, «накопление крови» приходится с инбридинга более близкого. Наука считает (А. В. Платонов) и практика собаководства показывает, что в родословных выдающихся животных очень часто встречается комбинация типа II-III, III-III. Никаких отрицательных последствий от такого инбридинга обнаружить не удалось. Тесный инбридинг этого уровня выдержал проверку временем, и не следует избегать его там, где только он и даст желанный

результат. Эффект накопления крови основателя линии значительно усиливается, если кличка родоначальника повторяется в III, IV, во II и V рядах родословной несколько раз.

Родословная с зарегистрированными предками гарантирует чистопородность собаки, но еще не говорит о генотипе ее как данного экземпляра. И вот тут-то осведомленность селекционера-заводчика часто обрывается на незнании характеристик тех животных, которые перечислены в родословной, их сочетаемости (что очень важно!) и особенностей наследования. Нельзя забывать, что в родословных лучших животных накоплен опыт нескольких поколений наиболее талантливых заводчиков. Умейте продолжить их наследие. Особенно ценна родословная собаки с выдающимися животными и удачными сочетаниями подбора. При оценке производителей по потомству не забудем, что полученные от них щенки формировались под влиянием генотипов обоих родителей. Потомство даже лучших собак при неудачном подборе пар или плохом воспитании, выращивании молодняка обычно не оказывается хорошим. Великое везение, если основатель линии своими генами корректирует породу стабильно к лучшему, давая потомство в себя и лучше себя.

Я понимал, что, оказавшись в положении заводчика с «волчьей собакой» Даной на руках, я должен или не вязать ее, или получить результат, выдающийся даже среди надежно хорошего поголовья потомков Ажик-Минора – линии, сохраняющейся уже более тридцати лет, но все-таки в отдельных случаях начавшейся размываться за счет разнотипности. Но без «отдельных случаев» не обойтись: не по ним ли проходит фронт работы экспертов-кинологов?

Через трех своих сыновей: ч. Санчо-1535/с Носкова В. И. (1973 год рождения), ч. Индуса-1606/с Зыкина А. А. (1973 года рождения), Пирата-1775/с Романчука В. П. (1974 года рождения) – Ажик-Минор плотно присутствует в крови всех спаниелей уральского разведения, о чем уже и говорилось. На мой взгляд, особенно «богат» интересующими нас генами являлся Индус-1606/с – сын Ажик-Минора и Милки Пустобаева Ю. И., являвшейся внучкой матери Минора п. ч. Норы-1020/с через ч. Ладу-1236/с. Милка по кровям была чисто московская собака, поскольку я ездил на вязку Лады с ч. Рексом-1049/с Некрасова И. П. в Москву (Балашиха).

Признаюсь, мы ориентировались в ведении породы на достойные примеры долголетия выдающихся линий и их блестящих основателей. Нами были изучены многие линии, и показалась нам близкой по исходному материалу линия английского сеттера Пюрсель-Абрека-ВРКОС № 7402 Орлова Я.К. Родившийся в 1931 году, сине-крапчатый Пюрсель-Абрек отвечал породе в высокой степени. Лишь щипец его был несколько укорочен при отличной черепной коробке и линиях головы. Из двадцати одного потомка Пюрсель-Абрека шестнадцать имели большие золотые медали.

Эффективность Пюрсель-Абрека как основателя линии объяснялась тем, что в его родословную входил выдающийся полевой сеттер Неро Нарышкина как по линии отца, так и по линии матери. Неро родился в 1902 году, пюрсель-

абрек в 1931 году. Между ними лежит время в 29 лет, это 5-6 поколений предков, и все же породные качества Неро были переданы прапраправнуку. Особый успех выпал на долю сына Пюрсель-Абрека Тома ВРКОС №40. В 1946, 1947 и 1948 годах он первым ходил на московских выставках и был обладателем призов как «лучший производитель». Все это напоминало нам то, что имели на Урале мы как племенной материал.

Как уже говорилось, линия Ажик-Минора в спаниелях уральского разведения началась с московского ч.,п.ч.Минора 1150/с Валова Н. А. Кроме Ажик минора, в Свердловскую область были завезены еще две собаки, потомки Минора: его внук, сын ч.Бима 1540/с Карашука Г. П. И Лады-1559/с Семенчика Ю. И. – Агат-2441/с Зорина Г. П., впоследствии чемпион, перводипломник, и правнучка Минора, внучка Бима Карашука Шельма-3261/91 Загляднава А. С., имевшая впоследствии дипломы первой, второй и два третьей степени. Весьма ладная по экстерьеру сука, с хорошим уравновешенным характером на твердое «отлично» она не дотягивала из-за коротковатого покровного волоса на спине и пояснице и прямоватых углов задних конечностей. Она оставила в породе заметный след. Ее лучшие потомки:

1.Чарли-4294/00, вл. Писаренков С.И. (г. Первоуральск), дипломы 2 первой, 2 второй степени, оценка «отлично», чемпион 2004 г., внук Шельмы.

2.Джером-4294/01, вл. Бартов А. В. (г. Екатеринбург), дипломы 5 вторых, 5 третьих, внук Шельмы.

3.Никита-4265/00, вл. Свитов С. К. дипломы 1первой, 6 второй. 5 третьей, внучка Шельмы, кандидат в чемпионы 20005 года.

Все дети и внуки этой собаки имеют выраженные охотничьи качества, но сохраняют некоторую недостаточную выраженность углов сочленений задних конечностей.

Продумывая вязку Даны, я решил через Ажик-Минора и Агата увеличить в родословной долю Минора-1150/с, для чего повязал ее с Атосом-4469/03 Власова А. В. Атос внук Агата, праправнук Минора; Дана праправнучка Агата, прапрапраправнучка Минора как по линии отца, так и по линии матери. Агат Зорина в ее родословной в четвертом колене имеется три раза, Ажик-Минор пятом колене – четыре раза. Дочь Ажик-Минора ч. Лотта-2113/с Чистякова В. С. в четвертом колене – четыре раза. Кроме того, в происхождении Даны мне был интересен ч. Демис-2150/с Пальковской Т. М., сын п. ч. Далека-1825/с Вагина Б. Е. и ч. Миры_1950/с Старостина Е. Ф.

Из четырехколенной родословной Атоса (рожд. 1994 г.) еще не вышли Минор-1150/с, Ажик- Минор и три лучших сына Ажик-Минора, с которых и началось развитие его линии в уральском разведении спаниелей: ч. Санчо-1535/с, ч. Индус-1606/с и Пират-1775/с., о которых уже дважды говорилось.

Родословная же Даны ценна мне и тем, что в ней ее дед ч. Гервиг-Минор, ее мать – дочь ч. Чары-3385/с Залесского В. Ф. и через нее родная сестра Тилля-4155/с Тихомирова М. А. (один диплом первой степени, десять вторых, один третьей), что в третьем колене есть по линии и отца, и матери та, которая и победила мое многолетнее внутреннее вето на спаниелей, наложенное

самому себе после гибели Ажик-Минора, – ч. Рута-2775/с Григорьева В. С. Одним словом, в вязке Даны с Атосом я не имел права на поражение.

В результате вязки Дана дала четырех прекрасных щенков. Все они на выставках и выводках 2004 года в разных городах (Екатеринбург, Королев, Москва, Нижний Тагил) произвели впечатление, трое из них безупречны, все четверо ярко породны, с великолепными головами, отличной сложкой, красивым и правильным шерстным покровом. Все эти молодые собаки проявили интерес к полю. Дальнейшее зависит от их владельцев. Нельзя допустить во имя породы, чтобы этот генетически ценный материал оказался вне племенной работы на заводском уровне.

Пожалуй, общей объединяющей чертой Уральских спаниелей – «ажиковцев», по мнению диспетчера племенной работы с породой в настоящее время, эксперта Поддубного В. А., является очень породная голова, стойко передающаяся потомству. К сожалению, в последние годы появились, правда, головы с непараллельностью лба и морды. Это связано со значительным использованием в породе ч. Боя-3152 вл. Поскребышев С. Р. Бой обладал отличными рабочими качествами, великолепным экстерьером с единственным недостатком – этой самой непараллельностью лба и морды. За все остальное она прощалась производителю, но настояла на своем в потомстве. К счастью, это качество, пожалуй, не доминантно, хотя и не рецессивно, и при удачном подборе пар с этим медленно, но настойчиво можно бороться. Очень характерный пример – Ярик-4332/01 Поддубного В. А. Он внук ч. Боя-3152, и тем не менее имеет великолепную голову с практически идеальной параллельностью линий лба и морды.

На VII Всероссийской выставке охотничьих собак (Санкт-Петербург, 1992) была особо отмечена на ринге спаниелей-старших сук породность линий головы ч. Керри-2622/с Коровина В. В. (г. Нижний Тагил). Ничего удивительного, Она счастливо сочетает в третьем колене родословной наличие выше названных лучших сыновей Ажик-Минора: ч. Индуса-1606/с и Пирата-1775/с, является дочерью ч. Лотты-2113/с., отличающейся очень высокой породностью, достойной своих знаменитых деда и прадеда.

Имея картотеку спаниелей Екатеринбурга, Виктор Александрович Поддубный показал жизнестойкость линии Ажик-Минора-1329/с, назвав самых известных в настоящее время собак выставочного возраста, в чьих родословных есть основатель этой линии. Перечень – от старших к младшим. Римскими цифрами указываются, в каком колене родословной и сколько раз встречается Ажик-Минор.

1. Туман-3907/96, (1994 г. р.) вл. Девятьяров В. В. (V, V).
2. Руди II-4084/97 (1994 г. р.), вл. Гимранова Л. Д. Чемпион 2003 г. (VII, VI, V, V, V, V).
3. Чар-3976/96 (1995 г. р.), вл. Овсянников А. Л. Трижды полевой чемпион, 4 классных потомка, кл. элита. (VII, VI, V, V, V).
4. Снайк-4088/96 (1995 г. р.), вл. Малафеев С. Б. Лучший кобель породы Всероссийской выставки 1997 года, г. Королев.

5. Руфа-3967/96, однопометница Снайк-4088/97, вл. Григорьев В. С. Лучший представитель породы Всероссийской выставки, г. Королев. Чемпион 2000-2004 годов. (IV, V, V, V).

6. Тилль-4155/98 (1997 г. р.), вл. Тихомиров М. А. Дипломы 1- I !0- II 3- III ст. (V, V, V, V, V).

7. Джером-4294/01 (1997 г. р.), вл. Бартов А. В. на Ажик-Минора (V, V, V, VI, VI).

8. Чарли-4245/00, однопометник предыдущего, вл. Писаренков С. И., чемпион 2004 года.

9. Снайк-4199 (1998 г. р.), вл. Алексеев С. М. (VI, VI, V, VI).

10. Никита-4265/00 (1999 г. р.), вл. Свитов С. К. На Ажик-Минора (V, V, V, VI, VI).

11. Ярик-4332/01, (2000 г. р.), вл. Поддубный В. А. На Ажик-Минора (VI, VI, VI, V, VI, VI, VI).

12. Юта-4333/01, однопометница Ярика-4332/01, вл. Михальский К. С.

13. Рэм-4417/02, (2000 г. р.), вл. Рябов Д. А.

14. Рэд-Дар-4373/02, однопометник предыдущего, вл. Григорьев В. С. На Ажик-Минора (VII, VI, V, V, VI).

Все перечисленные спаниели линии – постоянные участники выставок и полевых мероприятий, имеют полевые дипломы I или II степени, помимо начальной третьей.

Ажик-Минор

Когда десятимесячный рыже-пегий спаниель, прямой потомок многократного московского чемпиона Минора-1150/с, впервые появился на ринге свердловской областной выставки, в рядах старых уральских спаниелистов произошло замешательство... Очень породный, с редкостной по красоте головой правильных линий, стройный и сильный, он воплощал в себе стандарт породы и в то же время не укладывался в него, был как бы «над ним». Один из ведущих экспертов-спаниелистов в пылу полемики об экстерьере Ажик-Минора сказал: «Я могу поставить Ажика в ринге только первым или последним. Середины для него нет».

Уже чемпионом Ажик-Минора видели авторитетнейшие А. П. Мазовер и А. В. Гусев и, привыкшие к блеску собак, о нем отозвались восторженно. А однажды я услышал: «Нет, нельзя иметь собаку с такими глазами: в них невозможно смотреть спокойно». Они были темно-карими, глубокими, тревожащими... И взгляд трагичный и восторженный, строгий и преданный.

Ажик жил своим миром уже с детства и никогда не делал что-либо наполовину. В двухмесячном возрасте он оскорблялся, если ему после прогулки мыли ноги, но настало время, когда гордый Ажик-Минор считал просто невозможным пройти в квартиру с грязными ногами. В доме он любил комфорт, чистоту и страдал, был грустен в дни генеральных уборок и ремонтов. Он совершенно не выносил ссор, раздраженных повышенных

интонаций между людьми, и (спасибо ему вечное!) у него удивительно было развито умение распознавать справедливую сторону. Ажик всем телом прижимался к тому, кто был прав и, глядя в глаза неправому, предупреждающе рычал или грозно облаивал его: ссора утрачивала смысл, теряла свой аромат. Блаженствовал же он тогда, когда домашних удавалось собрать всех вместе. Он знал, что к обеденному столу мы сходимся сами, и заранее располагался под ним, изображая полнейшее равнодушие к тому, что сверху. Он не кланчался, даже голодный ел не жадно, мог уступить свою порцию всегда жадничающей подруге, второй моей собаке Ладе. На двор просился только молча, глазами

Он был обидчив, но обиду сносил с подчеркнутой независимостью: мгновенно игнорировал все и вся, уходя куда-нибудь в малозаметное место в квартире. Да простят мне самолюбивые властители собак, я признавал за ним право на обиду, признавал в сложном характере его настроения, не адекватные моим, а настроения господствовали в нем. Я только старался не трогать его, если в глазах не видел горячего желания общения со мной.

Ажик не был злопамятен, справедливое наказание сносил, в неправом суде защищался. Он никогда не пугался, не взвизгивал от боли, а его оборонительная реакция была настолько сильна, что он бросался в наступление быстрее того, чем желал бы противник. Не знаю, как Ажка, а я всегда страдал от того, что ему в будничной жизни не доставало «авторитета массы». Ведь любой собаконенавистник смирно проходит мимо крупного дога, даже если этот дог боится собственного хвоста. А что такому спаниель? Ажик безошибочно определял этих собакофобов и контактировать со мной таким прохожим не давал. В ответ на его рычание мы обычно слышали: «Развели!», «На варежки бы его, ушастого!».

Имея особое чутье на нравственный облик людей, Ажик-Минор еще бескомпромисснее относился к собакам с «нравственным изъяном»: у собак «моральный и уголовный кодексы» свои, не всем они ведомы, не всегда нам понятны. Вот, впрочем, одна сцена, потрясшая очевидцев.

Это было на полевых испытаниях собак разных пород в кинологически дремучем районе. Я был приглашен как эксперт-кинолог с категориями по полевым испытаниям лаек, гончих, легавых и спаниелей – вот такой «многостаночник» на свою беду. Ажик – мое наглядное пособие: в краю болотной дичи люди не видели правильной работы спаниеля и просили показать им ее. А выставляются легавые, лайки, спаниели – этаким смешанный состав претендентов на диплом по болотной и утке. Только гончих и не хватает. Работы на два дня, если не на все три.

Еще в дороге Ажик «не принял» одну лайку, развязного кобеля, и был злобно возбужден. Это не помешало ему, однако, «отсечь» все отвлекающие факторы с той секунды, как я скомандовал «рядом» при подходе к болоту.

Показательные выступления – это прежде всего 20-40 зрителей у вас за спиной, а впереди – отсутствие права на ошибку! К такому тренажеру мы с Ажиком привыкли. И вот, показав работу на уровне беспорного диплома первой степени, Ажик стоит у моих ног, а я чуть ли не с кочки, прямо на краю

болота, читаю лекцию о том, что и как. Вопросов ко мне много, но ответы на них потом: целая ночь впереди у костра. Вернулись в шумный стан. Я постелил плащ, положил на него подстилку, рюкзак и не столько скомандовал, сколько извинительно попросил своего молодца занять приготовленное ему место. От остающихся в лагере потребовал к Ажику не подходить и ни в коем случае его не отвязывать. Сам же ушел с первой группой спаниелей в болото. Ну и, конечно, нашелся сердобольный почитатель ажиковского таланта, чтобы погладить его: человек видел, с какой тоской смотрел Ажик на меня, когда я уходил. Ажка стерпел подсевшего к нему почитателя, но когда тот отстегнул поводок: пусть, мол, побегает! - освобожденный Ажик с плаща не сошел, но почувствовал особую ответственность за «место», ибо теперь уже рычанием отметал любую попытку подойти к нему. Позже мне сказали, что это немало расстроило некоторых: кое-кто намеревался под шумок похитить его. Что поделаешь, подвыпили люди, а закон – тайга, правда, изрядно поредевшая. Оставшись без поводка на ошейнике, Ажик лег, и всем стало ясно, почему я запретил подходить к нему.

Неожиданно отвязался и, пробегая мимо, встал на мой плащ именно тот кобель, которому Ажик не простил развязности. Бросок – и спаниель взял лайку за горло! Как их разняли, я так и не понял: слишком сбивчив был многоголосый рассказ очевидцев и усмирителей. Долго потом самые бывалые хмыкали, вспоминая: «Надо же! Лайку чуть не задушил».

Да, он не выносил собак, если они его чем-то не устраивали, и тогда уж размеры собаки для него не имели значения. Впрочем, это нормально для любой порядочной собаки, если она не истеричка. Одной из неотвратимых причин для Ажика была его ревность. Можно ли осуждать за ревность собаку? Лично я перед собачьей ревностью снимаю шляпу и никак не отважусь основательно написать о ней.

Были мы как-то на охоте не одни. В лесу работал старый, сильный и опытный дратхаар. А у Ажика в лесу – первое поле. И он присматривался к работе дратхаара, даже ассистировал ему, хотя более менее общее в работе легавой и спаниеля в лесу только до потяжки. Но стоило драту моего коллеги подойти на привале ко мне, приласкаться, как из соратников они сразу превратились в неистовых врагов.

У моей Лады появились щенки, когда Ажику было полгода. Малыши приходились ему племянниками. Надо было видеть, как дядя часами издали следил за щенками, а когда они подросли, забирался к ним в гнездо, ложился, и они ползали по нему, тискали его; он играл с ними, поражая нас своим, я бы сказал, деликатным терпением. Острые зубки-иглочки впивались в его живот, уши, нос – всюду, и он терпел, позволял малышам все то, что не разрешала их строгая мама.

Вне дома он нигде не чувствовал себя хорошо, кроме наших с ним машины и палатки. При этом он всегда был собран, бдителен, отважен. И вот на втором году жизни решено было его кому-нибудь отдать. Я надолго был вынужден лечь в больницу, а драгоценная моя тогдашняя супруга наотрез отказалась оставаться в доме с двумя собаками, которых она трогательно и нежно любила

обеих заботливой любовью. Выхода не было. Навязывать что-либо силой даже очень близким людям то, что касается моих интересов – не в моих правилах.

«Здрavo» рассуждая, я решил расстаться с Ажиком, ибо Лада-1236/с чемпионка, известная не только в Свердловской области, я за нее более в ответе перед породой. У Ажика же все впереди, он практически еще подросток, легче приживется у другого человека. Даю в Свердловск телеграмму Р.Г. Калашникову, председателю секции спаниелей в то время: «Вынужден отдать Ажика. Подбери владельца». Ответ пришел прозорливый: «Менять владельца твоему Ажику нельзя». И все-таки я отдал – на 12 часов! Отвез его в молодую семью начинающему охотнику, давно им восторгавшемуся. Когда внимание Ажика отвлекли игрой с ним, я незаметно вышел из квартиры.

В 6 часов утра следующего дня раздался телефонный звонок. Взявший Ажика в истерике: после моего ухода Ажик-Минор лег у входной двери (у нее оборвался мой след) и не пропустил мимо себя никого, несчастное семейство с вечера не может пройти в туалет, а пора собираться на работу. «Забирайте своего зверя!». Так Ажик сам решил проблему. Когда я вошел в охраняемую им злополучную дверь (ключ от нее мне подали через форточку), он прижался всем телом ко мне и так же всем телом сотрясаясь в крупной дрожи. Не стоит уж и говорить, что творилось со мной.

И если уж говорить до конца, то – необходимость в больнице оставалась, как оставалась и непреклонность требования убрать одну собаку. С Ажиком все ясно: нам с ним можно только... застрелиться. Лада же у нового владельца прижилась, но навсегда потеряла болотную дичь как неинтересную ее новому хозяину, а на охоте по боровой обычно благополучно оставляла его без выстрела, не управляемая им в работе по следу. Умерла она рано. И не по моей ли вине? Не отдавайте никому своих собак, если они личности. Это не стайные гончие, способные безболезненно по несколько раз за жизнь переходить от владельца к владельцу.

Сторожевой инстинкт Ажика был развит чрезвычайно. Это если говорить терминами. А вообще он был очень ласков с теми, кого любил, даже нежен. Он особенно выделял мою дочь и охотно отдавался неумелым вначале ее командам. Но я же отлично видел, что упрямец не считает их для себя обязательными. Да, Ажик-Минор умел любить! В детстве он не выносил ласкающих рук, негодовал, если его брали на колени, а людям ведь так хочется потискать щенка... Маленький упрямец упорно вырывался, уходил под кровать. А потом, позже, он под утро подходил к моей постели и упорно смотрел мне в лицо. Я просыпался от его взгляда и знал, что ему нужно полежать на кровати, прижавшись ко мне, совсем немного, тихо-тихо полежать. Без этого не начиналось утро. Без этого, казалось, Ажик не мог дальше жить. Через 5–7 минут он деликатно вставал и уходил на место. Вообще все его контакты с нами регулировались им самим: встанет и уйдет. Он был однолюб, его нельзя было передать в другие руки, как это уже было показано. В его привязанности чувствовалось что-то трагическое. После долгих разлук со мной он дрожал, терялся. Чуть не плача, мы сидели на полу обнявшись, и только так после встречи со мной Ажик вновь приходил в себя.

Бывали ситуации, когда он брал на себя заботу даже о незнакомых людях. Если я оказывался с ним на охоте не один, он еще в машине начинал контролировать всех. В поле, в лесу он постоянно «пересчитывал» всех, искал отделившихся и работал на всех, даже если видел кого-то впервые. Из-за такой ответственности за всех и каждого он больше мучился, чем работал, а я, признаться, мучился за него, ревновал и давал напрасный зарок не устраивать с ним коллективных охот. К тому же он не выносил безрезультатных выстрелов. Было больно за его «самосожжение» на этом общем костре охотничьей суеты, и коллективные охоты с Ажиком в общем-то не получались. Сейчас мне стыдно за ревность, и, кажется, я лишь позднее понял, как трудно было Ажику-Минору с его поразительной синхронностью действий на охоте вписываться в бестолковые действия трех-четырёх человек, каждый из которых взвинчен ожиданием выстрела... Ибо как бы четко и опытно ни действовали на охоте мы, люди, Ажик работал тоньше и точнее. И, казалось, о людях он думал больше, чем о дичи, ибо дичь само собой, он ее не пропустит, а люди, надеясь на собаку, нацеливались лишь на дичь. Чтобы лучше понять все это, достаточно было посмотреть на почерк работы Лады. Старше и опытнее Ажика, она, несколько эгоистичная по натуре, в любых условиях работала даже не для меня, а для себя, и будь со мной хоть рота стрелков – это ее не интересовало. Она в работе за счет мастерства и контакта со мной. Ажик же – весь вдохновение, порыв – бросал свой талант под любые ружья. И его можно было взять на прокат, как берут некоторых собак знакомые им люди? О, нет! Без меня он не сделал бы и шагу.

Поразительно, что он иначе подходил к своим задачам на испытаниях и показательных выступлениях (на официальных состязаниях он не был ни разу. Не помню сейчас, почему. Может быть, их тогда не проводили). С момента команды «Рядом!» без поводка при подходе к участку работы Ажик отсекал все, что не вписывалось в четырехугольник: угодня – он – дичь – хозяин. Точно так же он умел показать себя в ринге, до последней секунды ринговых процедур сохраняя достоинство и элегантность победителя.

Ажик легко дрессировался, но при этом ему так трудно было вырабатываемым командам подчинять свою бурную натуру, что он засыпал едва ли не в ту же минуту, как прекращался урок; он до конца отдавался дрессировке и уставал. Я не замечал подобного у других собак.

В постановке его я, пожалуй, ошибок не допустил, кроме одной – нелепой и непростительной... Заканчивалась обычная загородная прогулка. С дочерью, Ладой и полуторогодовалым Ажиком мы шествовали мимо лесного кордона, где Ажка с восторгом обнаружил скопление неведомой ему разноперой дичи. Моя секундная ошибка в оценке ситуации – и кудахтанье кур, женские крики, хлопанье крыльев, что-то еще помutilи мой разум. Ажик торжествующе дожимал курицу, чтобы она потише трепыхалась в зубах его, когда я поднял над ним плетку... Какова цена живой курицы? Я готов заплатить за несколько курятников с их содержимым, только бы не было той плетки. Ажик-Минор отказался брать что-либо в зубы, перечеркнул в себе команду «подай!». Только через пять месяцев после куриной истории я приступил к восстановлению

подачи, но опираться пришлось уже не на врожденное для породы аппортирование, а на выработку обязательного условного рефлекса, появлению которого Ажик противился как мог и в выработке которого как мог выкручивался я. Через год Ажил стал подавать, но ни к чему, что напоминало величиной курицу, он не прикоснулся больше до конца своей жизни; из своей работы по боровой он навсегда исключил подачу – он просто стоял над битой птицей до моего к ней подхода. Спасало лишь то, что я редко делал подранков.

На пятом году жизни Ажик-Минор постиг особенности леса и отделил в своей работе боровую дичь от болотной. Еще через год я дал ему в лесу полную свободу и в ответ получил не только «королевские» выстрелы по вальдшнепам и тетеревам, но и стрельбу глухарей на лиственнице, о чем уже и говорилось. Ажик отмечал «посоры» под кормовым деревом и, отвлекая собой глухаря, давал мне возможность подойти на выстрел.

Меня спрашивали: «Как ведет себя ваша собака в лесу? Вы не боитесь, что Ажик заблудится в лесу, когда ведет себя не как подружейный?». Боюсь ли? Вопрос непростой. На открытых болотах, в заливных лугах он работал, мне казалось, с легким сердцем, был артистичен и разве что не раскланивался с восторженной публикой после каждой поданной птицы. Я бы сказал, он давал любоваться собой, и эстетическое наслаждение от охоты с ним было огромным. За весь день охоты он не менял ни рисунка поиска, ни аллюра, привалы и передышки не любил. В лесу – а нашим лесам палец в рот не клади – Ажик был серьезен, даже угрюм. Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать о его поведении в лесу. А насчет заблудиться... Видите ли, при хорошем чутье, известной тренировке и стойкой нервной системе ориентировочная реакция спаниеля становится достаточной для его глубоких рейдов в самые глухие леса. В отличие от лаек и гончих, он возвращается к ведущему «в пяту» своего следа. Поэтому нужно или идти за углубившимся в лес спаниелем, не теряя его направления, или оставаться на том месте, откуда начался рейд, и ждать. В первом случае важно понимать действия собаки вплоть до знания вида дичи, по которой идет работа. Бывают ситуации, когда от стремительно идущего спаниеля нельзя отставать, тут нужно свистом, даже криком уметь останавливать, тормозить собаку на наброде до вашего подхода к ней. И так каждый раз вновь и вновь по мере движения собаки к дичи. Тогда выстрел накоротке в условиях лесной местности вам обеспечен. Но если видите, что спаниель намерен сделать все сам для вашей короткой встречи с птицей и идет не по следу, работает «с заходом», не мешайте собаке, стойте на месте. Поверьте, со временем спаниель научится избавлять вас от дальних выстрелов, если вы понимаете лес и дичь не хуже, чем ваша собака: она все равно ведь в силу своей волчьей изначальности, живущей глубоко в генах, имея охотничий врожденный инстинкт, знает природу леса и дичь лучше. И имейте с собой трубу. Не свисточек, обычный для подружейников, а именно трубу, охотничий рог. С какой благодарностью Ажик мой вылетал из чащи на протяжный зов трубы, если работа в бору заставляла его слишком удалиться! Если вы любите свою собаку, думайте о ней в лесу больше, чем о себе.

Как-то я со своим рыже-пегим «охотоведом» в начале августа вел контрольный учет дичи в приписных угодьях на хребте Урала. Ажик только что обработал выводок глухарей, но стремительно вдруг развернулся под прямым углом и исчез в темнотесье. Я не успел хоть сколько-нибудь разумно на это среагировать, как в хвойной уреме раздался его злобный, неистовый лай. Выбежав на его лай, я увидел ошеломляющее: среди бурелома на крошечном просвете между выворотнями корневищ Ажик крутил и вертел медведя, делавшего ответные броски. Я эксперт-лаечник, много отсудил работ лаек по медведю, но чтоб спаниель так жестко держал зверя?! Его хваток «по месту» набиралось не меньше, чем на диплом второй степени. Но не стрелять же медведя! Я резко дунул в трубу, чем и разнял эту пару столь разных весовых категорий.

Разумеется, наши противники среди кинологов (а они были и не переведутся) не пропустили бы этой возможности выступить против нас: вот до чего доводит злобность – спаниель суется под медведя! Не его амплуа! Успокойтесь, господа: все кончилось хорошо, и в день открытия летней охоты спаниель подавал мне на выстрел дупелей, а не медведей. Но, быть может, работа его по медведю (и не единственная за жизнь!) позволяет тому, кому полагается это по чину и званию, задуматься при случае о возможностях и сути спаниеля.

Чемпион Ажик-Минор трагически погиб в лесу 14 ноября 1975 года. Я молча вынес его к дороге, похоронил в районе гибели, довел машину до гаража, дотащился до дома и – разрыдался не на один день

Он был и остался для меня гораздо больше, чем не имеющий равных себе в поле, чем собака с золотыми регалиями

Гервиг-Минор-3295/01

После смерти Ажика я 15 лет не мог и думать о спаниелях. Мне предлагали в подарок не однажды щенков, потомков его, но – не мог. Однако время затягивает раны, даже если шрамы остаются. В июле 1990 года я дал согласие судить свердловские областные состязания спаниелей и увидел в работе ч. Руту-2775/с Григорьева В. С. Она была в конце первой половины срока беременности, и до состязаний допускать ее я не должен был. Но дружно меня уговорили сделать исключение для нее: «Вы ее не знаете!». Обладательница трех дипломов первой степени при шести – второй и одном – третьей, Рута оказалась победительницей состязаний, правда, с дипломом второй степени. Я был покорен ею. Тут же у костра после разбора полетов попросил всенародно: «Если в помете будет рыже-пегий кобель, пусть он будет мой».

Так появился тот, кто был назван Гервиг-Минором, праправнук Ажика, – результат инбридинга на Ажика в четвертом колене, на Минора – в пятом.

Уникальность, индивидуальность Гервига сказалась сразу, на Ажика в его месячном возрасте он совсем не походил ни внешне, ни характером, но то, что

мне надо было, в нем имелось. А копия Ажика невозможна, да я бы ее и не вынес.

Эмоциональный, впечатлительный, с детства ранимый, он был ответственный и обязательный во всем, любил подчиняться, оставаясь независимым. Выполнение команд доставляло ему удовольствие. Не могу даже и сказать теперь, как это мне (или ему!) удалось, но он при всей своей страстности и стремительности в работе (за скорость почти до старости имел 10 баллов!) ни метра не давал угонку, проскакивал только то, что было по инерции. Это поражало всех, кто видел его в работе. Характер он имел трудный, иногда уходил в себя, тоска в глазах была только что не демоническая, если вспомнить картину Врубеля, простите. Кем он был «в прошлой жизни»?

Впервые увидев падающие снежинки (крупные, медленные) в трехмесячном возрасте, он изумился, стал подпрыгивать, ловить их ртом в свете уличного фонаря, был от них в восторге. В раннем детстве боялся лестницы в подъезде: особенно спускаться – страшно же! Позднее, бывая в местах сильно пересеченной местности, где-нибудь в лесу с обрывами в три-четыре метра глубиной, он никогда не искал удобного спуска, а прыгал по прямой вниз, показывая мне рискованный пример.

Когда мы с ним пришли впервые на ринг выводки молодняка, мало осведомленные зрители спрашивали, что это за порода? Вопросавших можно понять. Этаким увалень, обросший с ног до головы шерстью чуть ли ни ершиком, бедра как в унтах, на голове отменный хохолок. Правда, можно было рассмотреть неплохую головку и явно спаниелиный взгляд темно-карих глаз. Малоопытные эксперты не знали, что делать. Кто поопытнее, те говорили: «Весь в мамочку свою».

А это значит, что пес будет с крепкой колодкой, хорошо одет, выносливый, сильный. Таким он и получился. Привязчивый, нежный, за все переживающий. В ответственные с его точки зрения моменты был собран бескомпромиссно и мгновенно становился недотрогой, обнажал зубы. Покладистым его никак бы не назвать, и попадать в нелегкие положения с ним приходилось нередко. В полуторагодовалом возрасте этот спаниельчик повалил трехмесячного теленка, схватив его снизу за горло. Вина теленка состояла в том, что его погастись привязали к нашему с Гервигом забору в деревенском дачном доме. Нехорошо, конечно, но больше не привязывали.

Однажды мы с ним шли по очень «проблемному» переулку, характерному для окраин, на нехарактерный для современности, Богом забытый поезд-узкоколейку. На спине у меня тяжело нагруженный рюкзак, на плече ружье в чехле тоже повышенной тяжести (МЦ-21-12), на поводке Гервиг. На пути появляется пьяный парень. Собака спокойно идет рядом. Парень делает мне интересное предложение: «Дай я ее пну!». Будь у Гервига менее боевая натура, возможно, предложение можно было бы отклонить дипломатическим, но мой герой возмутился столь яростно, что у парня возросло вполне для него сердечное желание пнуть собаку. Он начинает выбирать позицию, танцуя вокруг, Гервиг ограничен в движениях поводком, я – тяжестью рюкзака.

Пришлось ударить парня сбоку по голове всей тяжестью ружья в чехле. Он упал. Мы пошли дальше. Впрочем, к охоте это не относится.

Любимая дичь этого «Стервига» – болотная. Совершенно игнорировал чибисов, не любил уток. В лесу всему предпочитал медведей. Как только попадали на их запах, приходилось брать на поводок.

При всем том был трогательно контактен. Вместе собирали ягоды в лесу, выкапывали кусты дикой жимолости для деревенского сада. Отлично плавал, был счастлив подать из воды. Был очень терпелив, часто – угрюм. Этим всем и запомнился, пожалуй, больше, чем великолепными с ним охотами при его идеальном челноке – неоднократный чемпион Свердловской областной выставки, участник двух выставок всероссийских, переводипломник, самый преданный и надежный из всех собак, какие у меня были, спутник мой и в счастье, и в горе.

Феномен Залесского

Попробую описать несколько историй, связанных с собаками и охотой. Я их называю байками. Поскольку я никогда не излагал это на бумаге, а последнее сочинение писал при поступлении в институт, то с удовольствием рискну.

Виктор Залесский

Об авторе. Залесский Виктор Фридрихович (г.Екатеринбург), компетентный в работе со спаниелями человек, деликатнейший и принципиальный. На мой взгляд, ему дан особый дар видеть работу собаки в поле, в чем я неоднократно убеждался, бывая с ним в экспертных комиссиях на состязаниях.

(Г.А.)

Байка первая: Как я стал охотником

Я вырос в городской семье, все члены которой не только не имели понятия об охоте, но даже за грибами в лес никогда не ходили. В молодости я несколько раз ходил в походы, но назвать это увлечение серьезным нельзя. Животных в доме тоже никогда не было.

Когда дочь училась в первом классе, она вдруг настоятельно стала просить у нас с женой завести собаку. Немного поколебавшись, мы согласились, так как к собакам относились хорошо. Возникшие затруднения при выборе породы решил я, сказав, что мне нравится порода спаниель. Почему я выбрал спаниеля, сейчас объяснить не могу. Поиски места, где можно приобрести эту породу, привели меня в общество охотников, где по средам собирались спаниелисты. Улыбчивый молодой человек, записывающий в очередь на получение щенков, спросил, охотник ли я. Я честно ответил, что нет. Тогда он сказал, что мне придется долго ждать, так как в первую очередь щенков дают охотникам. Однако после недолгого разговора выяснилось, что мы с ним

работаем на одном предприятии, и он пообещал помочь мне в ускоренном приобретении щенка. Таким образом, в мае 1979 года я приобрел суку, которую мы называли Дина. Первый год я с собакой никак не занимался, и она росла сама по себе. Однако, весной следующего года меня на заводе нашел тот молодой человек, который помог мне приобрести щенка. Звали его Володя Носков. Конечно, я и не знал, что он владелец чемпиона Санчо-1535/с, оставившего яркий след в породе своим потомством. Володя мне сказал, что, если я приобрел охотничью собаку, ее надо натаскивать, и предложил в выходные поехать на болото. Поскольку никаких планов на выходные у меня не было, я согласился. После нескольких походов на болото собака у меня заработала, да и я стал немного понимать, что она должна делать, и мне это стало интересно. Мой интерес продолжал оставаться на уровне натаски собаки до июля. В июле, для подготовки сборной команды области к всероссийским состязаниям спаниелей, секции спаниелистов разрешили отстрел нескольких бекасов. Володя Носков входил в состав команды и пригласил меня поехать с ними. В команду тогда входили: Санчо Носкова, Индус Зыкина, Пират Романчука и Таван Черданцева. Расположились лагерем на краю болота, возле небольшого озерка. Члены команды начали по очереди ходить по угодьям со своими собаками. Периодически на болоте раздавались выстрелы, но попасть в бекасов, а в то время в этих местах был в основном бекас, никто не мог. Когда все устали и собрались обедать, разрешили пойти мне, но ружье не дали, а послали со мной отстреливать птицу Носкова. Выйдя на болото, Володя отдал ружье мне, сказав, чтобы я стрелял сам. Я, первый раз в жизни взяв ружье в руки, послал собаку в поиск. Надо сказать, что к этому времени Дина уже хорошо, лучше меня, понимала, что от нее требуется, и через несколько минут, после короткой потяжки и энергичной подводки, подняла бекаса. Я вскинул ружье в направлении взлета птицы, закрыл оба глаза и выстрелил. Открыв глаза, я не увидел летящей птицы и крикнул Володе: Куда он улетел? – Вон там, правее упал! – закричал Володя. – Как упал? – не понял сначала я, - неужели попал? Дина после выстрела очень энергично принялась искать и, через некоторое время, ткнулась носом в бекаса. У меня хватило ума крикнуть: Подай! – и собака, взяв бекаса, подала его мне в руки. Этот эпизод что-то повернул в моей душе, и мне очень захотелось испытать снова такие ощущения. Я немедленно принялся оформлять вступление в общество охотников и в сентябре уже поехал на свою первую охоту.

Байка вторая: Шесть глухарей

Это была одна из моих первых охот. Дело было в Саргинском охотничьем хозяйстве, в районе станции Сабик. Мы с Диной шли по лесной тропинке. Впереди, метрах в ста, показался прогал. Вдруг собака моя оживилась и галопом устремилась вперед. Я побежал за ней, но собака бежит гораздо быстрее меня. Когда я, запыхавшись, выбежал на поляну, имевшую метров сорок в диаметре, из кустов на противоположной стороне поляны вылетел

глухарь. Я первый раз в жизни увидел эту великолепную птицу. Мой торопливый дуплет не принес результата. Глухарь улетел, а я стоял и ругал себя всякими словами, забыв перезарядить ружье. В это время из кустов вылетел второй глухарь и улетел, пока я судорожно перезаряжался. Только я успел закрыть ружье, как из кустов вылетел третий глухарь. Меня уже всего трясло от азарта, я опять разрядил ружье толком не прицелясь, и снова промазал. После этого, вместо того, чтобы перезарядить ружье, я вновь выразительно принялся говорить о себе всякие нехорошие слова, и в это время из кустов вылетел четвертый глухарь и улетел без выстрела. Я, находясь в состоянии, близком к обмороку, перезарядил ружье, но в вылетевшего пятого глухаря опять не попал. После последнего дуплета я взял себя в руки, сразу перезарядил ружье и стал ждать очередную птицу. Однако, после небольшой паузы, на поляну из кустов выскочила Дина. Она посмотрела на меня дикими глазами и принялась энергично обыскивать покос. Я стоял, ожидая, что будет дальше. Вдруг собака бросилась в мою сторону и вломилась в большой куст, находившийся метрах в семи – десяти сзади меня. Раздалось мощное хлопанье крыльев, и из кустов вылетел глухарь, полетел мимо меня, чуть не задев крылом. Дуплет по пролетающему в пяти метрах глухарю, разумеется, не удался, и он благополучно, угонный, пролетел через поляну и скрылся в лесу.

Я не взял ни одной птицы, но эмоции, которые я пережил во время этого эпизода, были настолько сильными, что он мне запомнился сильнее и ярче, чем многие удачные охоты. Задним числом я оценил и работу собаки, которая издалека, верхом причуяла птицу и подняла весь выводок мне на выстрел. А ведь судя по тому, как крепко сидел последний глухарь, без собаки можно было пройти через эту поляну и никого не поднять.

Байка третья: самоотверженная подача

Все охотники-собаководы любят хвастаться своими собаками. Я, естественно, не исключение. Считаю, что моя первая собака Дина была одной из самых лучших собак по подаче птицы. Это выражалось в максимальной самоотверженности и настойчивости собаки при подаче. Особенно ярко это проявлялось на утиной охоте, где подача порой бывает очень сложной. Вот один из эпизодов:

Открытие охоты на утку. Угодья – торфяные разрезы в районе поселка Монетка. Водяные плесы периодически прерываются грязевыми островками. Я занял позицию на мысе, с трех сторон вроде бы вода, но с одной стороны, метрах в двадцати от берега, грязевой остров шириной около 20 метров и длиной метров 50. Несколько уток были сбиты на чистую воду, и достать их собаке не представляло особого труда. Но вот одна из уток, после дальнего удачного выстрела, упала за грязевой остров. Дина бросилась подавать и поплыла прямо через грязь. Видя, с каким трудом собака барахтается по грязи, я попытался ее отозвать, но она очень медленно продолжала продвигаться к утке. Добарахтавшись до середины грязевого острова, Дина вытянула вперед

лапы и застыла на месте. Я, испугавшись, что собака может утонуть, начал раздеваться, хотя конечно понимал, что доплыть до нее, у меня нет никаких шансов. Немного отдохнув, Дина продолжила продвижение к утке, выплыла на чистую воду, взяла птицу и поплыла обратно через грязь. На обратном пути она останавливалась три раза и отдыхала, не выпуская утку из пасти. Вся эта процедура заняла минут двадцать, но собака все-таки подала птицу. Подобных случаев было много в моих охотах с Диной.

Другой эпизод, который хотелось бы описать, связан с работой однопометницы Дины, Лаймы Махаева. Мы с ним охотились на утку в Зайковском хозяйстве. Угодья там представляют собой разбросанные по разным местам лужи, поросшие по берегам камышом и травой. При подходе к одной из луж мы подняли несколько кряковых уток. Расстояние от нас до места подъема птиц было не менее сорока метров, поэтому два наших дуплета оказались малопродуктивными – упала только одна утка. Мы подошли к луже, которая была около 20 метров шириной и 100 метров длиной. Дальний от нас берег порос камышом, утки на воде не видно. Мы направили собак в камыш. Через некоторое время раздалось кряканье, и из камыша выплыл подранок, а за ним, метрах в 3 сзади моя Дина. Утка и собака с одинаковой скоростью поплыли вдоль лужи. В этот момент из камышей выплыла Лайма, которая оказалась позади плывущей парочки. Дальше начались чудеса: Лайма оценила обстановку (иначе никак не скажешь), выскочила на наш берег и побежала вперед. Забежав метров на пятнадцать вперед утки, собака прыгнула в воду и поплыла ей навстречу. Представляете картину: плывет Дина, перед ней в трех метрах утка, а навстречу ей Лайма. Когда между уткой и Лаймой осталось около метра, утка нырнула, вслед за ней нырнула Лайма, да так глубоко, что над водой был виден только кончик хвоста. Вынырнула Лайма с уткой в зубах и поплыла к нам подавать, а мы стояли, открыв рты от восхищения.

Хочу высказать несколько полемических соображений, связанных с подачей и ... угонкой. Правила испытаний жестко нормируют угонку двадцатью метрами. Мотивируется это тем, что при гоньбе собакой низко летящей птицы стрельба невозможна. Однако это утверждение справедливо, в основном, применительно к охоте на дупеля, коростеля, перепела, курочку, охотой на которых сегодня практически никто не занимается. Дина у меня была отчаянная угонщица, на испытаниях я останавливал ее далеко не всегда, а на охоте даже и не пытался. Однако это ее качество позволило мне добыть несколько птиц, которых я бы потерял, если бы она их не гнала. Несколько раз такое случалось на вальдшнепиной охоте, когда вальдшнеп после выстрела улетал в лес, собака убежала за ним, и, через некоторое время, иногда довольно длительное, приносила сбитую птицу или подранка. Но самым примечательным был мой выстрел по косачу, который не шелохнувшись улетел и скрылся в лесу, до которого было не менее 300 метров. Дина убежала за птицей, и мы с Поддубным (он был свидетелем этого случая) ждали ее очень долго, не менее пятнадцати минут. Наконец собака появилась, держа птицу в зубах. А если бы она остановилась, как положено, после взлета птицы? На мой

взгляд, применительно к сегодняшним условиям охоты, это положение правил устарело.

Байка четвертая: Первые испытания Чары

С Чарой впервые на болото я вышел, когда ей исполнилось 8 месяцев. Это было в начале мая. Собака активно бегала, охотно шла в воду, но никакого интереса к запаху птицы не проявляла. Так прошла вся весна, и только в начале июня собака заинтересовалась каким-то запахом, остановилась, и из-под нее поднялся перепел, но она за ним даже не побежала. Я был в отчаянии, и во второй половине июля решил нарушить все наставления по порядку натаски, отправившись искать утиные выводки. Пошел даже на небольшое браконьерство и взял с собой ружье. Когда Чара на одной из луж причуяла и выгнала из камыша выводок кряковых, она вдруг преобразилась и с лаем принялась преследовать хлопунца, а после того, как я его подстрелил, взяла и вытащила на берег. После этого собака начала очень активно обыскивать уголья и подняла еще несколько уток.

На следующей неделе проводились испытания по утке, и я решил выставить Чару. При жеребьевке мне достался пятый номер. Первые четыре собаки отходили по 30 минут и ничего не нашли. Наступила наша с Чарой очередь, и мы пошли в уголья.

Судили испытания начинающий в то время эксперт Поддубный и «старый» спаниелист Поскребышев. Уголья представляли собой заросшие кустарником разрезы с водой, шириной 3-5 метров, между ними бровки шириной 5-7 метров. Слева по ходу движения дул устойчивый ветер. Пройдя по бровке метров сто, собака вдруг остановилась, подняла голову и резко бросилась влево. Я подумал, что утка сидит в ближайшем разрезе, но Чара его переплыла, ушла на следующий разрез, скрылась из глаз и через два разреза с голосом подняла утку, которая вылетела нам на выстрел. Собака вернулась на нашу бровку и энергично продолжила поиск. Через некоторое время история повторилась один к одному, а потом снова и снова. На протяжении примерно 600-700 метров было поднято четыре утки на дальних разрезах, и все они вылетали к нам на выстрел. Я видел, как многозначительно переглядывались эксперты, и в душе ликовал, видя такую работу собаки. До конца разрезов оставалось еще метров триста, и эксперт мне сказал, что все это хорошо, но мы не видели подъема птицы из-под морды (?) собаки. В этот момент Чара снова ушла за разрезы, подняла там утку, которая, пролетев над нами, села метрах в ста впереди. Мы остановились, прибежала собака, убежала вперед, и на глазах у комиссии подняла утку. После этого судьи сказали: «Ну что ж, посмотрим на подачу».

Ликуя, возвращался я на стан, понимая, что при хорошей подаче степень диплома должна быть очень высокой. С подачей, в то время, у нас с Чарой были проблемы: брала птицу она охотно, но очень жестко. Тем не менее, с суши собака подала бекаса на четыре балла из пяти. При подаче с воды собака

охотно прыгнула в воду, взяла птицу, вынесла ее на берег, отдала мне в руки, но после этого подпрыгнула и, пытаясь выхватить обратно утку, вцепилась ей в хвост и выдернула его. Судьи усмотрели в этом грубое нарушение, поставили за подачу 6 баллов, и дали диплом третьей степени.

Конечно, давать одиннадцатимесячной собаке, хозяин которой в то время был председателем секции, диплом высокой степени было для начинающего эксперта сложно, но я до сих пор, при случае, беззлобно попрекаю Поддубного, считая, что как минимум «двушку» моя собака тогда заработала.

Байка пятая: Два «инвалида» на охоте, или как собака поймала глухарку

Несколько лет назад, перед открытием охоты, у меня случился сильный приступ радикулита, но не поехать на открытие я не мог. Ездили мы большой компанией спаниелистов в Афанасьевское охотничье хозяйство. Вторым «инвалидом» был Юрий Дмитриевич Исаев, у которого были серьезные проблемы с тазобедренным суставом. Народ разбрелся по угодьям, а мы с Юрой ковыляли потихоньку. Несколько косачей, поднятых собаками, взлетели на дальнем выстреле, но мы, удрученные своими болячками, промазали.

Пройдя несколько километров, мы свернули на дорогу, ведущую к стану. Вдруг Чара на дороге прихватила наброд, немного «поразбиралась» в нем, потом подняла голову вверх и бросилась вперед по дороге. Бежать за ней мы с Юрой не могли, поэтому наблюдали за происходившим издали. Пробежав метров сто по дороге, собака резко свернула влево, в заросли высокой травы. Через некоторое время из травы выскочил на дорогу глухарь, поднялся и полетел под углом в нашу сторону. Мы стреляли метров с сорока, но промазали. Я снова посмотрел на дорогу. Через несколько секунд после выстрелов, из травы на дорогу выбежала глухарка, и сразу за ней – Чара. Птица не успела взлететь, как собака в прыжке поймала ее. Вот так, не попав ни разу, благодаря собаке, я стал обладателем завидной добычи.

Кстати, на утиной охоте Чара несколько раз ловила молодых, «зазевавшихся» уток.

Байка шестая: По коростелю, как по зайцу

Как-то раз, мы с Поскребышевым в поисках мест для натаски и испытаний собак набрели на большой покос, рядом с болотом, неравномерно поросший травой – высокая густая трава чередовалась с низкой и редкой полосами, шириной по 10-20 метров. В этом месте оказалось довольно много коростеля и перепела. Собаки сделали по нескольку работ, но в одной из полос густой травы очень долго не могли поднять коростеля, который петлял между нами и

никак не хотел взлетать. Наконец след вывел Чару в полосу низкой травы, и тут начались «чудеса».

Надо сказать, что Чара все время отдавала голос на горячих набродах, когда птица уже близко. На охоте это очень помогало, так как в зарослях и в высокой траве собаку не видно, а своим лаем она предупреждала меня о возможном подъеме птицы.

Так вот, выскочив на полосу низкой травы, Чара начала отдавать голос, немного крутнулась, а затем, подняв голову, устремилась с лаем вдоль полосы. Я ожидал скорого подъема птицы, но собака продолжала с голосом бежать вперед. При этом она не останавливалась, не опускала голову, а бежала слегка наклонив ее в сторону следа, словом вела себя как гончая, которая гонит зайца. Это продолжалось на протяжении 60-70 метров, после чего коростель был поднят. Ни до этого, ни после я не видел такой интересной и красивой работы по коростелю.

Остается сказать для справки, что Чара-3385/92 впоследствии – чемпион, мать одного из лучших кобелей породы Тилля-4155/98 Тихомирова М. А., бабушка Даны-4335/01 автора данной книжки.

Слово Поддубному

Поддубный Виктор Александрович (г. Екатеринбург), эксперт первой категории по породам и полевым испытаниям спаниелей, председатель секции спаниелистов екатеринбургского городского ООиР, безусловный авторитет в своей среде (Г. А.).

Попробую описать несколько интересных случаев из охоты с моими собаками, говорящих об эффективности спаниеля в процессе охоты. Под эффективностью я понимаю такую работу собаки, благодаря которой птица была добыта исключительно благодаря собаке и во всех остальных случаях она была бы неизбежно потеряна или не попала бы под выстрел.

Первый мой спаниель – Нольвик-2663/с., рождения 8 июня 1986 года, правнук Ажик-Минора.

1987 год, начало сентября. Первое поле Нольвика и одна из его первых охот, и первый случай, достойный внимания. Охотимся на утку среди водоемов размером от 10 на 20 м. до 100 на 300 м., разбросанных по пойме реки. Подходим к сильно заросшему водоемчику, и я замечаю в окошке густой травы крякового селезня. Стреляю на взлете. Бит чисто, но после падения несколько секунд бьется, запутывается в густой ряске, несколько притапливается ниже уровня воды и затихает.

Собака плывет по направлению выстрела и, хотя не видела птицу и на утиной охоте впервые, попадает в нужное место, не находит селезня, делает небольшой круг и вдруг опускает морду в воду почти по уши, достает из-под ряски селезня и торжествующе подает его мне в руки.

Случай второй

Нольвику два года, второе поле. Стоим с товарищем на утиных перелетах по разные стороны большой «лужи». Стреляем, что-то падает, находим, подбираем. Товарищ без собаки. Часа через два перехожу на его берег, чтобы помочь поискать не найденных им уток. Он показывает мне место, где полтора часа назад на сухое поле не скошенной пшеницы упала, казалось бы, чисто битая утка, но он ее не нашел. Пускаю собаку. Немного задержавшись на месте падения утки, спаниель делает круг, находит выходной след и по прямой ведет по полю к другой «луже», расположенной в трехстах метрах от первой. И совершенно уверенно из кромки воды и осоки той другой «лужи» достает подранка.

Случай третий

Во время открытия осенней охоты на довольно большой пойменной воде по берегам ее стоят охотники, человек 5. На космической высоте, как говорят, «с кислородом» летит одинокий кряковой селезень. Естественно, все по нему честно отдуплетились, но он продолжает лететь. Метров через триста селезень начинает снижаться и еще через сто метров садится в пшеницу, не дотянув до очередной лужи метров двести. – «Ну что, Нольвик, пойдем поищем». Ориентиров никаких, чистое поле, только направление и примерное расстояние. Примерно и пришли. «Вперед!». Классический поиск широким челноком, потяжка, подводка, тяжелый взлет, как тетерев, из пшеницы и – удачный выстрел. А без собаки птица была бы потеряна.

Случай четвертый.

Открытие летне-осенней охоты. Стоим четверо или пятеро по берегам большой «лужи». Зорька закончилась, утка почти уже не летает. Собака только у меня. Поэтому обхожу своих товарищей и помогаю им в розыске сбитых, но не найденных уток. Подходим все вместе к последнему из стрелков. Вот здесь, говорит, часа два назад упал кряковой селезень на сухое место, но недалеко от воды. И – нет его, все обыскал. Пускаю собаку. Немного покрутившись на месте падения птицы, спаниель уверенно начал продвигаться вдоль кромки воды и берега и метров через 150 на глазах всей публики из-под берега с кряканьем и хлопаньем крыльями на воду вырывается подранок-селезень, а в упор за ним, едва не касаясь его хвоста, – собака. Метров через 20 селезень ныряет. Собака, доплыв до оборвавшегося на воде следа и видя, что объект погони ушел под воду, так же ныряет, полностью уйдя под воду, и через 3-4 секунды выныривает с селезнем в зубах и подает его под восторженные возгласы всех присутствующих.

Случай пятый.

Ярик – моя вторая собака, правнук Нольвика рождения 30 января 2000 года. Ярику 7 месяцев, он проходит школу натаски и начал работать по болотной дичи. Кроме того, он только-только узнал вальдшнепа и заработал по нему. С глухарем не встречался, с его запахом тоже.

Идем глухой и заросшей лесной дорожкой по высыпкам вальдшнепа. Ярик впереди метрах в двадцати. Вдруг приостанавливается, поворачивает голову налево под прямым углом, разворачивается сам и начинает неуверенную потяжку, строго в сторону от движения по дорожке. Но вот в спаниеле возрастает уверенность, он ведет, не сбиваясь со следа, 20 метров, 50,70, 100 метров. Я уже понимаю, что так собака может работать только по бегущему глухарю, и едва поспеваю за ней.

Ярик бежит впереди меня в высокой траве метров в двадцати. Я забегаю взглядом вперед собаки еще метров на двадцать и вижу шею бегущего глухаря. Вот распустился веером хвост – через миг взлетит... И я нажимаю на курок. После выстрела Ярик подбежал к бьющемуся на земле глухарю, посмотрел удивленно: «Так вот, оказывается, кто так пахнет и быстро бегаёт». И как ни в чем ни бывало лег рядом. Это была, как уже говорилось, его первая встреча с глухарем и к тому же единственная, когда на глухаре остались целыми все перья.

Отдельная тема – это охота со спаниелем по вальдшнепу. На эту тему можно, наверное, было бы написать отдельную книжку, но – ленив и вряд ли в ближайшее время сподоблюсь. Скажу лишь, что ни в какой другой охоте не требуется столько контакта с собакой, столько взаимопонимания, как на осенних высыпках вальдшнепа. Чего только стоят не редко бывавшие работы, когда собака, точно определив местонахождение вальдшнепа, делает стойку-приостановку, поворачивает голову в сторону охотника и глазами как бы спрашивает: «Ну что, поднимать?». «Давай» (одними губами) – прыжок – фррр! – бах – «Ай, молодец! Подай!».

Без ложной скромности скажу, что эта птица и охота на нее – самая моя любимая (и моих собак тоже), ну и самая результативная. Последние годы Нольвика и первые годы Ярика порадовали нас следующими результатами охоты на высыпках вальдшнепа (по годам и всегда в пределах нормы отстрела по сезонным путевкам в разных охотхозяйствах): 41+54+54+33+31+39+29 вальдшнепов на одно ружье.

Некоторые особо матерые спаниелисты из года в год ведут у нас между собой негласное соревнование по результатам охоты на осеннего пролетного вальдшнепа, и, надо сказать, что некоторые из них весьма близки к побитию моих «рекордов», (а иные, возможно, и побили). Хотя это совсем не то соревнование, которое характерно для горячих мастеров стрельбы на осенних утиных валовых пролетах

Одним словом, преинтереснейшая эта охота – на высыпках по пролетным вальдшнепам и, в условиях значительного сокращения численности глухаря и тетерева, едва ли не единственная возможность совершенствовать работу собаки и получать от этого удовольствие. Все-таки, что бы там ни говорили, а охота со спаниелем по утке носит скорее попутный характер в условиях Урала. К тому же эта охота в наших краях очень быстро заканчивается, так как к середине сентября утка уже уходит на большую воду и становится недоступной охотнику с собакой. Охоту же с собакой с лодки я вообще считаю

полным издевательством над собакой. Не собачье это дело – мокрой трястись при осенних температурах на зорях несколько часов, чтобы три-четыре раза сплавать и подать, тогда как, имея лодку, это с полным комфортом мог бы сделать и сам стрелок-охотник. Да простится это мне, но я скорее бы и назвал его стрелком, а не охотником

Полевые испытания, или «Профессиональный» экзамен

Для начинающего спаниелиста, выпестовавшего первую собаку и натаскавшего ее, появление на полевых испытаниях в качестве участника-новичка не имеет с чем-либо сравнения, ну разве что с полевыми же испытаниями, участником которых является далеко не новичок, знающий, что ничего нельзя знать заранее. И остается верить в собаку, в подлунный мир и в компетентность экспертов, если они таковые. И надо вести собаку правильно, безошибочно реагируя и на ее поведение, и на любую непредвиденность постоянно меняющихся ситуаций.

Да и Правила испытаний... Они строги и растяжимы от Веги до Лопе де Веги. Как можно по одним и тем же правилам, представленным одним текстом, не допускающим разночтений, имеющим одну общую шкалу расценок и одни нормы скидок в баллах, – судить спаниеля по болотной, полевой и боровой дичи? Разница лишь в том, что испытания по боровой возможны не ранее, чем за месяц до открытия летней охоты на эту дичь. На остальное – в любое время, хотя есть негласное правило морали: «Тише, птицы на гнездах!», – когда они на гнездах. Уж не вопрос: а судьи кто? Но другой есть вопрос: судьи-то где? Куда смотрят?

«В процессе испытаний должна приниматься во внимание и учитываться (но не расцениваться) работа собаки не только по основной, но и по всякой другой дичи, встреченной собакой», пункт №3 Правил. Поясните, господа, несведущему, что значит принять во внимание, учесть, но не расценивать? Правда, пункт №21 Правил гласит, что подъем и преследование зайца при условии возвращения ее по команде, облаивание боровой дичи, взлетевшей из-под собаки и севшей на дерево, белки на дереве не является недостатком в работе собаки. Ладно, понял: время, потраченное собакой на эти фокусы, выбрасываю из поиска собаки, ведущему объясняю, что все это не в счет, а он, поднаторевший в Правилах, задает вопрос: как вы примете во внимание и учтете содеянное собакой? И при этом просит меня как эксперта заметить, что прежде, чем облаивать птицу на дереве, спаниель по всем правилам следовой работы, с потяжкой и подводкой, поднял ее с пола и не погнался. К тому же птица не всегда садится на дерево для того, чтобы собака на радость экспертной комиссии облаивала ее. Испытания по болотной, мы идем кромкой, но собаке встретился тетерев, вышедший на ягоды, затем второй. Собака обоих последовательно сработала, как надо, без угонки. А болотная дичь нам так и не встретилась в нужном количестве: сработан всего один бекас. Без диплома! Ну, хоть похвалите собачку! Такая неудача...

Степень соответствия собаки требованиям Правил есть ее основная племенная и рабочая аттестация. Ошибок в аттестации быть не должно, поскольку оценка собаки в баллах как показатель ее наследственных достоинств по многолетне проверенным породным элементам закладывается не столько в родословные и в компьютерный учет (если он ведется), сколько является ориентиром при отборе и подборе в племенной работе. Уже

говорилось, что подобное с подобным дает подобное. На примере неумения правильно оценить голоса гончих (а это искусство, требующее, кроме опыта сравнительного анализа, еще и наличие музыкального слуха) мы видим, к чему приводит сочетание якобы подобного с якобы подобным. Все это, выраженное в фальшивых баллах, входит в родословные и в цены на собак, а гончие России генетически теряют свои великолепные по силе и музыкальности голоса.

Действующие правила испытаний спаниелей утверждены в 1971 году. В целом отвечающие своему назначению, они, однако, не без изъянов, с чего мы и были вынуждены начать, а теперь должны продолжить.

Таблица максимальных баллов (пункт № 13) не вызывает возражений, кроме расценки настойчивости в 5 баллов. Не мало ли этого против двадцати баллов за постановку и послушание? Какая же постановка без послушания? Постановка и есть зеркало послушания. Оцените постановку в 15 баллов, послушание сюда войдет автоматически, а если еще точнее – органически. Настойчивость у большинства спаниелей весьма средняя, это требует ее повышения и оценки ее, исходя из 10 баллов.

Остановим внимание на пункте № 16. «Испытания каждой собаки производятся в течение одного часа, в два приема, по 30 минут каждый». Далее этот пункт позволяет уложиться с испытанием собаки в один прием (30 минут), если последовательно сработаны две птицы и все ясно. Не ясно лишь, хватит ли настойчивости спаниеля в той же степени еще на 30 минут работы? Чтобы полномерно выявить уровень настойчивости собаки, дайте ей полные 30 минут дважды в поиске. Исключения можно делать для состязаний, что и оговорите в конкретном Положении о них.

Согласно пункту № 19, ведущий обязан произвести холостой выстрел по первой сработанной птице. Зачем это? Для провоцирования угонки? Или думаете, что все собаки привыкли к промахам своих ведущих? Зачем пустой выстрел, раз вторую птицу надо «отстрелять, если в этом есть необходимость»?! Чем вызывается необходимость? Обычно отсутствием у экспертов или ведущего заранее отстрелянной птицы. Но именно сейчас будет проверка на подачу, вот и сделайте выстрел под подачу. Прекрасен по содержанию пункт № 20 Правил. Но именно его нарушение вошло в практику, став почти нормой. Пункт гласит: «После второй птицы, сработанной собакой, спаниель обязательно испытывается на подачу. Для этой цели используется свежееубитая птица, относящаяся к тому виду, по которому проводится испытание.» Когда из-под собаки отстрела не произведено, свежееубитая птица забрасывается ведущим на виду у собаки на 15-20 метров от нее. Это по правилам. Вот тогда и стреляйте! (Внести бы в правила...). После падения птицы собака посылается ведущим командой «Подай». После падения! Расценка по пункту № 20 является лимитирующей для степени диплома или для отказа в нем. Находясь в динамике охотничьей страсти и движимый ею, спаниель в этих условиях охотно подаст «свою» дичь, то есть ту, на чей запах он сейчас ориентирован.

Этот пункт требует особого комментария по причине слишком частых нарушений его экспертами, и ведущие, на чьих собаках пагубно сказываются

эти нарушения, молчат на испытаниях или по неведению, или не желая портить погоду в отношениях с экспертными комиссиями.

Как бывает на практике? Собаки, отработавшие первую половину напуска из отведенных им шестидесяти минут поискового времени, вместе с экспертами и ведущими отправились на полуденный отдых. Пообедали. Собаки расслабились. И те, у кого есть хоть одна положительная работа, вызываются экспертами для проверки подачи с сохранением очередности жеребьевки. Большинство собак в этих условиях (не рабочая полевая обстановка) подчиняются команде, но выполняют ее не лучшим для себя образом или объявляют забастовку. Да и птица забрасывается, как правило, одна и та же по несколько раз, все больше не представляя для каждой очередной испытуемой никакого охотничьего интереса. Винить ли при этом собак за неуверенную, брезгливую подачу или за отказ от нее? Знаю, иные гордятся: «Мой спаниель хоть гнилую ворону подаст, если прикажу!» Ну, и что в том хорошего? А вот когда эксперты используют для проверки подачи на испытаниях уже попахивающие разложением тушки, – это уж стыдно должно бы быть. Знакомы мы и с такой картинкой: тушка давно уже похожа на тряпку, она тонет в воде, а ее все-таки используют для подачи по бедности.

Но это все издержки производства, не обращайтесь на них внимания, уважаемые участники полевых проб, как когда-то называли полевые испытания всех пород охотничьих собак. Издержки бывают не всегда. Есть же и квалифицированные эксперты, независимо от их официальных регалий, для них экспертиза собаки в поле – не прогулка выходного дня с оплаченным пикником, а ответственная, специфическая и квалифицированная тяжелая работа, к праву на которую человек шел не один год и дорожит своей честью эксперта. Экспертиза собак в поле – не хобби, как это порой выглядит, а работа без права на ошибку и предвзятость.

На испытаниях выявляются и оцениваются следующие охотничьи качества спаниелей: чутье, быстрота поиска, правильность поиска, потяжка и подводка, стиль хода и подводки, настойчивость, подача убитой дичи, постановка и послушание. Каждое из этих качеств (элементов расценки) переводится в баллы; искусство точности перевода в баллы всех элементов расценки не поддается словесному моему определению.

И вот вы в приподнятом настроении, волнуясь и надеясь, что небо к вам благоволит, погода наилучшая, уголья проверены профессионалами на наличие достаточной плотности дичи, – приехали со спаниелем на испытания в назначенное место и в назначенный час. Все в сборе. Председатель экспертной комиссии определяет порядок дня, напоминает об этике взаимоотношений, напоминает правила испытаний, объясняет характер угодий, дает ориентиры.

Жеребьевка. Утро благоприятное. Вперед, ваш номер первый. Вам повезло и не повезло Птица на жировке, это хорошо. Но обильная роса и почти безветрие. Хотите, поменяйтесь с кем-то очередностью. Но нужно ли? Судьи предлагают маршрут, последовательность их маршрута спланирована. Можете согласиться с предложением, но можете и – нет, вы в праве. В ведение

вами собаки вмешиваться можно, но лишь с вашего согласия. Хотя плохого, думается, не посоветуют. Старайтесь быть спокойным, это передается и собаке. Вот она по программе отработала челнок на чистом месте, остановлена вами на расстоянии, все получилось правильно. Подзовите собаку к себе, дайте команду «рядом», даже если судьям этого уже не надо. Это надо собаке и вам. Уложите (усадите) в удобном месте, отойдите в сторону по линии первой параллели челнока, дайте выдержку. «Вперед!» Все: часы пошли. Сейчас вы хозяин положения, ведите собаку, как на охоте, только лучше. Будьте внимательны к ее поиску, потяжкам. Останавливайте ее поиск, если что не так, и, подойдя к ней, вновь пустите в поиск, стараясь проходить по характерным для дичи местам, если сама собака еще не владеет избирательностью поиска. Удачи вам и спаниелю вашему!

Вы знаете (эксперты объяснили, даже если Правила остались вами нечитанными), что собака снимается с испытаний в семи случаях.

1. При отказе идти в поиск в течение пяти минут.
2. При боязни выстрела.
3. За «гоньбу птицы» – преследование взлетевшей из-под собаки птицы на расстоянии более 20 метров.

Вы согласны с третьей причиной? Я – нет. Более 20 метров! На таком расстоянии ее уже и останавливать-то как-то неловко: пусть себе резвится, раз выпала такая радость – дичь увидела. Вы представляете, сколько ваша такая «птичья гончая» на столь длинном отрезке насыщенной дичью местности поднимет ни в чем не повинных птиц в рассредоточившемся, но еще не распавшемся выводке дупелей ли, бекасов ли, тетеревов? Как вы подобное позволяете такой собачке, где ваша гордость, достоинство? Ваша любимая подружейная, задрав хвост, угоняет и себя, и птицу на винтовочный выстрел. Птица-то летит перед ней, быстрее нее, так что прибавьте еще 20 метров «угонки» птицы. 20 метров, допускаемых Правилами, – это побрякушка беспомощным натасчикам и дискредитация диплома, так как за «угонку» на 20 метров за постановку и послушание можно ставить 16 баллов, а эта цифра из числа лимитирующих на диплом первой степени. Длительный опыт работы со спаниелями мне говорит, что 15 метров «угонки» – и то много. Если же вам нужно послать спаниеля, оставшегося на месте после выстрела, за улетевшей птицей, так и сделайте это: спаниель все равно следит за ее удалением глазами

Другие причины снятия собаки с испытаний, то есть отсутствие послушания; порча птицы при ее подаче; по желанию владельца; нарушение ведущим дисциплины, его неосторожное обращение с оружием; физическое наказание собаки или показ ей лакомства во время приказания, – бесспорны и основательны.

Ориентировочная шкала расценок для испытания спаниелей на суше (надо понимать, что не на открытой воде, там, где не нужно в основном передвигаться вплавь, а отдельные окна в болотах не в счет) не проста. Но она должна быть известна всем участникам испытаний, чтобы каждый знал, из каких показателей исходят эксперты при определении внушающих трепет баллов. Другое дело, что в Правилах и в шкалу расценок не впишешь

способность экспертов точно увидеть всю картину работы собаки в поле и правильно расценить ее в баллах.

Во главу шкалы расценок, конечно, ставится чутье (25 баллов). Это за четкое, уверенное и безошибочное чутье не менее, чем по трем птицам, из которых одна перемещенная. Ну, это значит, что по боровой дичи (за исключением вальдшнепа) 25 баллов собаке никогда не получить. Даже если и выпадет исключительность сработать трех взрослых, допустим, глухарей (не выводок начинающих подниматься на крыло), многие ли вспомнят из практики наличие перемещенного?! Может быть, собака и найдет где-то поблизости на полу еще глухаря, так – другого.

Может быть, за работу по глухарю вообще не давать больше шестнадцати баллов? Такая махина с таким пряным запахом – куда равнять его баллы по чутью против бекасиных? Это я не предлагаю такое внести в Правила, а говорю о некоторой несостоятельности критерия чутья в них.

А далее – прошу объяснить. «а) То же при неточном указании птицы при подъеме –18-24». 24 балла – при неточном!? Какой роскошный диапазон неточности, однако, Помилуйте! Далее того лучше: «То же без перемещенной птицы – 20-23.» То есть тоже уверенное и безошибочное чутье, но при неточном указании, без перемещенной... тянет на диплом первой степени. А если без потяжки, без подводки, идя на высокой скорости, сходу спаниель точно наткнется на всех трех птиц, так сказать, сантиметр в сантиметр, включая перемещенную (так бывает при правильном челноке и в высокой траве), – этому цена сколько баллов? Эффектно, конечно, но вопрос не праздный. Где тут чутье, а где случайность? Кстати, по шкале расценок слово «подводка» появляется лишь тогда, когда речь идет о шестнадцати баллах и ниже.

Что касается поиска, то не слишком ли лойяльны Правила, давая 6-7 баллов (из 10) за «неправильный бессистемный поиск с большими пропусками не обысканных мест» (пункт Б).

Правила испытания собак по водоплавающей дичи во многих случаях последнее время для всех пород стали едиными, которые как общие для всех пород и утверждены в 1981 году. Они не учитывают специфику пород. Почему мы отошли от своих правил 1971 года со шкалой расценки по семи элементам, тогда как «общие» содержат шесть элементов, что для спаниелей есть упрощение? Да и не нужно бы мерить одной меркой спаниелей, немецких жесткошерстных легавых и лабрадоров, все заметнее склоняясь этой меркой под общее молчание в пользу ретриверов и дратхааров.

Пусть каждая порода работает в своем стиле, в своей весовой категории, если говорить спортивным языком.

Далеко не в качестве образца, и тем более не в назидание, но для наглядности в соответствии с Положением об экспертах по охотничьему собаководству (глава 4,3) прилагаю отчет о полевых состязаниях по болотной дичи.

Полевые состязания

Ассоциация «Росохотрыболовсоюз»
Союз охотников и рыболовов Свердловской области

Отчет

Об Уральских лично-командных состязаниях спаниелей По болотной дичи, проведенных правлением Свердловского облохотрыболовсоюза 26–29 июля 2001 года

Председатель экспертной
комиссии Агеносов Г. Г.,
эксперт Всероссийской категории
г. Екатеринбург

Уральские лично-командные состязания спаниелей по болотной дичи с открытым чемпионатом, становящиеся традиционными, проведены Правлением Свердловского областного союза ОиР и секцией любителей спаниелей г. Екатеринбурга.

Место проведения: угодья поймы р. Ревда возле д. Краснояр. Характер угодий : сухая пойма, почва мягкая, кочковатая, обильная трава, местами вытоптанная пасущимся крупным рогатым скотом. Изредка — сырые места, заросшие высоким густозеленым траволысьем. Берег со стороны деревни высокий, крутой, четко ограничивающий пойму. За рекой — лес. Площадь достаточно для состязаний большая, проходимость хорошая.

Дичь: дупель, 5–6 выводков. Рассредоточенность птиц неровная.

Погодные условия: температура воздуха утром +6, +8 градусов, днем +18, +20 градусов. Ветер днем слабый, умеренный, утром и вечером — очень слабый или слабый.

На состязаниях заявлены команды трех городов: Екатеринбурга, Первоуральска, Перми. Заявлено собак — 19.

Очередность пуска определена жеребьевкой, проведенной оргкомитетом состязаний.

Экспертная комиссия:

Агеносов Г. Г., эксперт Всероссийской категории — председатель (г. Нижний Тагил),

Коровин В. В., эксперт I категории — член комиссии (г. Нижний Тагил),

Залесский В. Ф., эксперт-стажер — член комиссии (г. Екатеринбург).

Описание работы собак

Первый день — 26 июля, вечер

1. Снайк — 4196/99, рожд. 16 июля 1998 г. от Тумана — 3907/96 и Руфы — 3967/99. Оценка «отлично», дипломы 2 — II, 3 — III ст. Владелец и ведущий Алексеев С. М., г. Екатеринбург.

19 часов 46 минут. По команде идет рядом без поводка. На расстоянии по команде не остановился.

В поиске на тяжеловатом галопе, голова опущена, в плотных местах с высокой травой «свечек» нет. Крепких мест избегает, в трудную зеленку самостоятельно не идет. В работе несамостоятелен. Много пустых длинных потяжек без подъема птицы. Челнок ломаный, часто ходит на параллелях по дуге, допускает завороты вовнутрь.

В 19 часов 58 минут после пристальной, с остановками потяжки коротко подвел о поднял птицу. Указание при подъеме птицы точное. Угонка — 6 метров.

20 часов 15 минут — начал ярко работать на потяжке, оставшейся недоработанной: птица взлетела, не дождавшись подводки, впереди по ходу собаки самостоятельно.

20 часов 18 минут — четкая работа накоротке с точным указанием места сидки: дупель. Без угонки.

В работе — 30 минут чистого времени.

Отношение к выстрелу спокойное. Подача с суши проигнорирована; подача с воды — стопроцентная, в руки ведущему.

Расценивается по двум работам:

18, 8, 6, 7, 4, 3, 3, —, 5, 16 = 70 баллов. Диплом III степени.

2. Ярик, рожд. 30 января 2000 г. от п. чемп. Чара Овсянникова А. Л. и Берты Степанова А. Л. Оценка «очень хорошо», диплом II ст. Владелец и ведущий Поддубный В. А., г. Екатеринбург.

Проверен на послушание: рядом идет, останавливается по команде на расстоянии. Пущен в 20 часов 27 минут.

В поиске быстрый породный галоп, параллели поиска неровные, больше уходит вправо. Иногда идет на пределе допустимого расстояния. На набродах излишне задерживается.

20 часов 37 минут. Энергичная потяжка, едва заметная подводка — и поднят накоротке дупель. Указание точное. Собака погнала, остановилась на крики ведущего через 10 метров.

Время остановлено для перехода в верхнюю (по отношению к течению реки) часть угодий.

21 час 12 минут — работа после довольно длинной потяжки, невыраженной подводки. Дупель поднялся точно по ходу движения собаки. Без угонки.

21 час 18 минут — последняя минута первого напуска. В высокой траве с кочками короткая потяжка, тут же взлет дупеля, угонка до 8 метров.

Отношение собаки к выстрелу спокойное. Подача с суши — нечеткая, с воды — уверенная, в руки ведущему.

Расценивается по трем работам:

18, 9, 7, 6, 4, 3, 4, 4, 5, 14 = 74 балла. Диплом II степени.

Второй день состязаний — 27 июля

3. Тилл-4155/98, рожд. 9 апреля 1997 г. от Жерана — 4040/97 и Чары-3385/92 Залесского В. Ф. Оценка «отлично», дипломы 9- II степени, владелец и ведущий Тихомиров М. Л., г. Екатеринбург.

Примечание: Чаре Залесского В. Ф., являющегося членом экспертной комиссии данных состязаний, более 10 лет.

7 часов 43 минуты. Проверенный на послушание, оказавшееся достаточным, кобель пущен в поиск. В поиске быстр, красив, проявляет высокую настойчивость в обработке поля, контакт с ведущим хороший.

На 13-й минуте уверенно и ярко, с потяжки, при неплохой подводке поднял дупеля и угнал до 10 метров.

Челнок правильный, иногда предельно широкий. Выражен породный стиль, со свечками в высокой траве, собака сильная, энергичная. Когда ветер падает, челнок собаки не строится.

На 14-й минуте — точный выход на птицу. Работа засчитана. Затем — пропуск птицы (без ветра).

8 часов 07 минут — потяжка, короткая подводка на краю зеленки и — подъем дупеля без угонки.

Отличное впечатление от работы собаки и от собаки в ее работе. Подачи с суши и с воды потребовали повторных команд.

Расценка по трем птицам.

21, 9, 8, 8, 5, 4, 5, 4, 4, 17 = 85 баллов. Диплом II степени.

4. Гана — 3908/96, рожд. 24 марта 1994 г. от Джоя — 9721/1 и Даны — 3767/94. Оценка «отлично», дипл. 1 — I, 4 — III ст. Владелец и ведущий Батыршин А. А., г. Пермь.

Собака послушна, необходимые команды выполняет, идет челноком против ветра, галоп небыстрый. Без «свечек». Пущена в 8 часов 40 минут.

Вначале челнок, галоп породный, параллели достаточно правильные. В дальнейшем пойдет быстрой рысью, на коротких параллелях, часто — узкий поиск.

В 8 часов 48 минут с галопа перешла на короткую, но заметную потяжку и тотчас подняла дупеля. Работа накоротке точная.

В 8 часов 50 минут дала хорошую работу с заходом на ведущего по ветру с длинной потяжки. Подводка невыраженная, но едва заметная есть. Птица указана точно. Угонки в обеих работах нет.

В ходе испытаний собака проявила мало самостоятельности, но на сигналы ведущего реагирует неточно.

Отношение к выстрелу спокойное. Подача с суши выполнена неуверенно, несколько брезгливо; подача с воды правильная.

Расценка: 18, 7, 7, 6, 3, 3, 4, 4, 5, 14 = 71 балл. Диплом II степени.

5. Айринс Лэйт Сюпрайз, рожд. 8 ноября 1996 г. от ч. Линк Инцест де Кастель, вл. Дмитриев Л. В. и ч. Жулии дю Пинсонье Брюйер, вл. Коробковы В. и Н. Владелец и ведущий Поскребышев С. Р., г. Екатеринбург.

Отлично идет рядом по команде, останавливается на расстоянии по команде «стоять», управляем. Поиск челноком, линии правильные. Поиск быстрым эффективным галопом, с высоко поднятой головой, высокими скачками. Хорошо держит ветер.

Пущен в поиск в 9 часов 32 минуты.

В 9 часов 47 минут в высокой траве — работа накоротке с потяжкой и быстрой подводкой. Работа точная. Угонка до 5 метров.

Через три минуты спаниель начал длинную потяжку, разобрал след, показывая, что идет не по одной птице, точно подвел и подал на взлет 3 дупеля, находящихся вместе и взлетевших одновременно. Без угонки. Без подачи голоса. Работа засчитана как одна.

В 9 часов 53 минуты — третья работа с прямой точной потяжки и короткой подводки. Бросился за взлетевшим дупелем, допустив угонку на 10 метров.

Отношение к выстрелу спокойное. Подача с суши потребовала повторной команды, после чего взял тушку правильно и подал в руки ведущему. Подача с воды выполнена точно.

Расценивается после 30 минут чистого времени по трем работам без перемещенной.

Расценка: 22, 9, 9, 8, 4, 4, 4, 4, 5, 18 = 87 баллов. Диплом I степени.

6. К-Габи, № 553, рожд. 29 января 2000 г. от Тома — 4036/97 и Ганы — 3908/96. Оценка «очень хорошо», диплом I—III ст. Владелец и ведущий Криницын В. С., г. Пермь.

По команде «рядом» идет без поводка у ноги. На расстоянии ложится по команде. Уложен и перед пуском в поиск. Поиск достаточно правильным челноком быстрым породным галопом со «свечками» в высокой траве.

Пущен в 10 часов 01 минуту.

В 10 часов 04 минуты предложена работа по перемещенному дупелю. Собака справилась и дала недлинную работу без потяжки, но с подводкой в высокой траве. После взлета точно указанного дупеля и выстрела осталась на месте, без угонки.

Через две минуты спорола под ветром на скорости дупеля, наскочив на птицу в упор, не причуяв ее.

В 10 часов 15 минут — вторая работа накоротке с небольшой, но красивой потяжкой. Работа засчитана.

Далее до 30 минут чистого времени — без птицы.

Подача как с суши, так и с воды выполнена безукоризненно. Комиссия отметила перспективность молодой собаки, но контакт с ведущим в работе недостаточен.

Расценивается по двум работам:

17, 9, 7, 7, 4, 4, 4, 5, 5, 15 = 77 баллов. Диплом III степени.

7. Джейс — 4268/01, рожд. 30 ноября 1995 г. от Джима — 3766/44 и Лайны — 3378/92. «Отлично», диплом I—III ст. Владелец и ведущий Гайдудлин Ю. Р., г. Пермь.

Спаниель без поводка по команде «рядом» — не идет. На расстоянии остановился по повторным окрикам ведущего.

Пущен в 10 часов 20 минут. Поиск легким галопом кругами, челнока как такового нет.

В 10 часов 33 минуты после короткой потяжки без подводки поднял трех дупелей, сидящих вместе. На взлет среагировал броском и допустил угонку более 20 метров.

Снят с состязаний за угонку (параграф 22, пункт В Правил).

8. Никита — 4265/00, рожд. 28 марта 1999 г. от Агата — 3755/94 и Виктории-Лады, вл. Копылов. «Очень хорошо», дипломы 2 — III ст. Владелец и ведущий Свитов С. К., г. Екатеринбург.

Послушание собаки удовлетворительное: идет у ноги без поводка, останавливается по команде на расстоянии. Поиск легким быстрым породным галопом с опущенной головой, без «свечек» в высокой траве. Челнок неплохой. Обладая настойчивостью, идет в высокой траве невидимой, приходится угадывать нахождение собаки по линии шевелящейся травы. Изменению направления поиска по сигналам ведущего подчиняется по повторным свистам. В целом впечатление о собаке очень хорошее, она самостоятельна. Чуть бы побольше контакта с ведущим.

Пущена в поиск в 19 часов 55 минут. Идет без птицы 20 минут. На 21-й минуте почти невидимая в высокой траве срабатывает дупеля. Угонки нет. Тотчас чуть в стороне в «зеленке» поднимает второго. Без угонки. На последней минуте чистого времени на открытом месте накоротке вполветра поднимает третью птицу, взлетевшую точно из-под собаки. Угонки нет. Отношение к выстрелу спокойное.

Подача: и с суши, и с воды подает дупеля неточным приемом и по повторной команде (с суши), но — в руки ведущему.

Расценивается по трем работам:

18, 9, 8, 7, 3, 3, 5, 4, 4, 14 – 75 баллов. Диплом II степени.

9. Шерри — 4085/97, рожд. 10 февраля 1994 г. от Флинта — 3714/94 и Веги, вл. Пьянков А. П. «Очень хорошо», диплом 1 — II, 2 — III ст. Владелец и ведущий Самочернов В. А., г. Первоуральск.

Послушание: тянет на поводке, у ноги без поводка не идет. Останавливается на расстоянии по повторной команде.

Поиск узким челноком, идет рысью, часто останавливается.

Пущена в поиск в 20 часов 26 минут. В 20 часов 32 минуты дала длинную потяжку и с едва выраженной подводкой точно подала на крыло дупеля. Угонка — около 10 метров.

Через 6 минут накоротке почти без потяжки сработала вторую птицу. Угонка — до 10 метров.

Оставшееся до 30 минут поиска время — без птицы.

Отношение к выстрелу возбужденное. Подача с суши — отличная, с воды — по повторной команде.

Расценивается по двум работам:

Расценка: 17, 6, 7, 7, 2, 3, 3, 5, 4, 12 = 66 баллов. Диплом III степени.

10. Чейз — 3753/94, рожд. 17 марта 1992 г. от Анчара — 3609/93 и Кэтти — 3716/94. «Отлично», дипл. 2 — II, 1 — III ст. Владелец и ведущий Соколовский В. И., г. Первоуральск.

Идет без поводка по команде «рядом», останавливается на расстоянии. Поиск бессистемный, ход быстрый, легкий, галопом. Голова опущена, ветер на чутье не держит. Ширина поиска предельная, контакт с ведущим удовлетворителен.

Пущен в 20 часов 41 мин.

В 20 часов 50 минут поднял под ветром птицу, не причуяв.

В 20 часов 55 минут дал работу с длинной потяжкой и слабо выраженной подводкой. Дупель поднят точно. Угонки нет. Через 5 минут в невысокой траве под ветром начал потяжку, прихватив неуверенно, и не доработал взлетевшего в стороне дупеля.

В 21 час 02 минуты сходу развернулся, ткнулся в кромку высокой «зеленки» и без угонки сработал точно дупеля. Отношение к выстрелу спокойное. Подача и с суши, и с воды безукоризненная.

Расценивается по двум работам.

Расценка: 16, 8, 6, 6, 3, 3, 3, 5, 5, 14 = 69 баллов. Диплом III степени.

11. Джером — 4294/01, рожд. 20 ноября 1997 г. от Жерана — 4040/97 и Леди Лалетиной О. Н. «Очень хорошо», диплом 1 — III степени. Владелец и ведущий Бартов А. В., г. Екатеринбург.

Собака нервозная, держится на частых и излишних командах. Рядом без поводка идет, на расстоянии остановлена командой с повтора.

Пущен в поиск в 21 час 05 минут. Работает в поиске небыстрым галопом, иногда переходит на рысь, останавливается, ждет «указаний». Челнок неправильный, с заворотами внутрь, с пропуском полезной площади.

В 21 час 10 минут накоротке сработал дупеля, потяжка и подводка мгновенные. Птица указана точно. Угонки нет. На выстрел реагирует нормально.

21 час 20 минут — ветер упал, собака в коротком поиске буквально набрела на птицу: дупель взлетел из-под морды спаниеля. Потяжка была короткая,

медленная. За взлетевшей птицей не погналась, по громогласному окрику ведущего осталась на месте.

Подача с суши потребовала повторной команды, с воды подал охотно, в обоих случаях в руки ведущему.

Расценка: 16, 7, 6, 7, 3, 3, 3, 4, 5, 13 = 67 баллов. Диплом III степени.

12. Смак — 4267/00, рожд. 21 февраля 1999 г. от Руди-II — 4084/97 и Дарли — 3715/94. «Очень хорошо» дипломы 2 — III ст. Владелец и ведущий Кокшаров А. В., г. Екатеринбург.

Собака идет без поводка рядом по команде, останавливается на расстоянии.

Поиск достаточно быстрым галопом, изредка — рысь. Правильности поиска нет, поиск бессистемный, с пропуском мест возможного нахождения птицы.

Пущен в 21 час 30 мин. 15 минут идет без птицы, изредка отмечая наброды. В 21 час 46 минут с короткой потяжки и едва уловимой подводки сработал дупеля. Угонки нет. К выстрелу отнесся спокойно.

21 час 50 минут — вторая работа в высокой траве. Спаниель дал потяжку на кромке небольшой травы и «зеленки», вошел в нее и поднял дупеля. Птица взлетела впереди собаки в 2 метрах. Остался на месте.

Остальное время поиска — без птицы.

Подача с суши: взял тушку птицы не сразу, брезгливо, по повторной команде. По пути к ведущему положил на землю, по команде снова взял, поднес и бросил возле ведущего. С воды подал правильно по полной программе.

Расценки: 17, 8, 5, 6, 3, 3, 4, 2, 5, 13 = 66 баллов. Диплом III степени.

Третий день, 28 июля

13. Дарли — 3715, рожд. 5 октября 1990 от Смока Попова А. Г. и ч. Дези — 2798/1. «Очень хорошо», дипломы 1 — I, II, 4 — III ст. Владелец и ведущий — Попов А. Г.

Послушание собаки неплохое. Идет у ноги, останавливается по команде на расстоянии.

Пущена в поиск в 7 часов 48 минут. Собака низкорослая, идет быстрым галопом с опущенной головой, как шарик катится. И так катится почти челноком, мужественно прокатываясь сквозь «зеленку» и плотную высокую траву.

В 8 часов 01 минуту прошла шумового дупеля, среагировала на его наброд и сидку.

В 8 часов 03 минуты — переход в другой участок угодий, время остановлено.

Пущена вновь в 8 часов 20 минут. Через 4 минуты после этого — выраженная работа в высокой плотной «зеленке». Дупель взлетел в двух метрах от собаки точно перед ней. Собака осталась на месте.

Остальное время первого напуска — без птицы.

Второй напуск — 17.15.

Собака идет прежним стилем, настойчива, быстра. Через 10 минут — отличная работа на чистом месте: длинная уверенная потяжка, едва заметная подводка, и — дупель. Указан точно. Угонки нет.

Отношение к выстрелу спокойное; подача с суши и с воды безукоризненная.

Расценка: 18, 9, 9, 7, 3, 3, 5, 5, 5, 16 = 80 баллов. Диплом II степени.

14. Б-Чарли — 4298/01, рожд. 8 февраля 1998 г. от Руди — II — 4084/97 и Дарли — 3715/94. «Очень хорошо», диплом 1 — III ст. Владелец и ведущий — Зубковский М. А., г. Екатеринбург.

Команды ведущего не выполняет, рядом без поводка не идет. На расстоянии по повторной команде остановился, но тут же ушел в поиск самостоятельно.

9 часов 10 минут. Поиск на неполном челноке с заворотами вовнутрь, с пропуском участков обыскиваемой территории на достаточно быстром галопе, изредка — рысью, без «свечек» там, где они необходимы.

25 минут спаниель проходил без птицы, изредка отмечая наброды, но не задерживаясь на них.

В 9 часов 35 минут вдруг заработал энергично в высокой густой траве и уверенно накоротке поднял коростеля, после взлета остался на месте.

В 9 часов 39 минут среди кочкарника, поросшего плотной травой, разобрался в следах явно не дупелиных и, энергично продвигаясь вперед, поднял на крыло коростеля, который, отлетев метров на 25, сел. Разыскать и поднять перемещенного собака не смогла.

Отношение к выстрелу нормальное.

Подача с суши: под повторные команды ведущего взял брезгливо птицу, понес ее к ведущему, бросил, по новой команде снова взял и положил на землю, не донеся до ведущего около метра. подача с воды подобна подаче с суши, но несколько меньше потребовалось команд и ближе к ведущему поднесла птицу, бросив ее возле него в 20 см.

Расценка: 19, 8, 6, 7, 3, 3, 4, 1, 2, 14 = 67 баллов. Без диплома.

15. Дик — 4299/01, рожд. 8 февраля 1998 года от Руди-II — 4084/97 и Дарли — 3715/94. «Отлично», диплом 3 — III ст. Владелец и ведущий Немытов В. Ю., г. Екатеринбург.

Собака плохо идет рядом, остановка на расстоянии требует неоднократной команды. Поиск довольно быстрым галопом, иногда быстрой рысью на неплохих параллелях, но собака гоняет птичек, это сбивает ее с челнока.

Начало поиска — 9 часов 50 минут. Первые 30 минут поиска — без птицы.

Второй напуск.

18 часов 30 минут. Идет в поиске прежнего характера, на птичек обращает внимание в меньшей степени.

В 18 часов 50 минут заработал на набродах, короткая потяжка — и подъем дупеля накоротке. Без угонки.

18 часов 55 минут — причуял, заметался, потянул и почти без подводки поднял дупеля в стороне от себя. Неточное причуивание. Работа засчитана. Без угонки. Отношение к выстрелу рабочее.

Подача: с суши подал после настойчивых повторных команд, 3 раза бросал птицу, пока донес ее до ведущего и положил на землю. Берет птицу брезгливо; с воды — безукоризненно подал в руки ведущему.

Расценка: 16, 8, 6, 6, 3, 3, 3, 1, 5, 12 = 63 балла. Диплом III степени.

16. Кэтти — 3716/94, рожд. 18 марта 1989 г. от ч. Индуса — 2776/с и Икси — 2409/с. «Отлично», дипломы 4 — II, 4 — III ст. Владелец и ведущий Ляш А. В., г. Первоуральск.

Собака совершенно послушна, поставлена. Поиск челноком на тяжелом галопе первые минуты, затем — рысь и шаг.

Пущена в поиск в 10 часов 55 минут и сразу — шумовой дупель под ветром. На взлет среагировала минимально.

В 11 часов с короткой потяжки без подводки в высокой траве сработала дупеля, точно указанного. Угонки нет, на выстрел не среагировала.

Остальное время, до 30 минут пребывания в поиске — без птицы.

Второй напуск — 19 часов 05 минут — 19 часов 35 минут — без подъема птицы.

Без расценки.

17. Полевой чемпион Чар, рожд. 3 февраля 1995 г. от Чейза — 3753/94 и Берты — 4231. Оценка «Отлично», дипломы I, II степени. Владелец и ведущий Овсянников А. Л., г. Екатеринбург.

Собака проверена на послушание, результат отличный. Поиск быстрым галопом на хорошем челноке, собака сильная, опытная, это проявляется в поиске. Держит ветер на чутье, на набродах задерживается мало.

Напуск в 11 часов 38 минут. 13 минут собака идет без птицы, расширяя поиск в открытых местах с небольшой травой и сокращая его в высокой траве.

В 11 часов 51 минуту потянул, начал работать в потяжке, но ведущий столкнул дупеля впереди собаки в 2 метрах. Спаниель бросился на шум взлета и остановился на месте сидки. Направление движения было точно на место взлета. Работа засчитана.

11 часов 53 минуты — на чистом месте возле высокой «зеленки» быстрая и короткая потяжка и подъем дупеля накоротке. Четкая работа. Угонки нет.

12 часов 00 минут. Хорошо сработал дупеля в кочках с высокой травой, дав потяжку в 2,5 метра и точную подводку. За взлетевшей птицей погнался, остановлен окриками ведущего через 10 метров.

Подача: с суши — отлично, без дополнительных команд, в руки ведущему; с воды подал в руки, но по повторной команде.

Отношение к выстрелу спокойное.

Расценка: 20, 8, 8, 7, 3, 4, 5, 5, 4, 16 = 80 баллов. Диплом I степени.

18. Чарли — 4245/00, рожд. 12 октября 1998 г. от Жерана — 4040/97 и Леди вл. Лалетина О. Н. «Отлично», диплом 1 — I, 1 — III ст. Владелец и ведущий Писаренков С. И., г. Первоуральск.

Идет по команде у ноги, управляем на расстоянии. Поиск неплохим по правильности и ширине челноком быстрым галопом, породный стиль, в высокой траве «свечки». На ходу в поиске спаниель производит отличное впечатление.

Напуск в 12 часов 30 минут на участке плотных травяных «джунглей» с небольшими просветами редкотравья. Спаниель достаточно настойчив и «грамотен», но ведущий скорее мешает ему в работе, чем ведет его.

В 12 часов 35 минут — потяжка на кромке «просвета» и высокотравья в мокром месте, спаниель шел точно на птицу, но ведущий сдернул его несвоевременным свистком: спаниель послушно повернул на свист, и сбоку от него точно по линии его в метре от прерванного движения взлетел дупель. Работа засчитана.. Через полминуты — в высокой траве накоротке отличная, точная вторая работа по дупелю.

Не снижая скорости в плотном травяном поле, спаниель без потяжек, без птицы челночил 11,5 минут.

В 12 часов 47 минут — длинная энергичная потяжка, мягкая подводка и — точная работа по дупелю.

Угонка у собаки нет: после взлета и выстрела останавливается.

Оставшееся время напуска — без птицы.

Подача с суши — правильно взятая птица принесена и подана в руки ведущего. Подача с воды потребовала дополнительной команды для посылки собаки в воду.

Расценка: 21, 9, 8, 8, 4, 4, 4, 5, 4, 17 = 84 балла. Диплом I степени.

19. Дар, св. № 12744, рожд. 24 мая 2000 года от Чейза — 3753/94 и Руфы — 3967/96. «Очень хорошо», диплом 1 — III ст. Владелец и ведущий Григорьев В. С., г. Екатеринбург.

Собака неплохо поставлена, управляема полностью. Но челнок пока недостаточно правилен, в поиске собака держится на свистке. Команды частые, они дергают собаку, держат жестко. Ход — достаточно быстрый галоп. Есть «свечки».

12 часов 59 минут — напуск. За 30 минут поиска — без птицы. За это время собака не снизила хода, не потеряла стиля.

Второй напуск — 19 часов 50 минут. До 20 часов 10 минут — собака искала впустую. На 21-й минуте поиска наводка на перемещенного, севшего под высокий берег реки. Место посадки птицы не было точно замечено комиссией и ведущим. Собака шла по кромке поля над обрывом, вдруг потянула к краю, почти заглянула под кромку — и оттуда вылетел дупель. Редчайшая работа!

К сожалению, в дальнейшем спаниель дважды «спорол» дупелей вполветра, не причуяв на краю «зеленки».

В 21 час 19 минут — начал энергичную потяжку и накоротке сработал птицу. После взлета дупеля — без угонки. К выстрелу отношение нормальное.

Подача: с суши подал с трудом, после неоднократных команд, но — в руки ведущему. С воды — полноценная подача, как надо: охотно и в руки ведущему с одной команды.

Расценка: 17, 8, 7, 6, 4, 3, 4, 3, 5, 13 = 70 баллов. Диплом III степени.

Анализ результатов

Результаты Уральских состязаний спаниелей 2001 года явились высокими: дипломировано 84,2 % собак из числа участвовавших. 3 спаниеля получили дипломы I степени. Чемпионом состязаний стал Айринс — Лэйт, английский спринтер-спаниель (вл. Поскребышев С. Р., г. Екатеринбург).

Анализ рабочих качеств по элементам расценки (из числа собак, подлежавших расценке) на основании среднего балла дает следующую картину.

Средний балл за чутье — 19,29 (максимальный — 22, минимальный — 16 баллов).

за быстроту поиска — 8,2 (макс. — 9, миним. — 6 баллов)

за правильность поиска — 7,0 (максим. — 9, миним. — 5)

за потяжку и подводку — 6,8 (макс. — 8, мин. — 6)

за стиль хода — 3,4 (макс. — 5, миним. — 2)

за стиль подводки — 3,2

за настойчивость — 3,9

за подачу с суши — 3,5

за подачу с воды — 4,5

за постановку и послушание — 14,6

Средний общий балл — 73,6.

Врожденные породные качества, в меньшей степени зависящие от натаски, от постановки и послушания, спаниели проявили достаточно высокие, особенно чутье (средний балл — 19,29!), быстроту поиска.

То, что требует работы с собакой и в большей степени зависит от ее владельца и ведущего, — хуже: правильность поиска (7,0), потяжка и подводка (6,8), а отсюда и их стиль (3,4 и 3,2 соответственно, подача с суши (3,5), которая дается, как правило, в постановке труднее, чем подача с воды.

Средний балл за постановку и послушание в итоге для состязаний невысок — 14,6. От собак, имеющих высокие породные качества, надо добиваться большей чистоты в работе, а от себя их владельцы должны требовать лучшей, более грамотной постановки своих питомцев. Так, только трое из всех участников состязаний уложили (усадили) своих собак перед их напуском. Только 2 спаниеля из всех вообще ни метра не гонят птицу при ее взлете. У всех собак подводка или практически отсутствует, укладываясь в лучшем случае в мгновение несколько сантиметров, или проявляется без потяжки.

Ни один спаниель не отдал голос при взлете птицы в высокой траве, в глубоком кустарнике, а взлетов таких было много.

Считаю необходимым пояснить нашу расценку по графе 9: расшифровка графы 9 сводит постановку к послушанию. Мы же, т. е. комиссия, учитывали при этом степень правильности поиска и степень самостоятельности собаки в ее контакте с ведущим. Большинство участников состязаний загружают собак обилием команд, сигналов, окриков — это не лучшая форма постановки собак. Иначе говоря, в постановке собак, выставленных на состязания, много сырости. Понимаем, трудное дело — постановка, да результат красив.

Примечание:

1) Место проведения состязаний однотипное, собаки работали в равных условиях по всему полю угодий, поэтому в описании работы каждой собаки нет характеристики местности.

2) На подачу собакам с суши и с воды использовались ранее отстрелянные, но свежие дупеля.

В целом считаю, что состязания были подготовлены и проведены отлично, в чем заслуга оргкомитета состязаний и его председателя эксперта I категории Поддубного В. А.

Председатель экспертной комиссии,
Агеносов Г. Г.

Ах, выставка!

Выставка! Все – на выставку! Там сегодня культ собаки! Это высшее мероприятие в племенной работе. Владельцы собак волнуются: это праздник, да какой! Ну, зачем волноваться? Все уже сделано: собака выращена, научилась показывать зубки (не в смысле огрызаться). Или не научилась? А то – бывают неумехи. Правда, этому научиться надо и самому. Все просто. Дав команду «Зубы!», которая вашей собаке уже известна, ровным и спокойным движением охватите морду собаки одной рукой и, слегка сжимая ее челюсти, указательным и средним пальцами другой руки (или указательным и большим, как вам удобней) раздвиньте ее губы спереди, обнажая резцы и показывая форму их смыкания. Затем, успокоив и одоблив собаку, не сжимая ее челюстей, немного приподняв последовательно верхнюю и нижнюю губы, покажите боковые зубы собаки с обеих сторон.

Эксперты осмотрят прикус, состояние зубов, сосчитают их. Прикус должен быть ножницеобразный, количество зубов у взрослой собаки – 42, из них резцов в верхней и нижней челюстях по 6, клыков – по 1 с каждой стороны, премоляров – по 4, моляров в верхней челюсти по 2, в нижней – по 3 с каждой стороны.

Ошейник должен быть мягким, удобным, не искажать форму и линии шеи собаки, различные удавки для ринга не годятся, если собака хоть сколько-то тянет на поводке. Поводок нетяжелый, удобный.

Ну, остальное – по ходу, по расписанию работы ринга, согласно методике и технике экспертизы. Собака идет в своей половой и возрастной группе по рингу с левой стороны от вас у ноги, оказываясь с внутренней стороны по ходу кругового движения. Обычно спаниели, как и другие собаки, но разве что в большей степени, поддаются настроению ринга, контролируют себя. Этому настроению соответствует и ведущий. Вы давно знаете, что ваше состояние передается собаке. Пусть ваше настроение поможет экспертизе. Конечно, беда, если собака впервые увидит многолюдье и ощутит себя в опасности, оборонительная реакция возьмет верх, спаниель не «покажет» себя.

Но это не ваш вариант, с вашей собакой все в порядке. Она получит свою оценку, и вы знаете, какую. Разве нет? Кто же из собаководов не применил к своему спаниелю чуть ли ни с его рождения стандарт породы и таинства экстерьера? И сегодня ваше чудо в выставочной кондиции, шерсть его промыта не позднее, чем неделю назад (позднее нельзя, покровный волос качественно не придет стандартное состояние). Собака вычесана, хорошо себя чувствует.

Все документы у вас в порядке, включая ветеринарные. Вы идете на выставку, там все будет правильно. Бывает, конечно, что-то не совсем так: недостатки там всякие и даже пороки, но что есть, то есть. Лишь бы не хуже, чем есть.

М. М. Пришвин описал когда-то историю со спаниелькой своего знакомого. У той был неправильный прикус, а в остальном – уж больно хороша! И посоветовал шутник-писатель выйти с этой красавицей на ринг. Судьи, мол, обомлеют от красоты не писанной и зубы посмотреть забудут. Судьи обомлели, но про зубы не забыли, вышел конфуз. Ай, да судьи! А судьи кто? Этот вечный вопрос на выставке всплывает очень не в последнюю очередь.

В некотором царстве-государстве идет ринг спаниелей выставки большого масштаба. Со своим спаниелем я имел честь в ней участвовать, так что все ниже писанное – свидетельство очевидца и участника. Дело движется без суеты. Вначале собак поводили кругов по 6 соответственно полу и возрасту, затем стоим рядком и ждем очереди вызова на стол для осмотра. Владельцы тех спаниелей, кому еще не на стол, времени не теряют и заняты шерстным покровом своих собак: расчесывают без конца, незаметно кое-что срезают, что-то выдергивают по советам знатоков. Тут же левые парикмахеры и мастера по собачьей шерсти быстренько подрабатывают, не мелочась на цену за услуги, поскольку – в боевой обстановке. (Примечание. Пункт 3-21 Правил проведения выставок гласит: «Любые ... изменения внешнего вида, не предусмотренные стандартом, оставляют собаку «без оценки»).

В начале же выставки (о, ужас!) пошел дождь. Это надо было видеть! Мигом собак – кто под зонт, кто под куртку, с себя ее долой, под рубашку даже, на себя дождь приняв! Я под сосну встал, поскольку очередь до возрастной группы моего пса еще далеко. С дерева, правда, каплет, но я в плаще. –«Спасайте собаку! Прячьте под плащ!». Почему? Оказывается, потому, что эксперт на ринге превыше всего ценит, чтобы шерстинка к шерстинке и – ни одной лишней. Но, дорогие мои соучастники выставки, во-первых, лишних шерстинок на правильно одетой и вычесанной собаке этой породы нет, а во-вторых, спаниель, как я понимаю, предназначен для работы в болоте, в воде, в росе, наконец. Вот дождь сейчас и покажет на мокрой шерсти то, что вы хотите скрыть от экспертизы.

Долго ли, коротко ли, а пришла пора и моему кобелю – на стол. А на столе он не был с раннего детства. К тому же стол шатается, и то, что доставляет, возможно, экспертной бригаде удовольствие, невыносимо для собаки. Эксперты, вероятно, даже не заметили, что стол их стоит непрочно. У кобеля моего шерсть дыбом на холке, голову опустил, глаза сузил, подобрался соответственно критической, на его взгляд, ситуации. А один из ассистентов говорит эксперту: «Осторожней, он злобный». Прямо скажем, предупреждение поступило своевременное: вокруг стола все подтянулись, к спаниелю боятся прикоснуться. Ассистент понял неладное, бодро спрашивает: «Зубы покажем?». – Да, смотрите. «Нет, покажите сами». Показал. Эксперт: «Голову потрогать можно?». Да, и чем смелее, тем лучше. – «Ну, была ни была!». И ладонь эксперта на мгновение легла на голову успокаивающейся собаки. Затем вопрос эксперта ассистентам: «Какой главный недостаток головы?» Их трое. Перечислив все, что могли, и понимая, что все это не подходит, они не угадали. А что угадаешь, если недостатков нет? Оказывается (ура!), все-таки есть: «Глубоко посаженные глаза. Коккериные». (Примечание

из стандарта спаниелей-коккеров: «Глаза. Крупные, но не выпуклые...» И так далее. Про «глубоко посаженные» – ни слова. У стоящего же на столе экспоната глаза вначале сузились по причине появления на столе (вина, безусловно, моя: не потренировал), но вот он успокаивается и смотрит нормально, правда, не с «общим выражением понятливости и доброты», что положено по стандарту коккеру. Я говорю эксперту, не усматривая в сказанном нарушения дисциплины со стороны ведущего на ринге: «Вы, вероятно, помните московскую полевую чемпионку Нору-1020/с Валова. В ней было коккериное, но не глаза, а уши, но этого она своему сыну Минору не передала. А на столе собака линии Минора. «Да, да. Во всех нас есть коккериное», – был ответ эксперта.

Первое же, с чего началась экспертиза, когда собака была поставлена на стол и напряжение несколько спало, – это с выговора за шерсть, «но в этом виноват не владелец, а секция. Владельцу надо было объяснить, что собаку надо к выставке готовить, шерсть лишнюю выщипать, выдернуть». (Гм?! Снова пункт 3-21 Правил проведения выставок о недопустимости каких-либо косметических изменений, парикмахерских вмешательств). Собака же, стоящая на столе, была отлично по стандарту одета и отлично расчесана. Так что секция ни в чем не была виновата, да и владелец не был новичок. Главный же фокус в том, что экспертиза не была гласной. Лишь на ринге комплексных оценок и наградам я получил копию оценочного листа с оценкой «очень хорошо». Про «коккериные» глаза и что-то негативное про шерстный покров и неподготовленность собаки к выставке в оценочном листе не было ни слова. Зато я узнал, что у собаки моей «высота ноги менее половины высоты в холке». Но помилуйте, господа! Собаку не измеряли вообще, тем более на предмет соотношения длины передних конечностей и общей высоты в холке! А если бы измерили, то обнаружили бы высоту в холке 43 см. при длине («высоте ноги») в 23 см. Потеряв таким образом на заниженной оценке экстерьера 10 баллов, в ринге комплексной оценки кобель занял IV место. А если бы не потерял? Сложная вещь, одним словом, экспертиза собак на некоторых выставках. И последний штрих к нарисованной картинке. На этот самый комплексный ринг за получением копии оценочного листа и медали я вышел, нацепив на себя значок эксперта всероссийской категории. Вручающий медаль эксперт чуть смутился. Копию оценочного листа храню. Кстати (вернее, по правилам методики и техники экспертизы, принятой в нашей стране, – как раз некстати), ринг расставлялся после осмотра на столе: эксперт отводил владельца с собакой в линию уже стоящих, куда считал нужным, – кого вперед, кого в хвост линии. Мимо меня вперед проводились такие легонькие, хиленькие, с подрывами, в сучьих ладах (и это кобели старшей возрастной группы!), что предпочтения эксперта стали понятны, а наша оценка перестала иметь значение и смысл. Об одной, передо мной стоящей собачонке, эксперт горячо говорил ассистентам: «Он наберет! Он наберет!». А что и когда в старшей группе набирать, если ни костей, ни груди, ни мускулатуры у бедного узенького спаниельчика!

Можно спросить: что же я молчал в процессе экспертизы? Молчал потому, что знаю правила поведения экспонента. Но если бы экспертиза была гласной, а не в форме переговаривания эксперта с ассистентами, я узнал бы о том, что привез на выставку коротконогую собаку, и потребовал бы промеров, на это у экспонента есть право. А экспертиза – она единоличная, глазомерная, сравнительная. Сравнительная экспертиза сразу была исключена фактором стола. Измерение собаки, проводимое по определенной схеме, служит важным дополнением к глазомерной оценке. В иных случаях оно необходимо. В нашем с Гервиг-Минором случае (а это был он, чья колодка была признана показательно лучшей на VII всероссийской выставке) было обязательным, раз уж встал о том вопрос, определение индекса высоконогости, а как это делается, грамотные ассистенты и даже эксперты знают.

Но вернемся на экстерьерный ринг выставки как таковой и забудем о том, что только что прочли, посчитав все это изображением экспертизы методом «от противного», не более того. Сам я отношусь к экспертам и выставкам с глубоким уважением не только потому, к системе сей принадлежу.

В идеале вы были правы с самого начала. Собака на выставке должна получить ту оценку экстерьера, какой она соответствует на день выставки. Подчеркнем: на день выставки! Поэтому никаких «наберет, наберет!» А если мало ли что у собаки не так, но она в целом хороша, типична для породы и не имеет нежелательной наследственности, то по мере возможности вопрос об оценке должен решаться в пользу собаки. Но «не навреди!» – это девиз хорошего эксперта, в том проявляется его профессионализм.

Итак, для ясности: «Оценка собаки на выставке производится только экспертом данного ринга и является окончательной». (Правила проведения выставок, III-18). А что же тогда делают ассистенты, зачем они? Они – набираются опыта, выполняют предварительную работу по началу выхода собак на ринг, занимаются документацией, иногда играют роль шпаргалки. Голос имеют неофициально совещательный. Но как же оценка и единоличная, и – окончательная? Независимая, наверное? И это прекрасно! А если с оценкой что-то не то? Тогда обратитесь к Главному эксперту выставки, – скажет вам каждый разумный. Не нужно, не обращайтесь. Слово «окончательной» остановит и Главного. Что может Главный? Многое. Он может отметить нарушения инструкции правил экспертизы, если таковые имелись, но...это уже отметили и вы. Он может даже заменить эксперта, чего не бывает никогда, если тот хоть как-то еще в «выставочной кондиции». Я много раз был Главным областной выставки со статусом всероссийской, так что знаю. Однажды мне все же при шлось заменить эксперта, но в целом корпус экспертов в России достаточно крепкий народ и то, что называется морально устойчив.

Тут что еще хитроумно? То, что эксперт вправе как-то «двигать» оценки и места в ринге до их объявления. Но после объявления оценка как бы зацементирована и место в ринге нерушимо. В итоге ринга эксперт обязан объявить оценки, места и в соответствии со стандартом породы грамотно обосновать, мотивировать и оценки, и места. Все открытые и приватные несогласия и протесты тут и начинаются. Бывают на рингах рабочие моменты,

требующие помощи более опытного, всесторонне компетентного эксперта. Умный, не амбициозный эксперт ринга не посчитает зазорным обратиться к нему и поговорить об оценке, прежде чем сделать ее окончательной.

Счастлив в своем деле эксперт-кинолог, чья экспертиза близка к абсолюту, и доверие к ней полное. Я не верю, что нельзя работать в ринге без ошибок, и знал, знаю таких коллег по экспертизе разных пород, чьи оценки действительно окончательно верны – ни убавить, ни прибавить. О таких экспертах обычно не ходит никаких разговоров и слухов – хороший признак! Но эти люди не смотрят на ассистентов как на технических секретарей и подручные справочники, они дают им свободу на ринге в пределах того режима работы, который оговаривается с ними заранее. Что же остается на долю эксперта, чья работа не знает осуждения и рекламации, чем занят на ринге он? Отвечу американской поговоркой: «Крупный зверь выходит на охоту последним».

И вот ринг породы русский охотничий спаниель глазами профессионала. Он видит то, что есть, и соотносит это с тем, что должно быть. Чем больше соответствие между желаемым действительным, тем выше качество ринга. Данный ринг кобелей старшей возрастной группы, к примеру, представляет интерес. Трое из экспонатов простоваты, беднокостны, плохо одеты, но ассистенты их уже вычислили. Пожалуй, правильно скомпанована и головка ринга. Надо лишь поменять местами первого и третьего. Понятно, что первый подкупил ассистентов своей головой и колодкой. Голова сухая, длинная, не широкая, морда длинная, узкая, заметно уже черепной части, в профиль смотрится очень красиво. Тут все хорошо: и лоб слегка выпуклый, и надбровные дуги сильно развиты, и линии черепной коробки и морды параллельны, и переход от лба к морде хорошо выражен, и обрез губ в норме. Красиво и модно, за такими точеными головами сейчас гоняются. Не поэтому ли из уравновешенно-подвижного типа поведения уходит уравновешенность? Давайте посмотрим на эту голову сверху. Она не широкая, скорее умеренно узкая, тогда как должна быть по стандарту умеренно широкая (все-таки опорным является слово «широкая»). Морда по стандарту широкая, немного уже черепной части, если смотреть сверху. О морде в стандарте вообще говорится, казалось бы, ясно: она «длинная, широкая». Так что, дорогие ассистенты, этот красавец на нашем ринге первым идти не может. Его голова породная, но узкая, на грани порока.

Но обратите внимание на пятого в вашем построении. Чем он уступает предыдущим? Он же то, что надо. Давайте измерим его высоту в холке. Правильно, 43 см. Смотрите, какой он крепкий и при этом сухой, с отличной мускулатурой, у него великолепная колодка с выраженной высокопередостью. Он прекрасно одет, действительно длинношерстный спаниель, каким ему и быть положено. Вас смутила его голова, она не длинная, но умеренно длинная, умеренно широкая в черепной части, правильных линий, хотя чуть коротковата морда, если исходить из ваших предпочтений. Давайте-ка сделаем так: третью собаку поставьте первой, пятую второй, и ринг выровняется. Кто возьмется обосновать оценки? К гласной экспертизе надо

привыкать. Один из ассистентов провел собак еще раз по кругу, остановил, повернул всех лицом к зрителям, объявил оценки и каждую прокомментировал. Возникло несколько вопросов, на них ответил сам эксперт ринга.

Следующий ринг – суки младшей возрастной группы. К младшим эксперт относился особенно трепетно, если можно так сказать по отношению к начинающим жить собакам. Прежде всего, спасибо им за то, что выросли. Они – будущее породы, и надо уметь увидеть перспективу этого будущего. Младших эксперт судил сам, сдерживая ассистентов в их азарте и желании сразу проявить себя перед «маленькими»: ведь и владельцы экспонатов младшей группы обычно на выставке – новички. Хорошо, когда на выставке удается никому не испортить настроение, то есть когда все правильно.

Богатый опыт выставок у меня как у эксперта оставил в памяти немало уникальных явлений, многие из которых никак и не относятся к теме нашей книжки, а выставки характеризуют как мир, выходящий за пределы всех стандартов и инструкций. Однажды на областную выставку, имеющую статус республиканской, опоздала женщина с дратхааром (поломка автобуса в пути, а в пути автобус был много часов: из дальних мест шел). Как известно, на областные выставки опаздывать нельзя. Женщину привели ко мне как к Главному эксперту. Ну, на ринг все равно нельзя, как бы ни было жаль опоздавшую. Можно лишь оценить собаку вне ринга и бонитировать, и это уж на усмотрение Главной экспертной комиссии. Решили сделать, что можно. Вызываю эксперта, свободного от работы в ринге и знатока немецких легавых. Собственно, он был знаток всех пород, наш милейший Павел Федорович Тарханеев, человек высокой общей культуры и культуры кинологической, занесенный на Урал неразборчивым ветром репрессий, как и еще кое кто из нашей среды. Павел Федорович окинул оценивающим взглядом дратхаара издали, как это и полагается для общего впечатления о собаке, и приступил к ее осмотру. С этого момента для него, кроме собаки, не существовало ничего, выше собаки он не смотрел, в чьих руках поводок, – его не интересовало. Но я-то видел, как вдруг изменилось лицо женщины. Она прижала руки к груди и тихо произнесла умоляюще: «Паша!?!». Так встретились брат и сестра. Они потеряли друг друга 30 лет назад! Пришлось дратхаара оценивать и описывать мне самому: нельзя же родственнику...

Проводил я как-то весной в кинологически глухом районном центре выводку собак охотничьих пород, там набравшихся. А весна, если это можно назвать весной, бесчинствует. При мокром снеге, накануне выпавшем, в слякоть состоялась выводка № 1 в этом районе. Безусловно, наиболее стойкий народ охотники-собаководы. Если они охотники – это уже выделяет их из массы людей; если они охотники с собаками – значит вне массы заурядных охотников: спиртовая вытяжка из породы охотников. Впрочем, в этом краю все – спиртовая вытяжка, без собак здесь охотников не было в те годы. Хотел бы я посмотреть, что случилось бы в такую непогоду с выставкой декоративных собак и их декоративных владельцев.

Подарок жизни: раньше всех на выводку пришла восьмилетняя девочка с собачкой на веревочке. Одна, без взрослых. Идет мокрый снег, холод, и эта девочка с ручонками без перчаток или варежек. Собачка была трогательно послушна, ни команд от девочки, ни реакций, а собачка на своей веревочке была терпелива и доверчива, как сама девочка, приведшая своего друга «на выставку». Черная небольшая беспородная собачка со всеми атрибутами беспородности... Как сказать было девочке, что выводка не для ее смиренно ждущей, вернее – не ждущей своей участи собаки? Смирение, терпение и доверчивость – вот что объединяло девочку и собаку.

Я отвел девочку в сторону, затем пригласил ее в комнату экспертной бригады, составленной из местных авторитетов, где и выписал ее собаке «Свидетельство на оценку», похвалив обеих. Оказывается, папа сказал девочке, что собака охотничья, «спанэль». Папа хорош, что тут скажешь еще о нем! А я? Ну, обманывать девочку я не стал, сказал ей правду. И написал ей правду: «Собака вне породы. Очень хорошая». Это правда. Только бы не испортилась уж очень-то девочка, вырастая. Собачку ее не ждет ничего хорошего, как, впрочем, и Светлану (так зовут мою участницу выводки № 1 в городе Верхняя Салда).

Но вернемся к русскому охотничьему спаниелю как к породе. Поголовье русских спаниелей в настоящее время насчитывает несколько тысяч, и большая часть его находится в отдаленных от центра регионах. Если мы хотим сохранить и еще больше утвердить любимую многими нашими охотниками породу, надо выработать ее однотипность. Ориентир однотипности есть и в целом он прекрасен, именно он определил феномен породы: за столь короткий срок создана уникальная охотничья собака – многопрофильная по возможностям, монолитная по сути. Ориентир – это СТАНДАРТ русского охотничьего спаниеля.

Русский спаниель «растет», если посмотреть на лучшие экземпляры, отвечающие требованиям стандарта. Думается, что он должен оставаться слегка приземистым, но не менее, чем с высотой в холке 40 см. (кобели) и 38см. (суки) с верхним пределом соответственно в 45 и 43см. Это имеет прямое отношение к однотипности.

Второй проблемой однотипности остается отсутствия должного внимания к основному породному признаку – линиям головы. Во многих кинологических центрах соответствующую стандарту голову русского спаниеля «просто потеряли» (журнал «Охота и охотничье хозяйство», №4, 1994).

Третья проблема – шерстный покров русского спаниеля. «Описанный в стандарте шерстный покров русского спаниеля полностью соответствует как практическим, так и эстетическим взглядам на породу большинства специалистов и практических охотников. Необходимо только строго придерживаться его при оценке и описании на выставках и учитывать в племенной работе. Однако, существует тенденция игнорировать необходимость хорошей «одежды» для спаниеля (там же). Очевидно же, что недостаточно длинный покровный волос, слабо развитый уборный волос,

жидкие очесы, едва намеченный подвес делают спаниеля не защищенным перед суровой внешней средой, в которой он предназначен работать. Не говорим уж о том, что не длинношерстный, «полуодетый» спаниель ни в какое сравнение не идет с одетым соответственно стандарту ни с точки зрения назначения породы, ни эстетически. Так что – никаких парикмахерских услуг, «выщипываний и выдергиваний» перед выходом на ринг. Пусть свое дело сделает хорошая расческа, применяемая, разумеется, не только раз в год, перед выставкой.

Последнему варианту стандарта, ныне действующему, не так давно исполнилось 50 лет, для становления породы срок минимальный, еще нетрудно ее ломать, самовольничая по отношению к стандарту, особенно на крупных выставках. Для сравнения: столь же не так давно в кругах серьезных любителей русской гончей, к коим принадлежит и автор данных строк, отмечен был столетний юбилей стандарта русской гончей. В сравнении учтем, что русская гончая в основном своем виде сложилась задолго до утверждения стандарта, и был накоплен богатейший генофонд породы. Пожелаем же тем, кто сейчас очень молод, и тем, кто впереди и когда-то будет иметь русского охотничьего спаниеля, красиво отметить 100 лет его стандарта! Осталось ждать 45 лет.

Любая порода держится на энтузиазме любителей и лидерах породы. Лидерам породы в стране надо знать друг друга без чинов и званий, независимо от местожительства. Год назад я познакомился с председателем секции спаниелистов г. Королева Евгеньевой Ольгой Васильевной. Вот молодец! Если применить к ней шкалу расценок спаниелей в поле (не в обиду ей), то – 20 баллов за чутье, 20 баллов (в сумме) за поиск, 5 за настойчивость. Влюбленная в породу, она глубоко верна русскому спаниелю, требовательна к его соответствию нормам стандарта, умеет видеть собаку и поставить ее в поле. Энтузиаст и эксперт, она почти болезненно переносит недостатки экстерьера собак своей секции, если они обнаруживаются, и умеет вести породу. Там, где она, за породу можно быть спокойным. Думаю, что одна из проблем в племенном деле: качественный спрос на щенков – в ее секции решается грамотно. Племенная работа и рыночный интерес – две вещи несовместны. Знаю случаи, когда прекрасные заводчики лучших щенков просто отдавали за символическую цену перспективным в нашем деле людям и от этого только выигрывали. Но более часты случаи, когда за немалые деньги купленные щенки хороших кровей лишь украшали интерьеры квартир своих владельцев и выпадали из племенного поголовья породы.

Итак, ваш выбор – спаниель! Английский коккер, спрингер или русский охотничий – все мы одной крови. Хорошей жизни и удачных охот вам и вашему спаниелю!

Благодарю Евгеньеву О. В. и Лапшина И. А., подвигших меня на написание книги; моих друзей Залесского В. Ф. и Поддубного В. А. за помощь в работе над ней.

Агеносов Герман Георгиевич

Литература

- Агеносов Г. Г. Ажик-Минор // Охотничьи просторы. 1979. № 34.
- Акишин Ф. С. Охота со спаниэлем. М.: Физкультура и спорт, 1953.
- Валов Н. А. На охоте со спаниелем. М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Герман В. Е. Охота на болотную и луговую дичь. М.: Физкультура и спорт, 1957.
- Зворыкин Н. А. Избранные произведения. М.: Физкультура и спорт, 1955.
- Лоренц К. Человек находит друга. М.: Мир, 1971.
- Мазовер А. П. Охотничьи собаки. М.: Лесная промышленность, 1979.
- Охотничье собаководство / Сост. А. В. Платонов. М.: Колос, 1966.
- Поддубный В. А. Русский спаниель – взгляд на породу // охота и охотничье хозяйство. 1994. № 4.
- Сабанеев Л. П. Календарь природы. М.: Наука, 1964.
- Уитни Леон Ф. Психология собаки. М.: Центрполиграф, 1999.

Оглавление

Вступление 1	
И вот ваш выбор – спаниель 4	
Это скучное слово – натаска 19	
Натаска Лады. Первая дичь 19	
Первые впечатления 21	
Ажик-минор. Первая натаска 31	
Спаниель на охоте с ним 35	
В лугах и болотах за красной дичью 36	
Охота на дупеля 37	
Охота на бекасов 38	
За утками с «утятницей» 42	
Со спаниелем по перепелам и куропаткам 44	
Белая куропатка 46	
Фазаны – мечта спаниелиста 48	
В лесу со спаниелем и ружьем 49	
Характеры и личности 58	
С чего начинался Минор 61	
Линии (линейное разведение) 67	
Ажик-Минор 72	
Гервиг-Минор 78	
Феномен Залесского 80	
Слово Поддубному 86	
Полевые испытания, или Профессиональный экзамен 88	
Полевые состязания 95	
Ах, выставка 106	
Литература	